

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

IV международная научная конференция

(Севастополь, 6–10 октября 2020 г.)

**Материалы конференции
ТОМ II**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

IV международная научная конференция

(Севастополь, 6-10 октября 2020 г.)

**Материалы конференции
ТОМ 2**

Москва
2020

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:

А.Д. Васильев

Рецензенты:

Д.Д. Васильев, Н.И. Храпунов

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6-10 октября 2020 г.).

Том 2 / Отв. ред. А.Д. Васильев; сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников — М.: ИВРАН, 2020. — 272 с.

ISBN 978-5-89282-968-7 (т. 2) ISBN 978-5-89282-990-8

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 20-09-20029

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

© Севастопольский государственный университет, 2020

© ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2020

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

IV Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма
со Средиземноморским регионом и странами Востока»
(6-10 октября 2020 г., Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,

Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Лебединский Виктор Викторович,

*старший научный сотрудник ИВ РАН,
заведующий кафедрой «Востоковедение» СевГУ, к.и.н.*

Члены Организационного комитета

Нечаев В.Д.

Ректор Севастопольского государственного университета, д.п.н., проф.

Морозова Е.А.

*Директор ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический»*

Татарков Д.Б.

*Директор Института общественных наук
и международных отношений СевГУ, к.и.н.*

Аликберов А.К.

*Зам. Директора ИВ РАН, Рук. Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья, д.и.н.*

Седикова Л. В.

*Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический»», к.и.н.*

Бойцова Е.Е.

*Зам. Директора по учебно-научной работе Института общественных
наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.*

Васильев Д.Д.

Зав. Отделом истории Востока ИВ РАН, к.и.н., проф.

Васильев А.Д.

Руководитель Центра Крымских исследований ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В.

Секретарь Оргкомитета, Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Пронина Ю.А.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Прудников В.В.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»», к.и.н.

Заместитель председателя Программного комитета

Татарков Дмитрий Борисович

Директор Института общественных наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.

Члены Программного комитета

Васильев А.Д.

Руководитель Центра Крымских исследований ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В.

Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историкоархеологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Пронина Ю.А.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Романова Н.Г.

Зам. Директора ИВ РАН, к.и.н.

Содержание

Asbury R.

The Mamluk Sultanate and Its Crimean Connection: a Primer 11

Forrest A.

France and the Mediterranean World in the Age of Revolution 15

Аникеева Т.А.

Турецкие рукописи словарей, литературных
и фольклорных произведений из собрания Ялтинского
историко-литературного музея 19

Баранов А.В.

Межэтнические и межконфессиональные
взаимоотношения в современном Крыму
(на материалах анкетных опросов молодежи) 24

Белоглазов Р.Н.

Создание муфтиата мусульман Крыма в начале 1920-х гг. 29

Белоруссова Т. Е.

Франки и венецианцы на Пелопоннесе в XIV в.:
особенности экономического взаимодействия 34

Борисова Г.А.

Затопленные палеоландшафты Черного моря:
проблемы и перспективы изучения 39

Воронин К.В.

Иконы Богоматери типа Корсунской в культуре Руси
и Средиземноморского региона в XII – XVI вв. 46

Гаврила А.

Проблема Крыма в современных отношениях
между ЕС и Россией 53

Гайворонская О.Б.

Традиционные занятия болгар Крыма XIX – начала XX вв.
(по материалам фондов Крымского
этнографического музея) 58

<i>Гинькут Н.В.</i>	
Севастополь в конце XVIII столетия глазами английского художника Уильяма Хадфилда: штрихи к визиту Императрицы Екатерины II.	63
<i>Choi D.</i>	
Anglo-Russian Rivalry Between the Korea Strait and the Turkish Strait: Focusing on Port Hamilton Incident and the Bulgaria Crisis (1885)	73
<i>Дробышев Ю.И.</i>	
Легенда о Чингис-хане в сочинении Эвлии Челеби	78
<i>Дружинина Н.С.</i>	
Охрана памятников Крымской войны во второй половине XX в.: проблемы и достижения	85
<i>Дьячков С.В.</i>	
Штрихи к истории крепости Чембало в османское время (XV – XVIII вв.) по материалам археологических раскопок	91
<i>Жигалова Н.Э.</i>	
Патры в контексте греко-венецианского противостояния в первой трети XV в.	96
<i>Занг, Динь.</i>	
Крым и Вьетнам: проблемы и перспективы сотрудничества	101
<i>Золотарев О.А.</i>	
Российские военные суда на дипломатической службе в Архипелаге	105
<i>Иванов А.В.</i>	
Город Чурч и пролив Андал. Бухты Севастополя и Гераклеийский полуостров накануне присоединения Крыма к России. Историческая топография и топонимика	111

<i>Ирхин А.А., Москаленко О.А., Цыганов А.С.</i>	
Внешняя политика России в регионе Большого Средиземноморья (1783-2020)	118
<i>Катюшин А.Е.</i>	
Крымское ханство между двумя империями: Шагин-Гирей на пути к бахчисарайскому престолу	125
<i>Кладченко О.В.</i>	
Турецкие фаянсы поселения Волна 12 на Тамани	130
<i>Конкин Д.В.</i>	
Шейх Мансур и его последователи в Крыму (конец XVIII в.)	134
<i>Кузьмин А.В., Вахонеев В.В.</i>	
Кораблекрушения XIX в. в акватории Крыма как источник по изучению деятельности Русского общества пароходства и торговли (на примере парохода «Владимир»)	139
<i>Курникова О.М.</i>	
Развитие торговых связей России и Османской империи в последней четверти XVIII века	144
<i>Курьлев К.П., Шпаковская М.А.</i>	
Политика Италии в отношении присоединения Крыма к России	149
<i>Куц Т.В.</i>	
Морские коммуникации Византии в период османской экспансии	154
<i>Ланник Л.В.</i>	
Первая германская оккупация Крыма в 1918 г.: Новые источники о масштабах и последствиях явления	158
<i>Лебединский В.В., Татарков Д.Б., Пронина Ю.А., Двухшерстнов В.И.</i>	
Международные подводно-археологические исследования в акватории Сирийской Арабской Республики: результаты и перспективы	165

<i>Манаев А.Ю.</i> Система оборонительных сооружений Севастополя на мысе Хрустальном (XVIII-XIX вв.)	170
<i>Могаричев К.Ю.</i> «Крымский проект» еврейской автономии в дискурсе советской национальной политики: 1920-е гг.	175
<i>Моисеева Е.Н.</i> Травелоги русско-французской писательницы и путешественницы княгини Лидии Пашковой как источник для изучения Средиземноморского и Черноморского регионов	180
<i>Мыц В.Л., Соловьев С.Л.</i> Археология Крымской войны. Новые страницы истории Севастополя	185
<i>Непомнящий А.А.</i> Выделение Причерноморья как объекта исследования в российской историографии XIX столетия	191
<i>Осиповский С.Н.</i> Рескрипты Екатерины II князю В.М. Долгорукову и генерал-поручику Е.А Щербинину за 1774 год как исторический источник	196
<i>Павлун А.А.</i> Религия как фактор сохранения этнического самосознания западных христиан Крыма в XIX – начале XX вв. (по материалам Крымского этнографического музея)	201
<i>Пак Б.Б.</i> К 142-й годовщине Русско-турецкой освободительной войны 1877-1878 гг. Русско-болгарские отношения: история и современное состояние	205
<i>Прохоров Д.А.</i> О пребывании Шахиншаха Персии Мохаммад Али-Шаха в Одессе в 1911 г. (по архивным документам)	207

<i>Прудников В.В.</i>	
Ещё раз к вопросу о причинах появления изображений святых всадников на монетах причерноморских христианских государств XIII – XV вв.	212
<i>Роменский А.А.</i>	
Дипломатический ритуал сельджуков и русов по сведениям Ибн ал-Биби	216
<i>Рубцова С.И., Наумов Е.А.</i>	
«Севастопольская жемчужина Шелкового пути инноваций XXI век» – как фактор евразийской экономической интеграции и устойчивого развития	221
<i>Савкович Д.В.</i>	
Евреи Крыма конца XIX – начала XX вв. Обзор памятников материальной культуры евреев Крыма из собрания Крымского этнографического музея	226
<i>Савчинский В.Э.</i>	
Казацкий субэтнос в освоении Северного Причерноморья и Северного Приазовья в XVII – XVIII вв.	231
<i>Сафонова Н.В.</i>	
Идеи И. Гаспринского в свете современного дискурса о либеральном исламе	234
<i>Сорокин А.А.</i>	
Депутаты от Таврической губернии в Государственной Думе Российской империи (1906–1907 гг.)	238
<i>Степаненко В.П.</i>	
Крым и Малая Азия (Рум и Трапезунд) в XIII – XV вв.	243
<i>Таньшина Н.П.</i>	
Женская дипломатия: княгиня Д.Х. Ливен и дипломатическая предыстория Крымской войны	246
<i>Храпунов Н.И., Храпунова С.Н.</i>	
«Золотой век» Крымского ханства: к истории формирования стереотипа	250

Чхаидзе В.Н.

Хункала – османская крепость XVI–XVIII вв.
на Таманском полуострове 256

Шахин Ю.В.

Крым в советско-югославских отношениях 262

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 267

Asbury R.

THE MAMLUK SULTANATE AND ITS CRIMEAN CONNECTION: A PRIMER

Асбури Р.

Мамлюкский султанат и его связи с Крымом:
начальный период

The ties between Crimea and the Mamluk Sultanate was part of the larger framework of relations between the Mamluks and the Golden Horde, also known as the Ulus of Jochi or the Kipchak Khanate in other sources. Much literature exists regarding various aspects of Mamluk-Golden Horde relations, most of the work hinges on the Mamluk Sultanate as recorded material mainly stems from the Mamluks rather than the Golden Horde. While the Mamluk Sultanate and the Golden Horde shared no borders with each other they were bound together through religious, ethnic, diplomatic, and economic ties. In this paper will provide a brief summary of linkages between the Mamluks and the Golden Horde as it relates to the locality of Crimea.

Before discussing the linkages between Crimea and the Mamluks of Egypt it is first important to discuss the backdrop of history that brings these two ruling entities together. The two main factors, very much entwined, that contributed to the diplomacy between the Golden Horde and the Mamluks were Islam and Ilkhanid hostility – at least within the beginning of the relationship.

The Muslim faith gained prevalence across the regions of the Golden Horde in the 14th century. It was under the reign of Khan Uzbek (r.1313-1341) that Islam became the official state religion. Prior to this the Ulus of Jochi/Golden Horde elite had already made a turn towards the adoption of Islam, shaping the Jochi court's identity in the 13th century. After the conversion of Berke Khan, the Mamluk Sultan Baybars sought to initiate an alliance with the Golden

Horde against Hulegu Khan of the Ilkhanids. With the Ilkhanid threat at his borders, Sultan Baybars appealed to the converted Berke Khan's new sense of religious devotion in an effort to drive a wedge between the two Mongol factions, pushing the necessity of a jihad against Berke Khan's infidel, Mongol kinsmen for the sake of the ummah.

The Mamluks, were of course, a special class of slave warriors who established their own dynasty in Egypt and the Levant after executing the Ayyubid heir and seizing power in 1250. While Mamluks came from a variety of regions and ethnicities, the most common perception is that they were predominately of Turkic and Caucasian origin – further solidified by the point that the Mamluk Sultanate of Egypt is divided into two distinct periods – Turkish (Bahri) and Circassian (Burji). The sultans of the Turkish Mamluk period are generally considered to be Cuman-Kipchak in origin. Though it should be said that Kipchak Turks were also an amalgamation of assimilated groups around the Black Sea region, including the Crimean peninsula – ethnicity is a nebulous thing.

An alliance between the Golden Horde and the Mamluk Sultanate was advantageous for both not just in terms of defense, but also commerce as it opened up the Black Sea trade route allowing the Golden Horde to once again engage in the lucrative slave market that was once denied to them by supplying the Mamluks with slaves from the Eurasian Steppe. With this flow of slaves the Mamluks could fill the ranks of their armies against the Ilkhanid threat. Due to this trafficking of youths of predominately Turkic and Caucasian background from Golden Horde territory along with the waves of Mongol and Turkic refugees fleeing from Ilkhanid violence, a demographic change in the region began further shaping cultural and political realities for both groups.

Religion proved useful in facilitating ties with the Golden Horde as it was the best way for the Mamluks to establish legitimacy without pedigree being slaves asking for assistance from the divine lineage of Chinggis Khan. While religion was a defining factor in early Mamluk-Golden Horde relations, other cultural aspects linked the two domains. Turkic culture and ethnicity also connected the Mamluks with the Golden Horde – especially in the local context of Crimea.

As the Mongol Golden Horde was increasingly Islamized and Turkic-ized, it developed a Turkic-Islamic high culture that manifested itself predominately

in urban centers such as Qrim (Solkhat), the Golden Horde's political and administrative center in medieval Crimea. It is here, in the urbanscape of Qrim where some vestiges of Mamluk linkages are attested to. As Islam gained widespread acceptance, facilities were needed to serve the emerging faithful. This burgeoning of Islamic religious culture and the establishment of mosques and madrasas prompted migration of religious scholars from other Islamic polities, including the lands of the Mamluks, to staff these institutions. The construction of these buildings would also necessitate the migration of artisans and craftsmen to aid in building and adornment. Constructions at Qrim indicate influence stemming from Mamluk Egypt and Seljuk Anatolia. Though it was Mamluk involvement in the Islamization of urban centers that would have helped further legitimize the Islamic identity of the Golden Horde.

Unfortunately, there is dearth of evidence relating to the construction and patronage of Muslim architecture in Crimea, but it is not entirely non-existent. One example of Mamluk patronage is mentioned by the chronicler al-Maqrizi. According to the chronicle, it was through the support of the Sultan Qalawun that a mosque was built within Qrim. Al-Maqrizi states that the Sultan sent Berke Khan of the Golden Horde 2,000 pieces of gold in honor of the Khan's conversion to Islam [Kaňal-Ferrari: 2018]. Though due to the date of the chronicle being that during the reign of Tuda Mengu Khan (r. 1280-1287) that the account may be tied to a request by Tuda Mengu Khan to Sultan Qalawun for Islamic paraphernalia in honor of his conversion and thus the solicitation was misattributed to Berke Khan. Mamluk patronage is assumed to have continued after Qalawun.

The Mamluk Sultanate and Crimea under the Golden Horde are linked predominately through migration and ideology. The early Mamluk Sultans of Egypt and the Levant were predominately of Kipchak Turk origin (as far as we know), sharing kinship and culture with the inhabitants of the Crimean Peninsula and the greater Black Sea region. The Black Sea slave trade only further perpetuated the entry of a particularly Eurasian demographic into Mamluk lands. Islam in becoming the official religion of the Golden Horde and all its territories paved the way for an ideological and architectural shift, particularly in the urban centers like that of Qrim/Solkhat. While the architecture

and adornment of the construction attest to the multi-cultural character within the Crimean Peninsula, it was the Mamluks who held the power to bestow religious legitimacy on the Golden Horde Khans. The Mamluk Sultanate's religious seniority aided in conferring credible Islamic identity within the Golden Horde while it established its own version of Mongol-Turkic Islamic culture that bears a particular manifestation in the Black Sea region.

Bibliography

BLESSING, P. *Rebuilding Anatolia after the Mongol Conquest: Islamic Architecture in the Lands of Rūm, 1240-1330*. Routledge, 2016.

BROADBRIDGE, A. F. "Mamluk Legitimacy and the Mongols: The Reigns of Baybars and Qalawun." *Mamluk Studies Review*, vol. 5, 2001, pp. 91-118.

DEWEESE, D. A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. The Pennsylvania State University Press, 2007.

FAVEREAU, M. "The Golden Horde and the Mamluks." *Golden Horde Review*, vol. 5, no. 1, 2017, pp. 93-115., doi:10.22378/2313-6197.2017-5-1.93-115.

HALPERIN, C. J. "The Kipchak Connection: the Ilkhans, the Mamluks and Ayn Jalut." *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 63, no. 2, 2000, pp. 229-245., doi:10.1017/s0041977x00007205.

KANÇAL-FERRARI, N. "Contextualising the Decorum of Golden Horde-Period Mosques in Crimea." *Revue Des Mondes Musulmans Et De La Méditerranée*, no. 143, 2018, p. 143., doi:10.4000/remmm.11002.

KELLNER-HEINKELE, B., et al. *Islamic Art and Architecture in the European Periphery: Crimea, Caucasus, and the Volga-Ural Region*. Harrassowitz, 2008.

PEACOCK, A.C.S. "Islamisation in the Golden Horde and Anatolia: Some Remarks on Travelling Scholars and Texts." *Revue Des Mondes Musulmans Et De La Méditerranée*, no. 143, 2018, p. 143., doi:10.4000/remmm.10907.

SCHAMILOGLU, U. "High Islamic Culture of the Golden Horde." *The History of the Tartars since Ancient Times*, vol. 3, Kazan, 2017, pp. 615-624.

ZILIVINSKAYA, E. "Cult Monuments in the Golden Horde: Origin and Tradition." *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, vol. 2, no. 16, 2016, pp. 44-67., doi:10.24852/pa2016.2.16.44.67.

Forrest A.

FRANCE AND THE MEDITERRANEAN WORLD IN THE AGE OF REVOLUTION

Форрест А.

Франция и мир Средиземноморья
в эпоху революции

For the educated classes in eighteenth-century France, raised on a diet of Homer and Cicero, Greece and Rome were the cradle of European civilization and the Mediterranean was the natural centre of the European world. Young noblemen, like their British counterparts, travelled to Italy to drink in classical culture and to admire the monuments and the landscapes. In Samuel Johnson's words, 'the grand object of travelling is to see the shores of the Mediterranean' (Black, 2003: 1). Indeed, the lure of past civilizations took some to the farther shores of the Mediterranean, to the Egypt of the Pharaohs, for instance, or to the Persian empire. The taste for Orientalism, which would inspire so many of the savants who accompanied Napoleon on the Egyptian Campaign, was already taking root in the reign of Louis XIV (Dew, 2009: 8-10). It was reflected in architecture and in the interior decor of many palaces and town houses. The imagery of the classics lay at the heart of French culture, rivalling the Biblical allusions that littered the writings of the Protestant north, and Napoleon dreamt of building a 'new Rome' in his capital city (Rowell, 2012: 11-19).

But the Mediterranean was far more to the French than a destination for cultural tourism. It was also the source of much of the country's commerce, the sea that had for centuries lain at the heart of their lives and their prosperity. As the great Fernand Braudel recognized, the Mediterranean was defined first and foremost by its environment, by a physical and human geography of peninsulas and seas stretching from the Caucasus to the Straits and ringed by the mountains beyond. It was this that determined its way of life and ordered its commerce and

communications: the ‘conflict between the Mediterranean and the neighbouring desert’ was ‘a clash between two economies, civilizations, societies and arts of living’ (Braudel 1972: 180). It was along its coastal plains that the cities of the

South had grown and prospered, based on long-established coastal links with Iberia, Sicily, Constantinople and the Black Sea. By the later eighteenth century the Mediterranean was also a highway to Egypt and Syria, to Tunis and Algiers, and through the Straits to West Africa and the Atlantic. For southern France, and especially for its leading port, Marseille, the Mediterranean was a lifeline to the Levant and to the exotic produce of the Orient. Marseille merchants had long enjoyed privileges that aroused the envy of merchants elsewhere, including a freeport status that gave it a virtual monopoly of the Levant import-export business. The port was also a major importer of grain, so much so that it became a granary for much of Provence and the wider Midi. (Scott, 1975: 4). By 1789 it was busier than either Genoa or Livorno, a truly cosmopolitan city which sucked in people from all over the Mediterranean world.

Yet the Mediterranean also spelt danger. Violent storms and treacherous currents wrecked ships and drowned seamen as well as thwarting French naval operations out of Toulon. Barbary pirates lurking in the coves and inlets of the North African coastline preyed on European merchant shipping and sold their captives into slavery (Colley, 2002: 43-48). And, perhaps most fearsome of all, ships arriving from the Levant risked bringing epidemics to mainland Europe, endangering the lives of thousands along the coastline of Spain, Italy and France. Marseille was the French port most at risk, and plague had been a recurrent visitor: between 1300 and the eve of the French Revolution plague had struck the city on sixteen different occasions, the most recent in 1720, when it had arrived on a cargo ship returning from a voyage to Smyrna and the Sea of Marmara. Within days people began dying: at first vagrants and the poor of the old town, their bodies left to rot in the streets by people too frightened to approach; then the port workers who had unloaded the cargo; then the general population, indiscriminately it seemed, as many as three thousand in a single day. Those who could find a way to escape fled the city; for the others there was only fear, a fear that was swollen by the sight of strangers, of people of exotic appearance or unfamiliar dress, a fear of the ‘other’, of the unknown, that is

a characteristic of epidemics throughout history (Carriere, 1968: 69-104). It would be reflected during the Napoleonic wars in the attitude of French soldiers to peoples from the Mediterranean south, from Spain, the Balkans, or North Africa in the Egyptian campaign (Forrest, 2002: 123-24).

This ambivalent attitude to the peoples of the Mediterranean was only increased by the Revolution and the years of war and imperial expansion that followed. The French Revolution attached huge importance to the idea of unity, whether it be the unity of the nation, of the 'one and universal republic', or the wider universality of humanity; and any suggestion of fragmentation, or hint of federalism, led to brutal repression (Hanson, 2003: 222-26). It is arguable that this insistence on national unity in France weakened the concept of a single Mediterranean world into which France did not easily fit: for France was at one and the same time a northern and a southern country in Europe, combining the agrarian culture and common-law traditions of the north with the olive and wine culture and Roman law codes so characteristic of the Mediterranean south. It also created animosities towards those cities, like Marseille, which depended more on external trade than on links to their agrarian hinterland. When the Revolution abolished the old provinces and divided France into departments in 1790, it was no accident that Marseille was overlooked as the site of the new departmental chef-lieu. Country people preferred established legal centres where they were accustomed to go to do business over seaports whose links were to the outside world (Margadant, 1992: 245-46). As for the lands France annexed, they might be incorporated as sister republics, or even as French-style departments, but they continued to be treated with distrust. Their geography and social structure often dictated that they were traditional societies, devoutly religious, bound by close clan loyalties, and hence unreceptive to revolutionary ideas.

Napoleon's Empire might appear superficially more sympathetic to the notion of a Mediterranean world, especially given his own Corsican upbringing and his understanding of Italian culture. But this can be deceptive. As a young man Bonaparte determined to make his career in the service of France, and he would view the Mediterranean world not just from a French perspective but as a man steeped in the Revolution's radical, centralizing culture. He showed little

patience for the concerns or traditions of local people when they stood in the way of his colonialist project, imposing French laws, French tariffs and French administrative practices and riding roughshod over local objections. When local men agreed to carry out these functions, Napoleon made use of them; but when they did not, he brusquely cast them aside and imported Frenchmen to run their states and cities. Italians, Spaniards or Croats were to be governed as part of a French empire; they were not to be treated as equals or accorded the respect that only Frenchmen could command. The higher French officials were not ignorant of the Mediterranean lands they administered; they were only too familiar with what they saw as the dilatoriness and inefficiency of others, be it in Turin, Cairo or Barcelona. Their attitude was marked by an elitism and an arrogance that alienated local people. Mediterranean cultures were derided, were portrayed as decadent and at times somewhat effeminate, a colonial ‘other’ to be patronized and repressed to advance the cause of civilization (Broers, 2017: 284-85).

Bibliography:

BLACK, J. *Italy and the Grand Tour*. London, 2003.

BRAUDEL, F. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. 2 vols. London, 1972.

BROERS, M. *The Napoleonic Mediterranean. Enlightenment, Revolution and Empire*. London, 2017.

CARRIERE, C., COURDURIE, REBUFFAT, F. *Marseille ville morte. La peste de 1720*. Marseille, 1968.

COLLEY, L. *Captives: Britain, Empire and the World, 1600-1850*. New York, 2002.

DEW, N. *Orientalism in Louis XIV's France*. Oxford, 2009.

FORREST, A. *Napoleon's Men. The Soldiers of the Revolution and Empire*. London, 2002.

HANSON, P. *The Jacobin Republic under Fire. The Federalist Revolt in the French Revolution*. University Park, 2003.

MARGADANT, T. *Urban Rivalries in the French Revolution*. Princeton, 1992. ROWELL, D. *Paris: the 'New Rome' of Napoleon I*. London, 2012.

SCOTT, W. *Terror and Repression in Revolutionary Marseilles*. London, 1973.

Аникеева Т.А.

ТУРЕЦКИЕ РУКОПИСИ СЛОВАРЕЙ, ЛИТЕРАТУРНЫХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ СОБРАНИЯ ЯЛТИНСКОГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Anikeeva T.

Turkish Manuscripts of Dictionaries,
Literary and Folklore Works from the Collection
of the Yalta Historical and Literary Museum

В Ялтинском историко-литературном музее содержится довольно представительное собрание рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках. Эта коллекция, собранная в результате археографических экспедиций 1920-х гг. (в основном директором предшественника ЯИЛМ – Восточного музея – Якубом Меметовичем Кемалем)¹, насчитывает около 200 единиц. Уникальное собрание является на сегодняшний день самой представительной коллекцией в мире, отражающей традиционную письменную культуру мусульман Крыма.

В 2019 г. был составлен предварительный список рукописей, литографий и старопечатных книг, они были распределены по языкам (арабский, персидский, тюркские), хронологии и тематике. Часть рукописей была атрибутирована и описана в соответствии с устоявшейся в отечественной науке схемой описания арабографичных манускриптов². Особое внимание при описании рукописей уделялось припискам, пометкам на полях, глоссам, печатям

¹ Восточный музей был создан в Ялте в 1921 г. и просуществовал до 1930 г. Деятельность музея, одной из задач которого было сохранение традиционной культуры мусульман Крыма, тесно связана с пополнением этнографических коллекций и с археографическими экспедициями Я.М. Кемалю. О нем и о работе Восточного Музея в те годы см.: [Люди и судьбы 2003: 441; Мусаева 2014: 175-180].

² Подробнее см.: <http://manuscriptaislamica.ru/ru/about>

вакуфных библиотек, владельческим надписям и переплетам, так как они, являясь самостоятельным историческим источником, позволяют установить, в том числе, и пути попадания рукописей в Крым и в это собрание.

В коллекции Ялтинского историко-литературного музея в основном представлены списки Корана, сочинения по различным отраслям исламской теологии (в частности, сочинения по суфизму) и юриспруденции, а также трактаты по астрономии и медицине.

Среди рукописей данного собрания были выделены также и некоторые немногочисленные художественные произведения, среди которых – перевод «Гюлистана» Саади на турецкий язык, диван Шахиди, комментарий на «Пенд-наме» Атгара, «Мухаммадийа» (или «Рисале-йи Мухаммадийа») – дидактическая поэма о пророке Мухаммаде, созданная Мехмедом Челеби (Языджиоглу) (ум. 1451) в 1449 г., известная во многих списках и изданиях, пользовавшаяся огромной популярностью не только в Османской Турции, но и среди российских мусульман, в частности, среди татар Поволжья. Значительную ценность в данной рукописной коллекции представляют сборники народной и религиозной поэзии (джонки), а также рукописи крымскотатарских эпических поэм-дестанов, в числе которых – дестан о голубе («Гюверджин»), а также «Тугай-бек», «Шукур-наме», «Пастух» и «Кесикбаш китабы» («Книга об отрубленной голове»). По всей видимости, часть дестанов бытовала также и в виде устно исполняемого текста (см., например: [Radlov, 2010]), и, таким образом, существование их одновременно в виде рукописей представляет собой один из путей взаимодействия книжной и устной традиции среди крымских мусульман в XIX – начале XX вв.

№ 12115.

Коллекция различных дестанов, начало отсутствует.

Среди них, в частности, «Кисекбаш китабы», или (здесь) «Дестан о Кисекбаше» (بدا دستان كيسك باش). Также включает в себя *фасли* (разделы) из «Мухаммадии».

Переплет отсутствует. 17 x 21. Текст в рамке, иногда в две колонки, 13,5 x 18,5. 9-12 строк на странице. Хафизы. Насх. Черные и красные чернила. Переписана в 1277 г. х./ 1860.

См. другие списки: [Дмитриева, 2002, №№ 1925-1934; Булгаков, Галютдинов, 2009, №№ 53-55].

«Кисекбаш китабы» («Книга об отрубленной голове») – народное повествование агиографического характера в стихах об отсеченной голове, основанное на мусульманской легенде XII в. (по другим данным – XIII-XVI вв.)³, происхождение которой, однако, не вполне ясно: пророку Мухаммаду является отсеченная голова, в слезах молящая о помощи, так как чудовище-див похитило его жену, а его самого лишило тела; праведный халиф Али сражается с дивом, побеждает его, а по молитве Мухаммада, Кисек Башу/отрубленной голове Всевышний возвращает тело. Поэма использовалась духовенством для религиозного образования в медресе, неоднократно издавалась в Казани (в первый раз – в 1807 г. [Булгаков, Галютдинов 2009: 133]). Исследователями в каталоге рукописей Уфимского ИИЯЛ (имеется три списка поэмы, см. выше) отмечается, со ссылкой на фольклорные записи В.А. Гордлевского и сведения Д. Месароша, что «кесикбашем» в Турции называют «привидений, блуждающих по кладбищам» [Там же: 132].

В данном собрании есть и рукописи пособий по арабскому и персидскому языкам и различные словари, например:

№ 12124.

Джевхери. Китаб ас-сыхах фи-л-лугат.

كتاب اللغة في الصحاح

Рукопись. Язык текста – турецкий. Переплет – картон, обтянутый кожей, с тисненым турунджем, 14,5 x 22,5 см.

Почерк – насх. Красные, синие и черные чернила.

Множество пометок и владельческих надписей, стихов, отрывков из хадисов. Печать Восточного музея Ялты; оттиски восточных печатей (в том числе и затертые) вакуфной библиотеки: «Вақф маулана Мухий ад-Дин-эфенди...».

³ К этому времени относят развитие житийной литературы и различных апокрифов в Турции, принявших форму дестанов и касающихся, прежде всего, пророка Мухаммада и его сподвижников [Боролина 1970: 357-358].

По всей видимости, это упомянутый еще В. А. Гордлевским (Гордлевский, 1968), «эксцерпт из словаря “Сыхах”»; речь идет о «Сыхах-и Джевхери» – турецком переводе арабского словаря «Тадж ал-лугат» Абу Насра Исмаила б. Хаммада ал-Джаухари (ум. после 1009 г.). Перевод этого словаря на турецкий язык был сделан Мехмедом б. Мустафой ал-Вани в числе первых книг, напечатанных в типографии турецкого первопечатника Ибрагима Мютеферрики в 1729 г. под названием «Лугат-и Ванкулу» («Словарь Ванкулу»). Это сочинение, как и его турецкий перевод, пользовалось большой популярностью, и долгое время спустя распространялось в виде рукописных списков – в результате арабский оригинал был издан впервые типографским способом в Тебризе лишь в 1853 г. (см.: [Kılıç 2010: 356-357]).

Необходимо упомянуть и о печатной книге этой коллекции, в тематическом и содержательном отношении примыкающей к этому рукописному собранию, – «Диван-и белягат унван-и Назим» (известно также как «Диван-и Назим»).

№ 11965.

Йахья Назим. Диван-и белягат унван-и Назим

ديوان بلاغت عنوان تنظيم

Язык текста – турецкий. Наборная печать. [Стамбул], 1257 г. х. (1841 г.). 500 стр. В книгу вложена рукописная записка (лист из тетради) на татарском языке, с перечнем имен и датой «1918 ноябрь».

Это довольно популярный диван на османском языке, созданный Йахьей Назимом в г., выдержал несколько изданий в XIX в. Йахья Назим (1650-1727) – турецкий поэт и музыкант, принадлежавший к обители мевлеви в Галате [Özcan, Uzun 2006: 452-453], родом из стамбульского района Кумкапы, чье творчество пришлось на первую треть XVIII в. – так называемую «эпоху тюльпанов», время расцвета османской поэзии, связанной с городской средой. Его «Диван-и Назим» состоит, в свою очередь, из пяти диванов (об одном из них см.: [Yıldırım 2016]) и является одним из самых объемных произведений классической османской поэзии. Печатные экземпляры трактата содержатся во многих библиотечных собраниях мира (библиотека Принстонского университета,

Тюркские рукописи и книги Ялтинского историко-литературного музея не только представляют собой круг чтения мусульманина – по словам В. А. Гордлевского, одним из первых обратившего внимание на эту коллекцию, «ходжи или студента» XVII – начала XX вв. [Гордлевский 1968: 261], они, прежде всего являются одной из иллюстраций тесных литературных и культурных связей между Крымом и Османской Турцией, где была переписана основная часть рукописей собрания, а также Поволжьем.

Библиография:

БОРОЛИНА И.В. Литература Турции // Литература Востока в Средние века. — М.: МГУ, 1970.

БУЛГАКОВ Р.М., ГАЛЯУТДИНОВ И.Г. Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. — Уфа: Гилем, 2009.

ДМИТРИЕВА Л.В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения. — М.: Вост. лит., 2002.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

ГОРДЛЕВСКИЙ В.А. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Избранные сочинения. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. — М., 1968. С. 257-261.

МУСАЕВА У.К. Деятельность Восточного музея в Ялте // Пространство и время. — 2014, № 2(16). С. 175-180.

KILIÇ N. Tâcü'l-luga // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul, 2010. Cilt 39. S. 356-357.

ÖZCAN N., UZUN M.İ. Nazîm // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul, 2006. Cilt 32. S. 452-453.

RADLOV W. Proben der Volslitteratur der nördlichen türkischen Stämme. Kuzey Türk Boylarının Halk Edebiyatından Örnekler. VII. Bölüç. Kırım Ağızları. Haz. Tülay Çulha. — İstanbul, 2010.

YILDIRIM İ. Nazîm Yahya'nin bir aşk hikâyesi: "Dâstân-i hecr ü visâl" // A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, 57. — Erzurum, 2016. S. 1663-1700.

Баранов А. В.

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ
(НА МАТЕРИАЛАХ АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ
МОЛОДЕЖИ)**

Baranov A.

Inter-Ethnic and Inter-Confessional Relations
in Modern Crimea
(on Materials of Questionnaires for Youth)

Статья посвящена выявлению сущности межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений молодёжи в современной Республике Крым и г. Севастополе (2017-2019 гг.). Источниковой основой работы стали как результаты анкетных опросов, проведённых коллективом политологов Кубанского государственного университета с участием автора [Баранов, Донцова, Юрченко И. В., Юрченко Н. Н. 2019: 166-186], так и итоги социологических исследований коллег, подвергнутые вторичному анализу [Ярмак О. В., Нелина, Ярмак В. Е. 2019: 96-112].

На основании парадигмы конструктивизма мы полагаем, что этничность и конфессиональность целенаправленно создаются, «осваиваются» индивидами и социальными группами на протяжении жизни, а не наследуются. Внимание нужно сосредоточить на межгрупповых взаимодействиях, создающих образы «своей» и «других» групп, формирующих взаимные восприятия. Межэтнические и межконфессиональные отношения могут оцениваться по их субъективной значимости для членов групп, «плотности» общения, преобладающим практикам взаимоотношений, межгрупповым дистанциям, степени проявления консенсуса либо конфликта.

Анкетный опрос с участием автора проводился в Республике Крым (РК) и г. Севастополе тремя волнами: пилотажное исследование в 2017 г., массовые опросы в 2018 и 2019 гг. Программа и анкета опроса составлены И.В. Юрченко, М.В. Донцовой и А.В. Барановым. Выборка третьей волны составила 630 чел. в возрасте от 16 до 30 лет, она пропорциональна по полу и возрасту, включает жителей населённых пунктов разного типа и размера. Имеют среднее образование 15,7% опрошенных, среднее специальное – 11,1, незаконченное высшее – 51,2%, завершённое высшее – 21,4, имеют учёные степени – 0,3%. Только обучаются 57,9%, совмещают учёбу с работой 25,3%, только работают 14,7%, домохозяйки, в декретном отпуске и безработные – 2,1%. Опрос проводился при непосредственном контакте с респондентами. В РК опрос проводили В.А. Чигрин и Е.Г. Городецкая, в Севастополе – Л.Н. Гарас. Статистическая погрешность выборки не более 2,9%.

Весомое большинство участников опроса (80%) положительно оценивает текущее состояние межэтнических и межконфессиональных отношений на полуострове. Близкие значения (85%) дал ежегодный опрос, проведённый Медиациентром имени Исмаила Гаспринского в феврале 2019 г. [85% крымчан: 2019]. При опросе ВЦИОМ (март 2019 г., выборка 1600 чел. всех возрастов) назвали межэтнические отношения доброжелательными 92%, а отрицали наличие конфликтов в данной сфере 89% крымчан (признавали факты таких конфликтов в своём населённом пункте за последний год 7% [Крым: 5 лет: 2019; Республика Крым: 2019]).

Опрос ВЦИОМ в августе 2019 г. (выборка 1600 чел. старше 18 лет) позволяет уточнить: «довольно редко» испытывали неприязнь, враждебность к себе со стороны других национальностей 13% респондентов всех возрастов, а «довольно часто» – 3%. Группы риска составляют: молодёжь в возрасте 18-24 лет (5% в сравнении с 3% во всей выборке), украинцы (6%) и крымские татары (4%) в сравнении с русскими (2%). Сами испытывали раздражение или неприязнь к представителям других народов 6% опрошенных (в различной степени) [Республика Крым: 2019]. Эти сведения близки полученным нами ответам на вопрос «Какие факторы могут стать препятствиями для раскрытия вашего потенциала?». Сочли таким

препятствием свою национальность 5,7% молодых респондентов в РК и 4,0% в Севастополе; свою религию – соответственно, 4,8% и 3,2% [Баранов, 2019: 68-69].

«Плотность» общения между народами и конфессиями воспринимается молодыми респондентами как высокая. В нашем опросе 2018-2019 гг. указали, что постоянно общаются с представителями других народов, 38,7% в РК и 19,2% в Севастополе; регулярно и часто общаются 25,1% в РК и 17,6% в городе. Напротив, стараются избегать такого общения 2,4% в РК и 4,8% в Севастополе. Оценка частоты общения между верующими разных конфессий слабо отличается от таковой между народами [Баранов, 2019: 68-69].

Важна иерархия идентичностей, позволяющая судить о мере интегрированности молодых крымчан в российское общество. Респонденты нашего массового опроса 2018 г. чаще всего считали себя «представителем человечества» – 31,8%, в республике и 34,9% в Севастополе, жителем полуострова – соответственно, 23,2 и 12,9%, жителем России – 18,2 и 20,1%, жителем города или села – 7,6% и 14,1%, «представителем своей национальности» – 7,4 и 5,6%, жителем Юга России – 2,6 и 4,4%, представителем своей религии – 3,2% в республике и 1,6% – в городе [Баранов, 2019: 68-69]. Эти распределения отличаются от полученных О.В. Ярмач, Л.П. Нелиной и В.Е. Ярмач в 2018 г. (выборка 1600 студентов в РК и г. Севастополе). По их расчётам, 43,6% респондентов считают себя в первую очередь гражданами России, 36,4% – жителями Крыма, 18,1% – жителями своего города либо села, 7,3% – приверженцами веры, 6,0% – людьми своей национальности [Ярмач О.В., Нелина, Ярмач В.Е. 2019: 100-101]. Различия объясняются тем, что в опрос коллег не включён вариант ответа о глобальной идентификации. Кроме того, наша выборка включает в себя работающую молодёжь, которая настроена к интеграции Крыма с Россией более сдержанно, чем студенчество.

Важный аспект достижения межэтнического и межконфессионального согласия – формирование положительного образа «других» во взаимодействиях групп внутри поликультурного крымского сообщества, осознание взаимной интегрированности. Данный параметр можно оценить по тому,

насколько близки или различаются уровни положительных оценок друг друга представителями различных народов и конфессий. В нашем опросе 2019 г. указали, что русские «не конфликтуют с другими национальными и религиозными группами», 80,0% русских респондентов в РК, 72,9% украинцев и 60,5% крымских татар. Такое же мнение о крымских татарах высказали 48,3% опрошенных русских, 44,4% украинцев и 76,9% крымских татар; об украинцах – 57,5% русских, 72,7% крымских татар и 73,7% самих украинцев. Налицо неравномерность взаимных позитивных оценок трёх многочисленных этнических групп в Крыму. Такая же тенденция отмечена и в конфессиональном измерении. Ответили, что христиане «не конфликтуют с другими национальными и религиозными группами», 85,6% христиан (всех направлений, по самооценке), 78,4% мусульман и 64,2% атеистов. Полагали, что мусульмане «не конфликтуют с другими национальными и религиозными группами», 50,3% христиан, 80,5% мусульман и 46,7% атеистов [Баранов, 2019: 68-69]. Сохраняется некоторая латентная отчуждённость между опрошенными русскими и крымскими татарами, между христианами и мусульманами. Она не перерастает в политический конфликт, но нуждается в мерах формирования этнического и конфессионального согласия. Обнадёживает, что по данным опроса крымских коллег, только для 9% студентов значима общность религиозных взглядов, а для 6% – этническое происхождение [Ярмак О.В., Нелина, Ярмак В.Е. 2019: 104].

Подведём итоги исследования. На основе сведений анкетных опросов крымской молодёжи выявлено, что межэтнические и межконфессиональные отношения имеют конкурентный, но слабokonфликтный характер. Состояние и тенденции изменений данных отношений оцениваются респондентами положительно. Сохраняется латентная отчуждённость между опрошенными русскими и крымскими татарами, между христианами и мусульманами. Она не перерастает в политический конфликт, но нуждается в мерах формирования этнического и конфессионального согласия. По нашему мнению, необходимо усилить масс-медиа, прежде всего – онлайн-ресурсы, а также общественные объединения, которые призваны укреплять российскую национальную идентичность, формировать межэтническое согласие на основе добровольного принятия «российскости» Крыма.

Библиография:

БАРАНОВ А.В. Межэтнические и конфессиональные отношения молодёжи в Крыму и Севастополе (на материалах массовых опросов) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2019. № 4 (61). С. 66–73.

БАРАНОВ А.В., ДОНЦОВА М.В., ЮРЧЕНКО И.В., ЮРЧЕНКО Н.Н. Факторный анализ уровня интеграции и конфликтности человеческого капитала в полиэтничной среде Черноморского макрорегиона // Южно-Российский журнал социальных наук. Краснодар, 2019. Т. 20, № 4. С. 166–186.

85% крымчан считают невозможными межнациональные конфликты на полуострове. URL: <https://kianews24.ru/news/85-krimchan-schitayut-nevozmozhnimi-mezhnac/> (дата обращения: 28.03.2020).

Крым: 5 лет в России. Март, 2019 г. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-03-14_WCIOM_CRIMEA.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

Республика Крым. Социально-политическая ситуация накануне выборов. Симферополь, 2019 г. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/2019-09-02_Crimea.pdf (дата обращения: 28.03.2020).

ЯРМАК О.В., НЕЛИНА Л.П., ЯРМАК В.Е. Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 96–112.

Белоглазов Р.Н.

СОЗДАНИЕ МУФТИАТА МУСУЛЬМАН КРЫМА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Beloglazov R.

Creation of the Muslim Muftiate of Crimea
in the Early 1920-ies.

После завершения Гражданской войны в ноябре 1920 г. в Крыму начался длительный чрезвычайный период, связанный с подавлением последних очагов вооруженного сопротивления советской власти, преодолением послевоенной социально-экономической разрухи. Общественно-политическая стабилизация на региональном уровне во многом зависела от эффективности государственного строительства на полуострове и способности новых органов власти наладить конструктивный диалог с национальными общинами полуострова, важной составляющей которого должна была стать конфессиональная политика.

В октябре 1921 г. в Крыму было провозглашено создание Крымской АССР как административно-территориальной автономии. Вследствие этнического и религиозного разнообразия населения в новой республике актуализировался национальный вопрос. В данном контексте особое внимание властные структуры старались уделять крымским татарам как наиболее многочисленному этническому меньшинству в регионе, которое могло стать примером эффективности советской политики для ее популяризации среди народов Ближнего Востока, что отвечало планам большевиков по дальнейшему распространению революционного движения на международной арене.

Несмотря на неоднократные декларации советской власти о политической лояльности по отношению к мусульманам, взаимодействие с крымскими татарами первоначально развивалось в конфронтационном ключе.

Национализация крупных помещичьих имений в Крыму и создание на их территории совхозов привело к обезземеливанию мелких арендаторов, что наиболее болезненно ударило по интересам крымско-татарской общины, и стало одной из причин расширения социальной базы антисоветского вооруженного сопротивления в горной местности, которое продолжалось в течение 1921-1922 гг. [Ишин 1998: 336].

Одной из существенных причин эскалации конфликта также стала ликвидация традиционных религиозных институтов крымских татар, что произошло вследствие эмиграции части духовенства (в том числе муфтия С. Кипчакского) и вступления в силу советского законодательства, которое юридически ликвидировало органы самоуправления конфессий и лишило все религиозные общины прав собственности. В частности, в связи с этим были конфискованы вакуфы и здание Таврического магометанского духовного правления Крыма (название муфтиата до 1920 г.).

По мере того как на полуострове ухудшалось социально-политическое положение, руководство Крымской АССР пришло к пониманию необходимости более адекватного учета местной специфики. Так, урегулирование отношений с крымскими татарами предполагало широкое привлечение их представителей в аппарат власти и управления (т.н. коренизация кадров) и обеспечение условий для нормализации деятельности мусульманской конфессии. Последнее было невозможно без восстановления организационной структуры традиционных институтов религиозной общины.

Одним из поворотных моментов в политике органов власти Крыма по крымско-татарскому вопросу стало проведение в январе 1923 г. в Симферополе I мусульманского съезда, на котором было провозглашено учреждение Народного управления религиозными делами мусульман Крыма (далее – НУРДМК). Согласно уставу организации, новый муфтиат наделялся традиционными для этой структуры полномочиями: применение норм шариата в вопросах брака и наследования, учет верующих, регистрация мечетей, религиозных общин и их собственности, разработка и осуществление реформ в области религиозной жизни, издание литературы, представительство интересов мусульман перед органами власти.

На съезде были избраны руководящий орган (президиум) из пяти членов и новый муфтий – Ибраим Тарпи, известный как один из лидеров консервативной части духовенства, которая активно поддерживала белые режимы генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в период Гражданской войны. Кроме того, делегаты приняли решение о необходимости обратиться к правительству Крымской АССР с ходатайством о возврате вакуфной собственности [ГАРК, ф. Р-1518, оп. 1, д. 2, л. 5].

5 февраля 1923 г. Народный комиссариат внутренних дел Крыма (далее – КрымНКВД) зарегистрировал устав НУРДМК, которое получило свой юридический статус фактически в порядке исключения, так как это посчитали целесообразным сделать из политических соображений властные структуры Крыма.

Несмотря на согласие учредить муфтиат, политика руководства Крымской АССР по отношению к мусульманам оставалась противоречивой. В частности, уже 29 мая 1923 г. на объединенном заседании президиумов Совета народных комиссаров Крыма (правительство) и Крымского центрального исполнительного комитета (высший орган власти в республике между съездами советов) было принято постановление об отмене регистрации НУРДМК по причине попыток его представителей придать обязательный характер сбору денежных пожертвований среди верующих для нужд муфтиата, что согласно действовавшего законодательства имело сугубо добровольный характер.

При этом прослеживалось отсутствие согласованности позиций между различными звеньями административно-управленческого аппарата. В июне 1923 г. начальник секретно-оперативной части ГПУ Крыма А.И. Арнольдов сообщил в КрымНКВД по поводу указанного постановления, что не считал необходимым применять какие-либо санкции в отношении муфтиата, исходя из установок центра. Тактику своего ведомства по данному вопросу он охарактеризовал следующим образом: «...в отношении татарского духовенства необходимо быть весьма осторожным и проходить мимо всех явлений так тонко, чтобы давлений ГПУ на требования нацменов не были проявлены ни в коей мере» [ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 812, л. 414].

В июне 1923 г. в Уфе состоялся I Всероссийский съезд мусульманского духовенства, на котором представители соответствующих религиозных общин Поволжья и Сибири приняли резолюцию о признании советской власти и ряд других документов, имевших большое пропагандистское значение для руководства СССР.

На этом благоприятном политическом фоне участник съезда крымский муфтий И. Тарпи обратился во ВЦИК с просьбой решить в пользу крымских мусульман ряд вопросов: восстановить регистрацию муфтиата и вернуть ему конфискованную собственность, включая библиотеку и вакуфы, органам власти Крыма не препятствовать сбору добровольных денежных пожертвований среди прихожан, прекратить гонения на посещающих мечети школьных учителей [ГАРК, Ф. Р-1518, оп. 1, д. 5, л. 6]. Руководство ВЦИК рассмотрело это обращение и согласилось санкционировать восстановление юридического статуса крымского муфтиата. Однако решение других вопросов было признано целесообразным отложить до выработки и конкретизации общего политического курса по мусульманскому вопросу в СССР.

В начале сентября 1924 г. в Симферополе состоялся II съезд мусульман Крыма, на котором обсуждался ряд организационно-финансовых вопросов дальнейшего функционирования муфтиата. Наиболее значимым событием стали пере выборы состава президиума и муфтия, которым стал Аджи Халиль Муслядин [ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 823, л. 82].

Новый глава НУРДМК был известен своей принадлежностью к прогрессивной (обновленческой) части духовенства, которая в идеологическом отношении примыкала к крымско-татарскому национально-демократическому движению, представленному в организационно-политическом плане в Крыму в начале 1920-х гг. нелегальной партией «Милли фирка». Часть ее активистов, в процессе политики коренизации кадров, заняла руководящие должности в аппарате управления Крымской АССР, что было результатом их компромисса с советской властью. Для укрепления связи с крестьянской массой (большая часть крымских татар) они были также заинтересованы в продвижении своего сторонника на пост муфтия, что соответствовало и конъюнктурной политике больше-

виков, которые в первой половине 1920-гг. демонстрировали толерантное отношение к исламу, и поддерживали просоветски настроенные круги среди мусульманского духовенства.

Таким образом, в начале 1920-х гг. руководство Крымской АССР приступило к выработке этноконфессиональной политики, которая отвечала условиям региона с большим национальным и религиозным разнообразием населения. Главным в этом плане стал крымско-татарский вопрос, с решением которого связывали перспективы распространения идей социализма в странах Ближнего Востока. В связи с этим властные структуры Крыма в 1923-1924 гг. пошли на определенные уступки мусульманской общине в контексте восстановления муфтиата, что в целом соответствовало интересам крымских татар, а также было важным инструментом достижения социально-политической стабилизации в регионе в процессе преодоления последствий Гражданской войны.

Библиография:

ГАРК — Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 812, 823; Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 2, Д. 5.

ИШИН А.В. Из истории развития вооруженной контрреволюции в Крыму в конце 1921-1922 г.г. // Культура народов Причерноморья. — 1998. № 3. С. 336-338.

Белоруссова Т. Е.

ФРАНКИ И ВЕНЕЦИАНЦЫ НА ПЕЛОПОННЕСЕ В XIV В.: ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Belorussova T.

Franks and Venetians in the Peloponnese in the
XIV Century: Features of Economic Interaction

Пелопоннес с XIII в. являлся ключевой транзитной зоной, связывавшей Венецию с ее владениями в Восточном Средиземноморье и на черноморском побережье [Карпов 2000: 111]. С начала латинской оккупации полуострова Ахейское княжество и венецианцы, получившие порты Корон и Модон, стремились поддерживать нейтральные отношения. Венеция разрешала своим гражданам вести торговлю в ахейских портах и предоставляла военную помощь франкам, если это отвечало ее интересам [Andrews 1978: 14]. В трудные моменты ахейская элита рассчитывала на помощь венецианцев. Так, в начале 20-х гг. XIV в., когда княжество оказалось в сложной внешнеполитической ситуации, бароны даже предлагали принести присягу республике в обмен на ее защиту [Воп 1969: 203].

В XIV в. морским коммуникациям в Восточном Средиземноморье наносили урон турки из малоазийских бейликов, а затем и османы, грабившие суда и прибрежные территории [Куш 2019: 246]. Пелопоннес неоднократно подвергался нападениям турок и заключивших с ними союз каталонцев. На фоне этих событий итальянские республики всеми силами старались обезопасить морские пути, по которым велась торговля — их главный источник дохода [Zachariadou 1989: 214]. В условиях серьезных внешнеполитических изменений для Венеции было крайне важно закрепить свое присутствие в регионе. Ценные сведения об экономической

и административной деятельности венецианцев в их торговых факториях содержат документы венецианского Сената. Рассмотрение специфики отношений республики с местными правителями Пелопоннеса позволит выявить основные методы, которыми Венеция пользовалась для защиты своего присутствия и экономических интересов в период активного соперничества за сферы влияния в регионе.

Венецианское представительство в Ахайе обеспечивал назначаемый Сенатом консул Кларенцы, главного порта Ахейского княжества [Карпов 2011: 125]. Первое упоминание об этой должности датируется 1341 г. [Thiriet 1958: № 116]. В его обязанности входило обеспечение безопасности и защиты прав венецианского населения и торговцев, ведущих дела в Кларенце, что нашло отражение в документах середины XIV в. [Thiriet 1958: № 282, 313]. В венецианской навигационной системе город выступал второстепенным промежуточным пунктом, куда венецианские галеи заходили, как правило, для догрузки, пополнения запасов или из соображений безопасности [Карпов 2000: 104; Thiriet 1958: 301, 316]. Из ахейских городов в регестах Кларенца упоминается наиболее часто, и нередко причиной упоминания являются конфликты венецианцев с бальи или жителями города. Отметим, что для Ахейского княжества первая половина XIV в. стала временем потери территорий и экономического упадка, вызванного фактически непрерывными военными столкновениями с каталонцами и греками [Lock 2014: 147]. По-видимому, ухудшение экономической ситуации в XIV в. привело к попыткам властей Кларенцы извлечь наибольшую выгоду из экономического присутствия венецианцев на территории Ахайи, что несколько раз становилось причиной конфликтов.

Серьезный конфликт имел место в 1341 г., когда «дурное обращение» должностных лиц княжества с венецианскими торговцами привело к конфликту с республикой и послужило причиной запрета венецианцам вести торговлю в Ахайе до урегулирования спора [Thiriet 1958: № 116]. Венецианский Сенат направил в Кларенцу посла для заключения новых договоренностей с княгиней Екатериной де Валуа-Куртене (1333-1346) и Рожером, архиепископом Патр [Thiriet 1958: № 126]. Судя по всему, конфликт разрешился в пользу Венеции. За оскорбление венецианского консула

и ущерб, нанесенный торговцам, власти Ахейского княжества должны были полностью покрыть причиненные убытки [Thiriet 1958: № 131]. Ограничение венецианской торговли оказало бы негативное воздействие на экономику княжества, и поэтому конфликт, с учетом времени, которое заняла отправка посла, был решен за полгода.

После этого о Кларенце венецианские документы не упоминают вплоть до 1348 г., когда постановлением Сената было решено направить протест бальи княжества против притеснений венецианцев со стороны жителей Кларенцы [Thiriet 1958: № 209]. Вероятно, и это требование Венеции было исполнено, поскольку вопрос больше не обсуждался в Сенате. Для Ахейского княжества поддержание мирных отношений с венецианцами представлялось выгодным не только с экономической точки зрения, но и политической. Общей задачей, стоявшей перед латинянами Пелопоннеса, было обеспечение безопасности против турок, что нашло отражение в документах. Так, с 1352 г. Ахейское княжество и папский престол делили с Короном и Модоном расходы на военные суда для борьбы с турецким пиратством прибрежных водах Пелопоннеса [Thiriet 1958: № 184, 256], а в 1357 г. они совместно дали отпор туркам на море [Libro de los Féchos 1885: 151].

Еще одним портом Пелопоннеса, в котором вели дела венецианцы, были Патры, находившиеся под юрисдикцией архиепископа. В 1353 г., в разгар войны Венеции с Генуей (1350-1355), архиепископ Рено де Лор позволил генуэзским судам разместиться в патрском порту, что было решительно опротестовано Венецией [Bon 1969: 230]. В ответ Сенат постановил всем подданным покинуть Патры [Thiriet 1958: № 263], а также направил посла с целью урегулировать отношения с архиепископом и взыскать с него за ущерб, нанесенный республике его решением [Thiriet 1958: № 265]. Конфликт затянулся, и в 1355 г. Сенат постановил потребовать дополнительных привилегий для венецианцев не только от архиепископа, но и от властей Кларенцы [Thiriet 1958: № 271]. В итоге, по договору от 29 сентября 1355 г. венецианцы получили право беспошлинной торговли и ношения оружия в Патрах [Saranti-Mendelovici 1980: 226]. Однако большинство торговцев не получили компенсации за понесенные

убытки, и через два года в дело вынужден был вмешаться капитан Гольфа (Адриатики), повторив угрозу ухода венецианцев из Патр. Аналогичные записи, свидетельствующие о несоблюдении достигнутых договоренностей, датируются 1359 г., т.е. спустя четыре года после заключения соглашения [Thiriet 1958: № 313, 340, 344].

Таким образом, Венеция очень дорожила своим экономическим присутствием в транзитных пунктах Средиземноморья. Несоблюдение договоренностей, злоупотребление должностными полномочиями или попросту действия в ущерб ее торговым интересам строго карались республикой, тщательно следившей за безопасностью и соблюдением порядка в факториях, а также прав в местах, где ей разрешено было иметь свое представительство. В обоих рассмотренных случаях Сенат вел переговоры в ультимативной форме, угрожая наложить запрет на ведение торговли в той или иной области. Венеция использовала внутренние противоречия в Ахайе не только чтобы немедленно удовлетворить свои требования, но и получить дополнительные привилегии. Власти княжества были очевидно заинтересованы в венецианском присутствии в ахейских портах и не могли позволить себе открытого пренебрежения венецианскими постановлениями.

Библиография:

КАРПОВ С.П. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 122-138.

КАРПОВ С.П. Латинская Романия. СПб., 2000. 256 с.

КУЩ Т.В. Пираты Эгейского моря: морской разбой в Восточном Средиземноморье XV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 245-254.

ANDREWS K. Castles of the Morea. Amsterdam, 1978. 274 p.

BON A. La Morée Franque: Recherches Historiques, Topographiques et Archéologiques sur la Principauté d'Achaïe (1205-1430). Paris, 1969. 764 p.

Libro de los Féchos et Conquistas del Principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles / publiée et traduit pur la première fois pour la Société de l'Orient Latin par Alfred Morel-Fatio. Genève, 1885. 177 p.

LOCK P. Sanudo, Turks, Greeks and Latins in the Early Fourteenth Century // Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204-1453 / ed. by N.G. Chrissis, M. Carr. London; New York, 2014. P. 135-149.

SARANTI-MENDELOVICI H. A propos de la ville de Patras aux 13e-15e siècles // Revue des études Byzantines. 1980. T. 38. P. 219-232.

THIRIET FR. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. Vol. 1. Paris, 1958. 247 p.

ZACHARIADOU E. Holy War in the Aegean during the Fourteenth Century // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean After 1204 / ed. by B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. London: 1989. P. 212-225.

Борисова Г.А.

ЗАТОПЛЕННЫЕ ПАЛЕОЛАНДШАФТЫ ЧЕРНОГО МОРЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Borisova G.

Flooded paleolandscapes of the Black Sea:
problems and prospects of study

Европейский континентальный шельф в периоды наиболее низкого уровня мирового океана добавлял до 40% к существующей территории суши [Flemming et al. 2014] и, безусловно, был средой обитания и хозяйственной деятельности человека. Аналогичная ситуация складывалась и в Черном море, особенно в его северной, наиболее мелкой части. Это важный фактор для понимания и интерпретации раннего заселения человеком европейского континента. Кроме того, изучение затопленных палеоландшафтов предоставляет возможность получить новые сведения об изменениях климата и реакции человека на изменение уровня моря, о путях миграции в Европе и ранней эксплуатации морских ресурсов.

Большинство известных затопленных палеоландшафтов и участков со следами доисторических поселений были обнаружены на небольших глубинах (менее 10 м), зачастую с хорошей видимостью и доступностью. Относительно небольшое количество участков со следами доисторических поселений было обследовано на глубинах от 10 до 50 м. Тем не менее, большое количество хорошо сохранившихся палеоландшафтов на глубинах до 150 м остаются практически неизученными, несмотря на то, что они могут предоставить важную информацию об истории адаптации человека в течение первых послеледниковых тысячелетий. В данный период быстрый подъем уровня моря (~2 м/век) постоянно приводил к смещению береговой линии и быстрому затоплению мест обитания

людей и животных [Flemming et al. 2014]. Достаточно трудно обнаружить следы палеостоянок – работу затрудняет как значительная глубина, так и другие факторы – например, сильные течения, заиливание, низкая видимость. Для масштабного исследования огромных областей затопленных палеоландшафтов необходимо междисциплинарное сотрудничество между археологией, геологией, океанологией и другими науками, в первую очередь техническими.

В настоящее время в Европейских странах проводятся активные исследования континентального шельфа и затопленных палеоландшафтов. Наиболее широкое развитие данные направления работ получили в Дании, Великобритании и Норвегии, исследуется и Средиземное море. Кроме того, изучения затопленных палеоландшафтов активно проводятся в США, Канаде и Мексике, так как подобные исследования позволяют ответить на вопросы о путях заселения Американского континента – обширные территории, по которым проходили волны миграции, сейчас находятся под водой.

В РФ исследования затопленных палеоландшафтов в основном проводятся в северной части страны, Черное море в данном контексте изучено относительно мало. Большая часть исследователей фокусируется на вопросе так называемого потопы, широко ведутся дискуссии, высказываются мнения за и против данной теории. Вопрос о потопе рассматривается в многочисленных публикациях, в обширном сборнике: «Вопрос о потопе в Черном море: изменения береговой линии, климата и заселение человеком» [Yanko-Hombach et al. 2007]. В 2011 г. был опубликован сборник «Геология и геоархеология региона Черного моря: за пределами гипотезы о потопе», в котором уделяется много внимания изучению уровня Черного моря в различные периоды, вопросам палеоэкологии и реконструкции палеосреды [Buynovich et al. 2011]. Отдельно стоит выделить работы под руководством В.В. Янко-Хомбах и многочисленные публикации: «Колесания уровня Черного моря и адаптационная стратегия древнего человека за последние 30 тысяч лет» [Янко-Хомбах 2011], «Спор о потопе в Черном море: геологические и фораминиферные свидетельства с шельфа» [Yanko-Hombach 2007], «Было ли Черное море катастрофически затоплено

в эпоху голоцена? – геологические и археологические данные» [Yanko-Nombach, Mudie, Gilbert 2011] и др.

Затопленные доисторические поселения активно исследуются в болгарских прибрежных водах – вдоль юго-западного побережья Черного моря выявлены археологические памятники. Затопленные поселения в бухте Созополя датируются поздним энеолитом и ранним бронзовым веком. Археологические свидетельства человеческой деятельности эпохи бронзового века также были обнаружены в соседнем заливе Урдовиза (Китен). Подводные археологические исследования, проводившиеся на болгарском побережье Черного моря в последние 20 лет, позволили собрать информацию о различных затопленных доисторических поселениях, которые относятся к двум хронологическим периодам. Некоторые из поселений (например, Варна и Созополь) были основаны во время позднего энеолита. Затопленное поселение позднего энеолита в гавани Созополя хронологически может быть расположено между окончанием культуры Варна (фаза III, ок. 4340 г. до н.э.) и началом культуры Чернаводэ I (ок. 4100 г. до н.э.). В бухте Созополь на глубине 7 м были обнаружены деревянные сваи, которые по данным дендрохронологии и радиоуглеродного анализа датируются 4140 г. до н.э. [Filipova-Marinova et al. 2011]. Энеолитические поселения в бухте Созополь были затоплены либо из-за повышения уровня моря, либо из-за тектонического опускания. Даты соответствуют археологическому периоду, известному как «переходный период», который датируется в Болгарии 4000-3200 гг. до н.э.

После 3200 г. до н.э. уровень моря начал опускаться, и некогда затопленные прибрежные зоны вновь стали пригодны для жизни. Некоторые поселения раннего бронзового века развивались на остатках поселений позднего энеолита (например, Созополь), другие возникли в совершенно новых местах (например, в Атии, Ропотамо, Урдовизе и Ахтополе). Эти поселения существовали в основном в раннем бронзовом веке (2780-2504 гг. до н.э.). Близлежащее затопленное поселение Урдовиза (Китен) датируется 2850-2600 гг. до н.э. – в нем также сохранились фрагменты деревянных свай, которые позволили провести дендрохронологический и радиоуглеродный анализы [Filipova-Marinova et al. 2011].

Во время работ на затопленных доисторических поселениях в бухте Созополя помимо археологических и геологических исследований проводились также палеоэкологические. Были проанализированы два керны, которые позволили провести детальную реконструкцию изменений растительности и проанализировать степень антропогенного воздействия на изучаемый регион. Палинологические и геоархеологические данные подтверждают существование антропогенной активности во время заключительной стадии позднего энеолита (ок. 4100-3850 гг. до н.э.) и раннего бронзового века (ок. 3500-2650 гг. до н.э.). Между ними наблюдается перерыв приблизительно в 500-1000 лет из-за повышения уровня Черного моря [Filipova-Marinova et al. 2011].

Затопленные поселения в озерах Дуранкулак и Варна были датированы 5270 г. до н.э. в соответствии с датировками поселений, расположенных на их берегах [Dimitrov, Dimitrov 2004]. Как и памятники в бухте Созополя, они находятся на глубинах менее 10 м.

Кроме того, затопленные доисторические археологические памятники были выявлены вблизи мыса Шабла к северу от Варны [Yanko-Nombach, Mudie, Gilbert 2011]. Среди них – затопленный некрополь, где обнаружены два захоронения, первое на глубине 6,5 м, второе – на 3,5 м. Захоронения могут быть датированы поздним неолитом или энеолитом, когда уровень Черного моря вдоль болгарского побережья был как минимум на 7 м ниже современного. Предполагается, что некрополь связан с поселениями Шабла I и / или Шабла II [Реев 2008].

Р. Баллард и Д. Колман изучали затопленные береговые линии в южной и западной частях Черного моря в 2000 году. Несмотря на скопления памятников, датируемых от неолита до бронзового века, вблизи современной береговой линии, на глубинах более 10 м было обнаружено крайне мало свидетельств наличия доисторических поселений. Керамическая тарелка, которая предположительно датируется периодом неолита, была поднята с глубины 90 м недалеко от Варны [Ballard, Coleman, Rosenberg 2000]. Кроме того, были опубликованы фотографии валунов, обнаруженных на глубине 90 м недалеко от Синопа (Турция). Р. Баллард выдвинул предположение, что данные валуны могут являться свидетельством поселения эпохи неолита, затопленного более 8000 лет назад [Ballard et al. 2001].

Подводные археологические исследования в турецкой части Черного моря в основном сконцентрированы в зоне вокруг Босфора. Данные о доисторических культурах вдоль черноморского побережья Турции достаточно скудны. За исключением нескольких памятников эпохи мезолита, не зарегистрировано ни одного поселения старше VIII в. до н.э. [Özdoğan 2011]. Представляется логичным предположение, что множество памятников неолита, энеолита и бронзового века были затоплены из-за повышения уровня Черного моря. Работы по выявлению затопленных палеоландшафтов и участков со следами доисторических поселений были выполнены только у побережья Синопа во время уже упоминавшейся выше экспедиции Р. Балларда [Ballard et al. 2001]. По аналогии с ситуацией на болгарском побережье, подводные археологи рассчитывают на обнаружение затопленных доисторических памятников и вдоль побережья Турции.

В настоящее время активно разрабатываются и внедряются новые методы и технологии выявления и изучения затопленных палеоландшафтов. Отдельно стоит отметить разработанную под руководством Н. Флеминга «Совместную стратегию исследований европейского континентального шельфа» [Flemming et al. 2014], а также разработанное в Дании руководство по исследованию предистории Северного моря [Peeters et al. 2019], публикацию «Затопленные палеоландшафты и выявление подводных археологических памятников: «датская модель» в международной практике» [Benjamin 2010] и другие работы. Основываясь на опыте успешных работ в западной части Балтийского моря, можно рекомендовать использование двух общих подходов [Bailey 2011]:

1. Проведение водолазных работ на ранее не исследованных участках морского дна, которые – согласно существующим батиметрическим данным или случайным находкам – уже являются перспективными зонами для поиска следов доисторических поселений и выявления затопленных палеоландшафтов.

2. Систематическое создание единой базы, включающей в себя археологические, батиметрические, седиментологические и тафономические данные, которые впоследствии могут быть использованы для разработки моделей и выявления наиболее перспективных районов для исследования.

Библиография:

- ЯНКО-ХОМБАХ В.В. и др. Колебания уровня Черного моря и адаптационная стратегия древнего человека за последние 30 тысяч лет // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. — 2011, № 2. С. 61-94.
- BAILEY G.N. Continental Shelf Archaeology: where next? // *Submerged Prehistory* / Edt. by Benjamin J., Bonsall Cl., Pickard C., Fischer A. — Oxford, 2011. P. 311-331.
- BALLARD R.D. et al. Deepwater archaeology of the Black Sea: the 2000 season at Sinop, Turkey // *American Journal of Archaeology*, 105. — 2001. P. 607-623.
- BALLARD R.D., COLEMAN D.F., ROSENBERG, G.D. Further evidence of abrupt Holocene drowning of the Black Sea shelf. // *Marine Geology*, 170. — 2000. P. 253-261.
- BENJAMIN J. Submerged Prehistoric Landscapes and Underwater Site Discovery: Reevaluating the ‘Danish Model’ for International Practice // *Journal of Island & Coastal Archaeology*, 5. — 2010. P. 253-270.
- BENJAMIN J., BONSALL CL., PICKARD C., FISCHER A. (Eds.) *Submerged Prehistory* — Oxford, 2011.
- BUYNEVICH I.V., YANKO-HOMBACH V., GILBERT A.S., MARTIN R.E. (Eds.) *Geology and Geoarchaeology of the Black Sea Region: Beyond the Flood Hypothesis* — Temple University, 2011.
- DIMITROV P., DIMITROV D. *The Black Sea, the Flood, and the Ancient Myths* — Varna, Slavena, 2004.
- FILIPOVA-MARINOVA M., GIOSAN L., ANGELOVA HR., PREISINGER A., PAVLOV D., VERGIEV ST. Palaeoecology of the Submerged Prehistoric Settlements in Sozopol Harbour, Bulgaria // *Submerged Prehistory* / Edt. by Benjamin J., Bonsall Cl., Pickard C., Fischer A. — Oxford, 2011. P. 230-244.
- FLEMMING N.C. et al. *Land Beneath the Waves. Submerged landscapes and sea level change. A joint geoscience-humanities strategy for European Continental Shelf Prehistoric Research* — Belgium, 2014.
- ÖZDOĞAN M. Submerged Sites and Drowned Topographies along the Anatolian Coasts: an overview // *Submerged Prehistory* / Edt. by Benjamin J., Bonsall Cl., Pickard C., Fischer A. — Oxford, 2011. P. 219-229.
- PEETERS J.H.M., AMKREUTZ L.W.S.W., COHEN K.M., HIJMA M.P. *North Sea Prehistory Research and Management Framework (NSPRMF) 2019* — Amersfoort, 2019.
- PEEV P.I. Underwater sites in the area of cape Shabla (North-East Bulgaria) // *Geoarchaeology and Archaeomineralogy* (Eds. R.I. Kostov, B. Gaydarska, M. Gurova). — Sofia, 2008. P. 303-304.
- YANKO-HOMBACH V., GILBERT A.S., PANIN N., DOLUKHANOV P.M. (Eds.) *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement* — Springer, 2007.

YANKO-HOMBACH V., MUDIE P., GILBERT A.S. Was the Black Sea Catastrophically Flooded during the Holocene? — geological evidence and archaeological impacts // Submerged Prehistory / Edt. by Benjamin J., Bonsall Cl., Pickard C., Fischer A. — Oxford, 2011. P. 245-262.

YANKO-HOMBACH V.V. Controversy over Noah's Flood in the Black Sea: geological and foraminiferal evidence from the shelf // The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement / Edt. by Yanko-Hombach V, Gilbert A.S., Panin N., Dolukhanov P.M. — Springer, 2007. P. 149-204.

Воронин К. В.

ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ТИПА КОРСУНСКОЙ В КУЛЬТУРЕ РУСИ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА В XIII–XVI вв.

Voronin K.

The Icons of Our Lady of the Korsun' types in the Culture
of Old Russia and the Mediterranean Region
in the 13th – 16th Centuries

Начиная с 16 века именование Богоматерь «Корсунская» относится к оплечным иконам Богоматери «Умиление» (рис. 1) [Быкова 2006: 156-161]. Эпитет «Корсунская», используемый и для других святынь, изначально связываемый с духовенством конца 10 — начала 11 века из киевской Десятинной церкви [Шалина, Шевченко 2015:169-170], легендарно указывает прежде всего на византийское происхождение и древность прообраза таких икон, попавшего на Русь через средневековую Корсунь. Реальность этого пути в русские земли, возможно проделанного некоторыми христианскими реликвиями, однако, обретает косвенное подтверждение в замечательных произведениях византийского искусства, найденных при археологических раскопках на территории самого Херсонеса (Корсуни) [Белов 1960: 257-263; Яшаева, Денисова, Гинькут, Залесская, Журавлев 2011: 162-167, рис. 37-44; Воронин 2019: 60-64; Wichom 2006: 300, fig. 203]. В действительности, однако, неизвестно ни одного сохранившегося образа иконы оплечной Богоматери «Умиления» Корсунской, созданного ранее конца 15 века [Николаева 1977: 30, 83, кат. 109].

Но если посмотреть на извод икон 15-16 века, связываемых в старину с обликом «Корсунской» иконы Богоматери из Софийского собора Великого Новгорода, становится очевидным что речь идет об иконе другой

иконографии, называемой в настоящее время «Иерусалимская». Считаясь привезенной в 988 году князем Владимиром из Корсуни и хранившейся в новгородском Софийском соборе до 1561 года, в его описи эта икона именовалась Одигитрией [Полное собрание Русских летописей 2009: 192]. Ее списки большей частью происходят из Новгорода, его окрестностей или земель бывшей Новгородской Республики. Немаловажно и, вероятно, исторически закономерно, что к иконографии иконы Богоматерь «Корсунская» — «Иерусалимская» близка икона Богоматерь «Тихвинская», прославленная опять же в новгородских землях, но значительно позже в 1383 году [Шалина 2010: 19-27].

Большинство известных икон Богоматери «Иерусалимской» созданы в начале 15-16 века, однако существует один более ранний памятник — серебряный оклад из басмы 11-12 веков с дополнениями более позднего времени, надетый в старину на икону Богоматери «Иерусалимской» 16 века, вероятно, написанную под древнюю ризу по подобию утраченного [Смирнова 2008: 83-88] или извлеченного в 16 веке образа. Исходя из контуров фигур Богоматери и Христа на окладе 11-12 века, иконографии помещенной под этот оклад иконы и других произведений 15-16 веков древняя икона Богоматерь «Корсунская» — «Иерусалимская» представляла собой поясное изображение Богоматери, придерживающей Младенца Христа: развернутого в пол-оборота, с согнутой в колене, поджатой ножкой с неприкрытой стопой, одетого в гиматий охристого цвета и в отличающуюся от него по цвету тунику, держащего свиток в согнутой в локте руке и благословляющего Мир рукой, развернутой к Богоматери. Судя по абрису фигур Богоматери и Христа на окладе домонгольского времени наиболее ранние иконы Богоматери «Иерусалимской» относились к группе изображений Богородицы Дексиократусы, обобщенно объединяющей все изображения Богоматери Одигитрии с правосторонним расположением Младенца. Однако в новгородском искусстве 15-16 веков известны иконы Богоматери «Иерусалимской» и Христа, расположенного как справа, так и слева от фигуры Богоматери, что связано с созданием большого количества копий почитаемой иконы, написанных также в зеркальном переводе по отношению к оригиналу. За исключением иконы начала 15 века

(рис. 2) на более поздних иконах Богоматери «Иерусалимской» у одежд Богородицы всегда показаны цветные отвороты красного или зеленого цвета, известные со второй четверти — середины 14 века на произведениях живописи из северной Италии [Tartuferi 2009: 55, 200-201, cat. 44; Santanicchia 2009: 67, 211-212, cat. 56; D'Alberto 2009:80, 225-226, cat. 70; Scirè Nepi 2006: 32, 34, 36, cat. 3, 4, 5] и примерно с этого же времени иногда применявшимися на венецо-византийских иконах [Vacci 2014: 73-106]. Во второй половине 15 века — 16 веке это декоративное решение часто используется на одеждах Богоматери в итало-критской иконописи [Piatnitsky 1993: 354-355, cat. 17; Евсеева 2010: 16, 44, кат. 5; Сидоренко 2010: 62, кат. 12; Vassilaki 2017: 104, fig.2]. Очевидно, что в 15 веке именно из художественных центров средиземноморского и адриатического регионов эта декоративная идея проникла в иконописную культуру Великого Новгорода.

Наиболее ранний сохранившийся живописный памятник иконографии Богоматери «Иерусалимская» — созданная около 1411 года икона из деревни Кувшины Демянского района Новгородской области (рис. 2) [Voronin et. al. 2015: P. 181]. Обладая персональным именованием «Милостивая», она входит в группу произведений последней четверти 14 — первой трети 15 века, в основном связанных с аристократической культурой Великого Новгорода времени архиепископа Иоанна 2 Порфирьева (1388-1415), отличительной чертой которых являются зоны гравированного растительного декора на позолоченных фонах, полях икон, нимбах святых, и проработанные в технике гравировки детали одежд персонажей, изображения элементов архитектуры и убранства храмов [Voronin et. al. 2018: P. 316]. Эта икона Богоматери «Иерусалимской» написана в темной цветовой гамме, чем, возможно, передает реальный облик потемневшей древней иконы Богоматери «Корсунской» из Софийского Собора Великого Новгорода в начале 15 века. На иконе достойны внимания уникальные декоративные детали, отсутствующие на более поздних списках Богоматери «Иерусалимской». Богородица изображена одетой в изысканные драгоценности: серьга с красным камнем и тремя жемчужинами вдега в ее левое ухо, туника застегнута на изысканную золотую застежку с тремя подвесками,

украшенными красными камнями и жемчугом (рис. 2), сходную по форме с булавками из культурных слоев Великого Новгорода 14-15 веков [Седова 1981: 76], расположенную подобно фибуле на одеждах Девы Марии на некоторых произведениях западноевропейской живописи 14-15 века.

Иконы, близкие по иконографии с образом Богоматери «Корсунской» — «Иерусалимской» известны в культурах Византии и католицизма. Самая старая из них хранится в церкви «Агия Параскева» в Салониках и датируется около 1200 года [Caputo et al. 2013: 100, cat. 51]. Ее создание связано художественным центром в Восточном Средиземноморье. На рубеже 12-13 веков в культуре этого региона сочетались черты западноевропейского и византийского искусства; эта икона возможно была написана итальянским художником, на которого повлиял византийский стиль живописи. Вероятно, она была доставлена в Салоники с Кипра, который в то время находился под властью латинян [Caputo et al. 2013: 172]. Три другие иконы связаны с северной Италией. Одна, датируемая концом 13 века, находилась в соборе «Duomo di San Martino Vescovo» на острове Бурано (Венеция) [Ferrara 2002: 124-125; Caputo et al. 2013: 110, 174]. По контуру фигур Богоматери и Младенца она очень близка к окладу 11-12 веков от иконы Богоматерь «Иерусалимская», а по иконографии максимально сходна с новгородской иконой Богоматери «Иерусалимской», созданной около 1411 года. Вторая икона относится к первой четверти 14 века и происходит из Спалато. [Shmidth Arcangeli 2002: 126-127; Caputo et al. 2013: 111, 174]. На золотом фоне этой иконы рядом с изображениями Богоматери и Младенца помещен эпитет «Graciosa» (Милостливая). Третья, рельефная икона датируется первой половиной 14 века и хранится в Селано [Caputo et al. 2013: 160]. Создание всех этих икон связано с итальянскими мастерами и (или) культурными центрами северной Италии. Появление произведений этой богородичной иконографии в средиземноморском регионе совпало по времени с существованием Латинской Романии (1204-1261).

В контексте возможного существования общих тенденций почитания Девы Марии в культурах православного и католического мира, запечатленных в произведениях живописи, небезынтересно обратить внимание

на икону Богоматери Иерусалимской начала 15 века (рис. 2). Примечательно, что одинаковое наименование «Милостливая» («Gracious» на латыни) помещено на произведениях одной иконографии, связанных с разными ветвями христианства: новгородской иконе Богоматерь «Иерусалимская» и иконе Богоматери с Младенцем из Спалато. Сделанные на новгородской иконе гравированные растительные орнаменты, декоративные элементы одежд являются несомненной интерпретацией гравированного декора, помещавшегося на золоченых фонах готических живописных произведений [Ferrara 2008: 127-129].

Это культурное взаимодействие, вероятно, было обусловлено торговыми связями Великого Новгорода с городами Ганзейского союза, благодаря которому громадная территория от итальянских городов на юге, Брюгге и Лондона на западе и вплоть до Великого Новгорода на востоке Европы была объединена торговыми операциями Ганзы [Pöder 2010: 55]. В Великом Новгороде находились европейские фактории «Готский двор» и «Петергоф» [Martin 1986: 63] с соборами Св. Олафа и Св. Петра на территории «готского двора» [Selart 2015: 39].

Библиография:

- БЕЛОВ Г.Д. Шиферная икона из Херсонеса. // СА — М, 1960. № 2. С 257-263.
- БЫКОВА М.А. Богоматерь Корсунская. // Иконы Владимира и Суздаля — М, 2006. С 156-161.
- ВОРОНИН К.В. Стеатитовая икона с образами Великомучеников Федора, Георгия, Дмитрия из раскопок в Херсонесе и ее культурно-исторический контекст: изображения триумvirата святых воинов в христианской культуре XII-XIII веков. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока — М, 2019.
- ЕВСЕЕВА Л.М. Иконы с острова Крит, между Востоком и Западом. // Греческие иконы с острова Крит XV-XVII вв. — М, 2010. С. 16, 44, кат. 5.
- НИКОЛАЕВА Т.В. Древнерусская живопись Загорского Музея — М, 1977.
- Полное собрание русских летописей. Том XXX. Издание 2-е. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). М, 2009.
- СЕДОВА М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (10-15 вв.). М, 1981.

СИДОРЕНКО Г.В. Богоматерь с Младенцем (Madre della Consolazione). Греческие иконы с острова Крит XV-XVII вв. — М, 2010. С. 62, кат. 12.

СМИРНОВА Э.С. Богоматерь Одигитрия («Корсунская», «Иерусалимская»). // Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века — М, 2008. С. 83-88.

ШАЛИНА И.А. Чудотворная икона Богоматери Тихвинской в истории Московского государства конца XV — первой половины XVI века. // История и развитие церковно-государственных отношений на примере Тихвинского Успенского монастыря» — СПб, 2010. С. 19-27.

ШАЛИНА И.А., ШЕВЧЕНКО Э.В. Корсунская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Том. 38 — М, 2015. С. 169-170.

ЯШАЕВА Т., ДЕНИСОВА Е., ГИНЬКУТ Н., ЗАЛЕССКАЯ В., ЖУРАВЛЕВ Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь — Остин, 2011.

ВАССИМ. Veneto-Byzantine 'Hybrids': towards a reassessment. // Studies in Iconography — Michigan, 2014. № 35. P. 73-106.

D'ALBERTO C. Maestro di Offida (attivo nei decenni centrali del XIV secoli). Madonna con il bambino in trono fra angeli (scomparto centrale). // Giotto e il Trecento. Le opere. — Milano, 2009. P. 80, 225-226, cat. 70

CAPUTO, G., GENTILI G. Torcello alle origini di Venezia tra occidente e oriente. Venezia, 2013.

FERRARA D. Il Trecento adriatico. Paolo Veneziano e la pittura tra Oriente e Occidente, catalogo della mostra. Milano, 2002. P. 124-125, n 11.

FERRARA D. Giovanni Baronzino e la pittura a Rimini nel Trecento. Milano, 2008.

MARTIN J. Treasure of the land of darkness. The fur trade and its significance for medieval Russia. Cambridge, 1986.

PIATNITSKY Y. The Virgin and Child (Madre della Consolazione). // Icon of Cretan school (From Candia to Moscow and Petersburg). — Athens, 1993. P. 354-355, cat. 17.

PÖDER K. 2010. Credible commitment and cartel: the case of the Hansa merchant in the guild of late medieval Tallinn. // Baltic Journal of Economics — Riga, 2010. Vol.10(1). P. 43-60.

SCHMIDT ARCANGELI C. Il Trecento adriatico. Paolo Veneziano e la pittura tra Oriente e Occidente, catalogo della mostra. Milano, 2002. P. 126-127, n 12.

SANTANICCHIA M. Mello da Gubbio (attivo ca 1320-1360). Madonna con il Bambino e angeli 1340-1350 ca. // Giotto e il Trecento. Le opere. — Milano, 2009. P. 67, 211-212, cat. 56.

SCIRÈ NEPI G. Treasures of Venetian painting. The Gallerie Dell'Accademia. Verona, 2006.

SELART A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth century. Boston, 2015.

TARTUFERI A. Nardo di Cione (e Niccolo di Tommaso) (Firenze, documentato rispettivamente, dal 1346-1348 al 1365-1366 e dal 1346-1348 al 1376). Madonna con il Bambino (scomparto centrale). // Giotto e il Trecento. Le opere. — Milano, 2009. P. 55, 200-201, cat. 44.

VASSILAKI M. Looking at Icons and Contracts for their Commission in Fifteenth-Century Venetian Crete. // *Paths to Europe. From Byzantium to the Low Countries.* — Milano, 2017. P. 104, fig.2.

VORONIN K., DOLGIKH A., MATSKOVSKY V., CHERKINSKY A., SKRIPKIN V., ALEXANDROVSKIY A. Comparative dendrochronological and 14C dating of 15th century russian icon. *Radiocarbon* — 2015. Vol 57, № 1. P. 173-182.

VORONIN K., KABANOVA M. Interdisciplinary study of the 15th century CE medieval Russian icon of Our Lady Deksiokratusa “Myloštivaja” (“The Gracious”) (dendrochronology, radiocarbon dating, chemical and physical analysis, historical and cultural studies). // *An Analytical Approach to the Study of Relics* — Leuven, 2018. P. 315-322.

WIXOM W.D. Icon with Scenes from the Life of Saint Panteleimon and Deesis. // *Glory of Byzantium* — New York, 2006. P. 479-480, 494-495.

Гаврила А.

ПРОБЛЕМА КРЫМА В СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЕС И РОССИЕЙ

Gavrila A.

The Problem of Crimea in Modern Relations
between the EU and Russia

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., последовавшей вслед за антигосударственным переворотом на Украине, неоднозначно было воспринято мировым сообществом, хотя исторически и политически эти тенденции давно назрели. Тем не менее, многие страны не приняли результатов народного референдума, основанного на волеизъявлении народа, проживающего в Крыму, и пошли на разрыв отношений Европейского Союза с Российской Федерацией, введя режим санкций. Несмотря на то, что в Европейском союзе, мнения по поводу происходящего на Украине не были однозначными, тем не менее, решение о введении санкций против Российской Федерации были приняты, несмотря на то, что некоторые голоса в ЕС раскритиковали эти действия как с политической, так и с экономической точки зрения. Мы должны также упомянуть тот факт, что эти санкции были введены исключительно под нажимом США, что подтверждает заявление вице-президента США Д. Байдена. [Remarks by the Vice President...]

Развитие отношений между ЕС и РФ начало развивается в русле политики неоатлантизма, навязанное США, под предлогом обеспечения европейской безопасности. [Sakwa 2015:554]

Однако, введение санкций против Российской Федерации были бы невозможны без согласия большинства стран-членов ЕС, и прежде всего без его ключевых участников: Германии и Франции.

Надо сказать несколько слов о характере и темпах развития отношений между Россией и странами ЕС за годы, предшествующие введению санкций, которые можно охарактеризовать как поступательные. Европейский Союз был главным экономическим партнером России, а Россия стала для Европейского союза одним из важнейших партнеров в области экономики и основного поставщика энергоресурсов. [Haukkala 2015:35]

Санкции, введенные ЕС, отрицательно сказались на российской экономике, являясь одной из причин снижения ВВП и курса рубля в конце 2014 года. [Иноземцев 2014:13] Российские политики охарактеризовали политику, которую Запад ведет против России как гибридную войну, направленную на подрыв социально-политической стабильности. [Пора поставить действенный заслон информационной войне /Бастрыкин. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2961578>]

По словам директора по исследованиям в Европейском совете по международным отношениям Ханса Кунднани, воссоединение Крыма с Россией стало стратегическим шоком для Германии, и действия России расценили не только как угрожающие европейской безопасности, но и как то, что Россия больше не заинтересована в партнерстве с ЕС. [Leaving the West Behind...] Несмотря на заинтересованность в развитии экономических отношений между Россией и Германией, в том числе российского газа для немецкой экономики и Россией в немецком экспорте, канцлер ФРГ А. Меркель решила ввести санкции против России и настояла на присоединении к ним других стран ЕС. А. Меркель заявила, что Германия не согласна с присоединением Крыма к Российской Федерации, ссылаясь на нарушение территориальной целостности Украины и международного права. В то же время А. Меркель заявила, что правительство Германии не рассматривает возможность использования военной силы для разрешения конфликта, и выступает за дипломатическое решение проблемы. [Regierungserklärung der Bundeskanzlerin...]

По мнению министра иностранных дел Германии и вице-канцлер Ф.У. Штайнмайера следует избегать диаметрально противоположных дипломатических шагов по отношению с Российской Федерацией, так как такая политика, по его мнению, осложнит в дальнейшем возвраще-

ние к нормальным дипломатическим отношениям в будущем. [Krim-Referendum rechtlich...]

Политика Германии была направлена на недопущение любого конфликта с Россией в этой ситуации. Совершенно отличный от немецкой стороны была политика США. Подход США по поводу воссоединения Крыма с Россией, можно охарактеризовать, как конфронтационный, направленный на попытку полной политической и экономической изоляции России от мирового сообщества. Также Германия вынуждена была присоединиться к политике США, Великобритании, Канады и Франции по поводу отмены саммита G8 в Сочи. За свое «осмотрительное» поведение Германия подверглась критике со стороны НАТО.

После 2014 года ряд стран ЕС изменили свой подход по выстраиванию отношений с Россией. Президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер в своем выступлении на конференции по безопасности в Мюнхене в 2020 г. настаивал на активизации сотрудничества Европейского союза с Россией, критикуя односторонний подход, исходящий со стороны администрации Трампа. [Preşedintele Germaniei vrea...]

Политика Франции, в свою очередь, после воссоединения Крыма с Россией (как в период правления Ф. Олланда, так и Э. Макрона), балансировалась между выстраиванием диалога и санкционной политикой. Франция как член НАТО, проводила политику, направленную на конфронтацию с Россией, и одновременно провозглашая приверженность демократическим и либеральным ценностям, выстраивала политический, экономический и культурный диалог с Россией.

Несмотря на западные санкции и российские контрсанкции, двусторонние отношения между Францией и Россией базировались на прочном экономическом сотрудничестве. С 2015 года Франция является одним из крупнейших иностранных инвесторов в России. Но отношения между двумя странами не ограничиваются только двусторонними или экономическими вопросами.

Улучшения в тенденциях отношений ЕС с Россией также были официально зафиксированы в Отчете ЕС 2018 г. о состоянии политических отношений ЕС и России, в котором отмечается, что ЕС: «Верит в важность

снижения нынешней напряженности и участия в консультации с Россией по снижению риска недопонимания, неправильного толкования и неправильного прочтения. Однако при этом признает, что ЕС должен быть твердым в отношении своих ожиданий в отношении России, подчеркивает важность сотрудничества между ЕС и Россией в международном правовом поле и надеется на участие России в международных и многосторонних организациях, членом которых является Россия, прежде всего в рамках ОБСЕ « [REPORT on the state...]

В заключение, хотелось бы отметить, что режим санкций, навязанный в 2014 г. после воссоединения Крыма с Россией, направлен прежде всего, на создание искусственного разрыва отношений между Россией и странами ЕС, в первую очередь. Эти санкции не отвечают ни политическим, ни экономическим интересам стран ЕС. Все чаще раздаются голоса трезвых политических и общественных сил, за налаживание тесного диалога с Россией по всем направлениям сотрудничества.

Библиография:

БАСТРЫКИН А.И. Пора поставить действенный заслон информационной войне / Бастрыкин, А. И. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2961578> (дата обращения — 26.02.20).

ИНОЗЕМЦЕВ В.А. Осторожно, двери закрываются, следующая санкция... / Иноземцев, В. А. //Бизнес-журнал. 2014. № 12 (225). С. 13.

STEINMEIER F.W. Krim-Referendum rechtlich und politisch inakzeptabel, 2014.03.17, URL: [http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/ __pr/mosk/ukraine-steinmeier-1703-2.html](http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/__pr/mosk/ukraine-steinmeier-1703-2.html), (дата обращения – 23.02.20).

BYDEN J. Remarks by the Vice President at the John F. Kennedy Forum on 2014.10.03 at Harvard Kennedy School / J. Byden. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/10/03/remarks-vice-president-john-f-kennedy-forum> (дата обращения – 15.02.20).

KUNDNANI H. Leaving the West Behind. Germany Looks East. January/February 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/leaving-west-behind> (дата обращения — 12.03.20)

HAUKKALA H. From Cooperative to Contested Europe? The Conflict in Ukraine as a Culmination of a Long-Term Crisis in EU–Russia Relations / H. Haukkala // Journal of Contemporary European Studies. Vol. 23. 2015. No. 1. P. 35.

Președintele Germaniei vrea o apropiere a UE de Rusia // Digi 24. URL: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/presedintele-germaniei-vrea-o-apropiere-a-ue-de-rusia-1260426>, (дата обращения – 15.03.20).

Regierungserklärung der Bundeskanzlerin Angela Merkel vom 13. März 2014. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2014/2014-03-13-bt-merkel.html>, (дата обращения – 02.03.20).

REPORT on the state of EU-Russia political relations.(2018/2158(INI)).Committee on Foreign Affairs. Rapporteur: Sandra Kalniete. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2019-0073_EN.pdf (дата обращения – 19.02.20)

SAKWA R. TheDeathofEurope: ContinentalFatesAfterUkraine / R. Sakwa //International Affairs. — 2015.№ 91(3). P. 554.

Remarks by the Vice President at the John F. Kennedy Forum on 2014.10.03 at Harvard Kennedy School / Byden. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/10/03/remarks-vice-president-john-f-kennedy-forum>

Leaving the West Behind. Germany Looks East / Kundnani. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/leaving-west-behind>

Regierungserklärung der Bundeskanzlerin Angela Merkel vom 13. März 2014. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Regierungserklaerung/2014/2014-03-13-bt-merkel.html>

Krim-Referendum rechtlich und politisch inakzeptabel, Steinmeier. URL: http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/___pr/mosk/ukraine-steinmeier-1703-2.html

Președintele Germaniei vrea o apropiere a UE de Rusia. URL: <https://www.digi24.ro/stiri/externe/presedintele-germaniei-vrea-o-apropiere-a-ue-de-rusia-1260426>

REPORT on the state of EU-Russia political relations. Committee on Foreign Affairs. Kalniete. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2019-0073_EN.pdf

Гайворонская О. Б.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ БОЛГАР КРЫМА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Gayvoronskaya O.

Traditional occupations
of the Bulgarians of Crimea XIX – early XX centuries
(based on the funds of the Crimean
Ethnographic Museum)

Этнографические коллекции являются источником для изучения культур разных народов. ГБУРК «Крымский этнографический музей», основанный в 1992 г., ведет активный сбор этнографического материала у народов Крыма. Научные сотрудники за годы существования музея собрали в 130 населенных пунктах Крыма и за его пределами более 14 тысяч предметов материальной культуры 30 народов полуострова [Лаптев 2005: 175], в том числе свыше 800 предметов материальной культуры крымских болгар.

В конце XVIII – начале XIX вв. на Крымском полуострове появляются первые болгарские переселенцы, которые спасают свою жизнь, веру и культуру от уничтожения турецкими захватчиками. Они получают по 50 десятин земли на каждого члена семьи, освобождаются от рекрутской повинности и на 10 лет от налогов. Первые болгарские колонии Крыма: Старокрымская, Бор-Чокрак (нынешний район Заводское Симферополя), с. Кишлав Феодосийского уезда (ныне с. Курское Белогорского района). В 1821 г. население этих колоний составляло 8575 человек [Клаус 1869: 318].

Одним из основных направлений занятий болгарских переселенцев в Крыму было земледелие. Статистик-экономист В.Е. Постников писал:

«В общем посевы пшеницы у болгар так же велики, как и у немцев: они занимают около 2/3 посевной площади. Около 25% посева принадлежит ячменю; рожь и овес сеют в очень малом размере» [Постников 1891: 182-183]. Для обработки земли до середины XIX в. болгары используют примитивный деревянный плуг, позже в их хозяйстве появляются металлические немецкие плуги. Переселенцы убирают хлеб серпами, два образца которых начала XX в. есть в музейной коллекции орудий труда болгар. Первый серп (КП-1273, ИБ-527), дар 1995 болгарки Д.Т. Бахчаевой, уроженки с. Ново-Царицыно, ныне с. Садовое Нижнегорского района; второй серп (КП-2506, ИБ-915), дар 1999 г. болгарки Л.А. Гребельниковой из с. Желябовка Нижнегорского района. Серпы имеют плоское лезвие дугообразной формы и деревянную ручку.

Болгарские переселенцы становятся зачинателями огородничества на Юге России, а также значительно обогащают овощную кухню Крыма. Историк, этнограф и статистик А.А. Скальковский сообщает, что благодаря болгарским переселенцам рынки Юга России в конце XIX в. были полны зеленью, арбузами, дынями, огурцами, капустой, свеклой, помидорами, баклажанами, тыквами и др. Только в Симферопольском уезде в середине XIX в. болгарками производилось 35 сортов овощей [Скальковский 1853: 310].

Одним из прибыльных занятий болгар было садоводство. Яблоки, груши, сливы, которые они выращивали в своих садах, шли на продажу и заготовку варенья. Болгары орошали огороды и сады при помощи водяных колес – «чигири», от которых шли желоба к воде и растениям [Носкова 2002: 64]. Для обработки земли в садах и огородах болгары использовали лопаты, цапки и грабли. В музее есть маленькие грабли начала XX в. (2245 НВ) кустарного производства, которыми пользовались болгарские переселенцы. Рабочая часть грабель в виде трапециевидной металлической пластины с тремя изогнутыми вниз зубьями. Грабли в 2003 г. подарил музею И.И. Абажер, председатель Региональной болгарской национально-культурной автономии Республики Крым «Паисия Хилендарского». В 1996 г. от болгарки В.И. Недовой поступила цапка – «мутига» начала XX в. (174 НВ) кустарного производства из болгарского с. Кабурчак,

ныне с. Мичуринское Белогорского района. Рабочая часть цапки в виде полукруглой металлической пластины. В 2019 г. болгарка Е. А. Гончарова передала цапку начала XX в. (КП-9283, ИБ-4940) кустарного производства из с. Орталан, ныне с. Земляничное, Белогорского района. Рабочая часть цапки в виде пластины трапециевидной формы.

Традиционным занятием болгар XIX – начала XX вв. было виноградарство и виноделие. В 1866 г. в болгарских колониях Кишлав, Старый Крым и Балта-Чокрак виноградники занимали 1020 десятин земли. С них ежегодно в среднем болгарские переселенцы получали 400 ведер вина [Гермаген 1887: 396]. Вино болгары изготавливали без пресса, давили его ногами в чанах и выливали в бочки для брожения. В коллекции музея находятся предметы, используемые болгарами в виноградарстве и виноделии. В 2003 году болгарка А. Д. Бокариус передала в дар музею буравец конца XIX – начала XX вв. (КП-3416, ИБ-1445) из Старокрымской колонии, который использовался для изготовления лунок под саженцы винограда. Буравец имеет металлический стержень с заостренным винтообразным концом с деревянной ручкой. В 1996 г. В. И. Недова передала ковш для розлива вина начала XX в. (КП-1397, ИБ-560) из с. Кишлав. Ковш изготовлен из прямоугольных дощечек, стянутых двумя железными обручами, ручка С-образная.

Главным занятием болгар было овцеводство, которое давало денежный доход и обеспечивало нужды семьи. Из шерсти болгарки изготавливали домотканые ковры – «писану», дорожки – «тряпече», покрывала – «халище», сукно для одежды, вязаные изделия. Статистик-экономист В. Е. Постников сообщает: «По некоторым показаниям болгар, семья среднего размера потребляет на себя шерсть, получаемую с 20 овец» [Постников 1891: 181].

В дальних местах выпаса овец на горных яйлах болгары строили кошары-загоны для овец и домики для чабанов. Они разводили грубошерстные и тонкорунные породы овец. Шерсть овец цигейской породы стоила дорого и высоко ценилась за качество фабрикантами Москвы. Историк и статистик А. А. Скальковский в 1853 году сообщает: «Овцы «цигайские» или «волошские настоящие» дают превосходную, немного грубую, но длинную и плотную шерсть; вместе с тем годны они для

употребления в пищу и для производства из молока их отличного сыра» [Скальковский 1853: 351]. В 1995 г. болгарка К. Д. Балабанова, уроженка с. Кишлав, передала музею пастуший посох – «къралига» начала XX в. (КП-1159, ИБ-471). Посох изготовлен из древесины кизила. В 1999 г. болгарка Л. А. Гребельникова подарила музею крюк для выдергивания сена из копны начала XX в. (КП-2507, ИБ-916) из с. Желябовка. Он состоит из металлического прута с острым загнутым краем и древка.

Одним из занятий у болгар Крыма было обработка шерсти и ткачество. Ученый-славист Н. С. Державин пишет, что болгарки занимаются пряжей и тканьем, а для крашения используют кустарник роксосен (местное название – матрач): лист которого дает черную краску, дерево – желтую, а также реган-траву, дающую черную краску [Державин 1908: 101]. В Крымском этнографическом музее хранится коллекция предметов по обработке овечьей шерсти и ткачеству: веретена, прялки, чесалки и др. В экспозиции представлены два веретена из п. Коктебель начала XX в: первое (КП-3044, ИБ-1152) – дар 2001 г. болгарки Д. Д. Раковой и второе (КП-592, ИБ-230) – дар 1994 г. И. А. Добровольской. Оба веретена имеют вверху узкий желоб для нити, внизу – пряслице-колесико. В 1993 г. Д. Д. Ракова передала мотовило – «вител» начала XX в. (КП-41, ИБ-24) из п. Коктебель. Мотовило в виде палки с рогатиной с одной стороны и горизонтальной прямоугольной планкой с другой. В экспозиционном комплексе «Болгары Крыма» представлена чесалка для шерсти – «дърак» начала XX в. (КП-2057, ИБ-819) из с. Желябовка, дар 1998 г. Л. А. Веренкиотовой. Чесалка имеет трапециевидную деревянную основу, на которой расположены два ряда железных игл. В 2005 г. в музей была подарена болгариним А. Е. Цековым самопрялка ручная – «рудань» начала XX в. (КП-3691, ИБ-1640) из с. Сарабуз Болгарский, ныне с. Укромное Симферопольского района. Элементы ткацкого станка конца XIX – начала XX вв. из п. Коктебель, бердо (2243 НВ) и навой (2244 НВ), передал в 2003 г. И. И. Абажер.

Коллекция орудий труда болгарских переселенцев конца XIX – начала XX вв. ГБУРК «Крымский этнографический музей» дает представление о традиционных занятиях болгар данного периода и служит материалом для создания выставок музея по культуре народов Крымского полуострова.

Библиография:

ГЕРМАГЕН, епископ. Таврическая Епархия Гермагена, епископа бывшего Таврического и Симферопольского. — Псков, 1887.

ДЕРЖАВИН Н.С. Болгарские колонии Новороссийского края. Херсонская и Таврическая губернии // ИТУАК. — Симферополь, 1908. № 41. С. 1-237.

КЛАУС А.А. Наши колонии: Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. — СПб., 1869.

ЛАПТЕВ Ю.Н. Крымский этнографический музей и современные образовательные процессы // Межэтнические отношения в Крыму: поиск путей раннего предупреждения конфликтных ситуаций. Сборник исследований, документов и материалов. — Симферополь, 2005. С. 175-180.

НОСКОВА И.А. Крымские болгары в XIX — начале XX в.: история и культура. — Симферополь, 2002.

ПОСТНИКОВ В.Е. Южнорусское крестьянское хозяйство. — М., 1891.

СКАЛЬКОВСКИЙ А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч.II. — Одесса, 1853.

Гинькут Н. В.

**СЕВАСТОПОЛЬ
В КОНЦЕ XVIII СТОЛЕТИЯ
ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКОГО ХУДОЖНИКА
УИЛЬЯМА ХАДФИЛДА:
ШТРИХИ К ВИЗИТУ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II***

Ginkut N.

Sevastopol at the End of the 18th Century
through the Eyes of the English Artist William Hadfield:
Touches on the Visit of Empress Catherine II.

Присоединение Крыма к России в конце XVIII столетия вызвало бурный интерес не только среди российской элиты, но и среди европейской общности. Практически сразу же началось активное обустройство полуострова и строительство портов. Особое внимание уделялось Севастополю как основной военной гавани на юге России. Все работы были взяты под личный контроль светлейшего князя Г.А. Потемкина. Впоследствии именно новому Севастополю и Черноморскому флоту отводилась роль кульминационного события в путешествии Екатерины II. Поездка в Крым была тщательно подготовлена и продумана до мелочей, в том числе и относительно сопровождающих Императрицу лиц. В качестве одного из художников в поездке участвовал англичанин Уильям Хадфилд, делавший во время всего пути зарисовки увиденного, которые он закончил уже в Санкт-Петербурге [Гинькут 2019: 87-88] Уильям Хадфилд оформил свои акварели в альбом «Путешествие в Крым Ее Величества императрицы всероссийской, 1787 г.».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

О том, что основной задачей художника в этом путешествии являлось фиксирование основных этапов и важных событий передвижения императрицы в «полуденный край», говорит нам и факт, что по возвращению в столицу Хадфилд предоставил свои рисунки мастеру-краснодеревщику М. Веретенникову для изготовления великолепного бюро (из Царскосельского музея-заповедника) с наборными композициями со сценами путешествия Екатерины II [Ботт 2009]. По мнению ряда исследователей, работы английского художника «...примечательны и уникальны тем, что представляют собой живописный дневник тех мест, которые посетила Екатерина во время своего путешествия на юг». [Кросс 2005: 336-337]. Позже в качестве иллюстраций путешествия императрицы по Днепру и прибытия ее Кременчуг акварели англичанина были напечатаны в работе А.Г. Брикнера «Путешествие императрицы Екатерины II в Крым» в 1885 г. [Брикнер 1885: 5-23].

К сожалению, на сегодняшний день сохранились только несколько работ, хранящихся в Государственном Эрмитаже¹. Все работы выполнены акварелью на бумаге и подписаны «Hadfield. 1787», названия написаны на французском языке (с ошибками), в углу каждого листа имеется вензель императора Павла I. Поскольку вензель Павла не содержит традиционную цифру «I», используемую Павлом после коронации, акварели, вероятно, поступили в его собрание до 1796 г. Три акварели У. Хадфилда, посвященные Балаклаве и Инкерману, были рассмотрены ранее. В них автор достаточно точно изобразил увиденную местность, памятники, жилые строения, замечая даже незначительные детали. [Гинькут 2019: 87-88; Гинькут 2019 а: 43-45] В данной работе рассмотрим акварель, относящуюся к виду Севастополя – «Новый порт Севастополя» (Государственный Эрмитаж, № ОР 3836), которая так или иначе, связана с пребыванием императрицы в Севастополе в мае 1787 г. во время ее знаменитого путешествия в Тавриду.

На своей акварели художник запечатлел часть построенного нового Севастополя и Севастопольскую гавань в месте соединения Южной

¹ Выражаю свою искреннюю благодарность за возможность использования работ У. Хадфилда заместителю генерального директора Государственного Эрмитажа, главному хранителю С.Б. Адаксиной, сотрудникам отдела западноевропейского изобразительного искусства.

и Корабельной бухт, простирающуюся вглубь побережья, к Инкерману. Художник изображал увиденную панораму с западной оконечности Южной бухты (Николаевского мыса), откуда и сегодня открывается вид на часть городской территории и бухты.

В Севастопольской бухте, по направлению к Инкерману, У. Хадфилд запечатлел, с большей долей вероятности, часть Высочайшего смотра Черноморского флота (т.е. Севастопольской эскадры) 22 мая 1787 г., представленного основными типами судов, входивших на тот момент в состав созданного Черноморского флота ю Это – парусный линейный корабль, фрегат?, шхуна; по бухте от кораблей к пристани курсирует шлюпка с матросами. Напротив, в районе Павловского мыса, названного в честь стоянки одного из линейных кораблей – «Св. Павел» (1785 г.), командиром которого был Ф.Ф. Ушаков, и участвовавшего в выше упоминаемом «параде кораблей» на Севастопольском рейде, запечатлена пристань, а сверху на мысу – несколько строений – казармы, склад и дом для офицеров корабля. [Ляхович и др.1982:62]

Передний план акварели занимает непосредственно вид строящегося нового города-порта Севастополь. Прямо перед нами Екатерининская площадь (ныне пл. П.С. Нахимова) с построенной каменной лестницей, ведущей к дому адмирала Макензи. Чуть дальше, ближе к городскому холму – здания высшего командного состава, за которыми – на центральном городском холме, террасами и линиями располагались дома для семейных матросов, мастеровых и других жителей города. На берегу Южной бухты берега стоит первая каменная церковь города, Св. Николая, ниже нее – здания адмиралтейства, строительство которых велось под руководством контр-адмирала Ф.Ф. Макензи и лейтенанта Д.Н. Сенявина [Веникеев 1983: 8-9; Ванеев 1983: 8-11].

Таким образом, перед нами фактически «фотография» того времени, запечатлевшая город на момент визита Императрицы Екатерины II.

Еще Указом от 10 февраля 1784 г. Екатерина II обязала князя Г.А. Потемкина «...устроить следующие укрепления: ...9. Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар, и где должно быть адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное поселение...» [РГАДА.

Ф.16.Д.798.Л.117-118 об.; Полное собрание Законов Российской империи 1830: № 15929]. Тем самым Потемкину была поставлена задача создания порта высшего уровня, выполнение которой он демонстрировал Императрице в ходе ее поездки в Крым, и высокую оценку которой он получил не только от Ее Величества, но и от высокопоставленных гостей. [Аркас 1858: 267; Брикнер, 1885; Ивицкая 2000: 118-122]

Представить, насколько же реалистичен рисунок У. Хадфилда, мы сможем, обратившись к описаниям расположения бухты, города и картам и планам того времени.

Вид самой бухты, окружающий рельеф, положение нового строящегося порта и города подробно описано у современника Екатерины II, академика П.С. Паласа: «...[город Севастополь] располагается амфитеатром по южную сторону от рейда, на возвышенном мысе между ...Южной бухтой и...Артиллерийской...». Противоположный берег в тот период представлял из себя также возвышенность, был обрывист и практически не застроен. Городской амфитеатр состоял из параллельно поднимающиеся от бухты улицы и уже был разделен поперечными кварталами.» [Паллас 1881: 87] Присутствие достаточного количества построек на берегу Севастопольской бухты, более 400 домов, «...все придавало Севастополю вид довольно значительного города...». [Сегюр 1997: 26] Для быстрого строительства порта Севастополя согласно плану, составленному под руководством Г.А. Потемкина, Макензи, распорядился организовать производство кирпича, выжиг извести, а также свозить весь камень с близлежащих окрестностей (в том числе и с древнего Херсонеса). «...Известь, черепица и пр., работа и мастерство все сделано и добыто руками матросов...», затраты составили не более 20000 рублей. [Арцимович 1855: 131, 147; Коваленский 1920: 24; Ивицкая 2000: 119-122]. По описанию Д.Н. Сенявина, на момент весны 1784 г. почти все здания в городе были из камня, покрыты черепичными крышами, оштукатурены, выбелены, хорошо подкрашены. [Гаврилов 2000: 215]. Весь этот «очень хороший вид» городской застройки запечатлен на работе У. Хадфилда.

На переднем плане рисунка мы видим лестницу «из тесанного камня», находящуюся «в 300 сажнях от оконечности мыса», ведущую от пристани,

построенную Макензи еще в 1785 г. к несостоявшемуся визиту Екатерины и доделанную в марте 1787 г. М. Войновичем. [Ванеев 1983: 11; Головачев 1872: 105]. «...Роскошная терраса вела от нея к дому императрицы, куда мы прибыли вместе с нею [Екатериной II]. Вы не можете себе представить, до чего все были изумлены ее красотой и всем, что тут было сделано», выражает свои эмоции Принц Нассаусский [Нассау-Зиген 1893: 296].

Из такого же камня, как и лестница, был выложен дом и адмирала Макензи, находящийся напротив пристани. [Кравен 1795: 300; Головачев 1872: 105]. Идентичное друг другу качество кладки камня дома Макензи и пристани мы наблюдаем и на работе У. Хадфилда. Дом адмирала Макензи в 1787 г. был одним из лучших и красивейших зданий города: «В Севастополе был построен великолепный дворец, из окон которого была видна вся гавань». [Энгельгардт 1997: 32]. «...Архитектура и вся мебель его английские. Он принадлежал Адмиралу Макензи...Снаружи он представляет весьма прекрасный вид...» [Кравен 1795: 300] Согласно описанию П.С. Палласа, дворец для приема Екатерины II (дом адмирала Макензи) был расположен практически на самом мысу, далее «...следует адмиралтейство, арсенал и дома офицеров, а выше – жилища горожан, рынок и недавно построенная греческая церковь, кроме другой, имеющейся для флота ...». [Паллас 1881: 87-88] П.С. Паллас приводит в своем сочинении план дома Макензи, существовавшего на момент приезда Екатерины. Это значительных размеров усадьба, которая включала в себя целый ряд построек, в том числе и основное строение, обращенное своим парадным входом в сторону бухты, здание имело по фасаду шесть окон, парадную лестницу, огражденную перилами. [Паллас 1881: 88, табл. II] Эскиз фасада практически полностью совпадает с видом здания на работе У. Хадфилда. Единственным отличием является присутствующее ограждение на крыше в виде балюстрады. К приезду императрицы, по приказу Г.А. Потемкина, дом был приготовлен для встречи Екатерины. Он был дополнительно отделан: «были обложены чистою столярною работою из самого лучшего орехового дерева, а выше окон покрыты малиновым и других цветов штофом с богатыми шелковыми занавесами на окнах; полы устланы были темно-зеленым тонким сукном; комнаты все мебели-

рованы лучшею мебелью, зеркалами и люстрами». Впоследствии Александр I во время своего визита в Севастополь приказал его сохранять в прежнем виде. [Аркас 1858: 265., Протопопов 1907: 138; Коваленский 1920: 29; Монтандон 2011: 154, 354 (комм.)]. К визиту императрицы тщательно готовились, и не только украшая дом Маккензи, но и придавали значение и мелочам. На акварели У. Хадфилда, зафиксирована и дорожка, ведущая от пристани к дворцу, она была дополнительно украшена деревьями в керамических кадках. Рядом с дворцом был установлен шатер, «ставка», в которой был накрыт стол на 32 персоны, Екатерина, князь Григорий Потемкин и «прочия особы, с приглашением Графа Войновича и флота Штаб-Офицеров имели вечернее кушание». [Камер-фурьерский церемониальный журнал 1886: 476].

Заслуживают внимания и еще два важных стратегических объекта, построенных при Макензи в Севастопольском порту – адмиралтейство и церковь Св. Николая. «...От пристани в расстоянии от нее сажен ста внутрь Южной бухты, по берегу – начиналось место, отделенное под адмиралтейство... В этом адмиралтействе имелись уже магазины для запасных вещей и судовых материалов, шлюпочный сарай, мастерские и дом для конторы над портом. Недалеко от пристани, в адмиралтейскую ограду вдавалась небольшая церковь..., построенная в 1784 году, по распоряжению Мекензи, во имя Николая Чудотворца...» [Головачев 1872: 105; Сосногорова и др 2010: 191] Хадфилд также изобразил их достаточно тщательно, как бы подтверждая отчет князя Г.А. Потемкина перед императрицей и ее гостями. Сравнивая визуализацию здания адмиралтейства у Хадфилда с планом Севастопольского порта конца XVIII века, подписанным вице-адмиралом Н.П. Мордвиновым, и с видом зданий 1800 г., расположенных вдоль Южной бухты (хранится в Национальной библиотеке Украины), мы видим практически полное совпадение расположения и внешнего вида адмиралтейства, построенного Макензи в конце XVIII века.

Еще одной ключевой точкой пребывания государыни в Севастополе, стало посещение утром 23 мая церкви Св. Николая Чудотворца, где Екатерина «вместе с императором Иосифом слушали литургию...». Впоследствии императрица пожаловала храму «...знатную сумму денег...»

[Камер-фурьерский церемониальный журнал 1886: 476, 481; Аркас.1858: 267]. Относительно изображения храма Св. Николая, находящегося выше зданий адмиралтейства, можно отметить, что его внешний вид на рисунке У. Хадфилда практически совпадает с изображениями церкви на работах Х. Гейслера (1799 г.), А. де Палдо (ок. 1800 г.), К. Кюгельхена (1804-06 г.) [Гейслер Р1.4; Сумароков 1803; Мальгина 2011: с. 45,77]. Это была однокупольная каменная церковь, она выделялась на фоне одноэтажных построек у подножия городского холма. Впоследствии, по ветхости церковь была разобрана и перестроена в 40-е гг. XIX столетия.

Между домом Макензи церковью Св. Николая начиналась Балаклавская дорога (Екатерининская ул.). К 1784 г., как описывал Д.Н. Сенявин, сделаны были «хорошие два тротуара, ... и обсажены в четыре ряда фруктовыми деревьями...». [Гаврилов 2000: 215; Головачев 1872: 106]. Однако, практически по части дороги тянулась длинная казарма, которая к приезду Екатерины «...для благообразия была чистенько выбелена и заслонена со своего фасада, от пристани, рядом цветowych кустов и отчасти стволами тополей, составлявших аллею по главной или Адмиралтейской улице...» [Головачев 1872: 106]. Эту казарму и аллею фруктовых деревьев между домом Макензи и церковью отобразил на своей акварели У. Хадфилд.

Говоря же о подписи работы У. Хадфилда «Новый порт Севастополя», нужно заметить, что задача строительства порта в удобной Ахтиарской гавани ставилась императрицей перед Потемкиным как основная. «...Все это вместе [выше описанные постройки] и составляло то, что могло называться в это время «севастопольским портом»...» [Головачев 1872: 107] Не случайно парад кораблей в гавани – стал кульминацией всего путешествия в Крым. «Екатерина обзревала корабли свои и дивилась глубине и ширине залива ...будто с намерением устроить здесь прекраснейшую гавань в мире...». [Сегюр 1997: 26] Также следует отметить, что именно назначение этого места как лучшего порта Европы, гавани для защиты кораблей отмечалось путешественниками того времени, например у Ш.Ж. Ромма (1786 г.) [Петрова, Прохорова 2011: 113], Р. Хебера [Храпунов 2015: 263] и др. Э. Крейвен, посетившая Крым в 1786 г. и державшая в уме свои воспоминания о поездке, искренне удивляется «... странным берегам, пред-

ставляющим гавань совсем не похожую на те, какие прежде сего я видела ... Все европейские флоты могут быть в безопасности от бурь и неприятеля в гаванях и таких натуральных пристанях...» [Кравен 1795: 301-302; Храпунов, Гинькут 2018: 125]. «...Перед нами предстал Севастополь с его знаменитым портом... Севастопольская бухта с различными портами – одна из лучших гаваней в Европе, или действительно в мире...», – спустя четверть века отметил все те же качества Р. Лайелл [Lyuall, 1825: 277, 290]. Поездка императрицы Екатерины II удалась. Новый порт и новый флот произвели неизгладимое впечатление на государыню и ее спутников. [Аркас 1858: 267; Широков 1998: 289-290] «...Севастополь – красивейший порт, какой я когда-либо видел», – констатировал Иосиф II. [Коваленский 1920:101-102] Екатерина щедро наградила тех, кто подготовил такой визит: Г.А. Потемкин и некоторые офицеры получили и дорогие подарки, например, графу М. Войновичу была пожалована табакерка с бриллиантами стоимостью 2000 руб., о чем была сделана запись. [РГАДА. Ф.10. Оп.3. Д. 263. Л. 15]. Вероятно, поэтому и подпись под работой была сделана с акцентом на основную задачу – строительство порта в Севастополе.

Таким образом, У. Хадфилд, ставил перед собой задачу как можно точнее изобразить место пребывания императрицы на берегу Севастопольской бухты, как бы иллюстрируя записи путевых заметок. В то же время видно, что автор акварели старался показать достижения, сделанные под руководством Г.А. Потемкина в столь короткий срок по созданию базы Черноморского флота на берегу большой Севастопольской бухты, а главное – строительство нового порта с инфраструктурой. Сама же акварель У. Хадфилда «Новый порт Севастополя» сегодня для нас является уникальным памятником ранних страниц истории Севастополя, которая дополняет известные планы и эскизы строительства города в конце XVIII в., его основного публичного места, пл. Екатерининской (ныне пл. П.С. Нахимова). В то же время, работа этого английского художника стала своего рода «фотографическим материалом», визуализацией того места, где в 1787 г. побывала Екатерина II, и что она увидела во время своего знаменитого путешествия в Крым.

Библиография:

Российский государственный архив древних актов. Ф.16.Д.798.Л.117-118 об. // Источник обращения: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/ukaz-imperatricy-ekateriny-ii-ob-ustroystve-krepostey-v-ekaterinoslavskom-namestnichestve>).

Российский государственный архив древних актов. Ф.10. Оп.3. Д. 263. Л. 15 // Источник обращения: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/zapis-o-pozhalovanii-dragocennyh-tabakerok-kontr-admiralu-grafu-mi-voynovichu-i-kapitanu>).

[АРЦИМОВИЧ А.] Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин //Морской сборник. — 1855. — Т. 15. С. 113-170.

АРКАС З. Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его, с 1778 по 1798 г. // ЗООИД, 1858 т. IV, С. 261-309.

БОТТ И.К. Царскосельская мебель и ее коронованные владельцы. Альбом. Автор — составитель И.К Ботт. СПб.: Аврора, 2009.-256 с., илл.

БРИКНЕР А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // Исторический вестник, 1885, т. 21, с. 5-23; т. 22, с. 242-264.

ВАНЕЕВ Г.И. Севастополь. Страницы истории. 1783-1983: Справочник. Симферополь. Изд-во «Таврия». 1983.

ВЕНИКЕЕВ Е.В. Архитектура Севастополя: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1983.

ГАВРИЛОВ Б.И. Черноморский флот и Севастополь в первой четверти XIX в. // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах, М.: Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва-Крым», 2000, с. 108-128.

[ГЕЙСЛЕР Х.Г.] [Атлас к изданию: Паллас, П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 и 1794 годах]. Pallas, P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: Bey Gottfried Martini, 1799.

ГИНЬКУТ Н.В. Окрестности Севастополя (Инкерман и Балаклава) в конце XVIII в. глазами английского художника Уильяма Хадфилда // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XI Международный Византийский Семинар. Материалы научной конференции. Ответственный редактор Н. А. Алексеенко. 2019. С. 87-94.

ГИНЬКУТ Н.В. Генуэзская крепость Чембало в изображениях и рисунках путешественников конца XVIII — первой половины XIX в. и современный археологический контекст // Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тез.докл. XXII-й всероссийской научной сессии византинистов РФ, Екатеринбург, 24-28 сентября 2019 г. / [под ред. М.В. Грацианского, Т.В. Куш]. — Екатеринбург, 2019, С. 43-45

ГОЛОВАЧЕВ В.Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб.1872.

ИВИЦКАЯ О.Е. Потемкин и Черноморский флот: К 260-летию со дня рождения генерал-фельдмаршала, светлейшего Князя Г.А. Потемкина // Пилигримы Крыма — Осень '99: Материалы IV Международной научно-практической конференции: в 2 т. Симферополь: Крымский Архив. 2000. Т. 1. С. 117-127.

Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1787 г. СПб., 1886.

КОВАЛЕНКИЙ М.Н. Путешествие Екатерины II в Крым. М. 1920.

[КРАВЕН Э.] Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. Милади Кравен. / Пер. Д. Рунич. М. 1795

КРОСС Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспятых, Ю.Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

ЛЯХОВИЧ А.А., ШОРИН Л.А., ВЕНЕЙКЕЕВ Е.В., ШАВШИН В.Г. У карты Севастополя. Справочник. Симферополь. Изд-во «Таврия». 1982.

МАЛЬГИНА М.Р. Живописная Таврида. Каталог литографий XIX века. Из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь: СОНАТ, 2011.

МОНТАНДОН Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах проезда из Одессы в Крым. К.: Издательский дом «Стилос», 2011.

НАССАУ-ЗИГЕН К.-Г. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. [Отрывки из дневника и переписки] / Перевод и публ. В.В.Т. // Русская старина, 1893. — Т. 80. — № 11. — С. 283-299.

[ПАЛЛАС П.С.] Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. академика П.С. Палласа // ЗООИД. Одесса 1881. Т. XII.

ПЕТРОВА Э.Б., ПРОХОРОВА Т.А., Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь, Бзнес-Информ, 2011.

Полное собрание Законов Российской империи. СПб., 1830.Т. 22

ПРОТОПОПОВ, Соваж. Исторический путеводитель по Севастополю / под ред. Зайончковского. — СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1907. — V, 298, 7 карт.

СЕГЮР Л.Ф. «Путь на пользу». О путешествии Екатерины II в Крым в 1787 году / Крымский альбом. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Вып. 2. Феодосия-М. 1997. С.12-36.

СОСНОГорова М.А., КАРАУЛОВ Г.Э., ВЕРНЕР К.А., ГОЛОВСКИНСКИЙ Н.А. Путеводитель по Крыму. Киев, 2010.

СУМАРОКОВ П.И. «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду». Ч. 1. Санкт-Петербург, 1803.

ХРАПУНОВ Н.И. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение № 3. 2015 С. 252-273.

ХРАПУНОВ Н.И., ГИНЬКУТ Н.В. Визит знатной дамы: Элизабет Крейвен и ее описание Крыма // Известия УрФУ. Серия. 2 Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 122-134.

ШИРОКОВ В.А. Путешествие Екатерины Великой в Крым // Культура народов Причерноморья. — 1998. — № 3. — С. 283-293.

ЭНГЕЛЬГАРДТ Лев Николаевич. Записки. М. 1997.

LYALL Robert. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. — London: T. Cadell, 1825. Vol.I

Choi D.

**ANGLO-RUSSIAN RIVALRY
BETWEEN THE KOREA STRAIT
AND THE TURKISH STRAIT:
FOCUSING ON PORT HAMILTON
INCIDENT AND THE BULGARIA CRISIS
(1885)**

Чой Д.

Англо-российское соперничество
между Корейским проливом и турецкими проливами:
акцентируя внимание на инциденте
в порту Гамильтон и кризисе в Болгарии

The origin of interconnecting history between the Korean Peninsula and the Balkans was the Russo-Turkish War (1877-78). This stemmed from geopolitical features of Russian empire that bordered both the Korean Peninsula and the Balkans. As a result, the Balkans and the Korean Peninsula became to the changes in Russian foreign policy.

The exposure of the British's occupation of Port Hamilton, located in southern tip of Korea, to the Russian government was the result of full-screen censorship of the telegraph sent by the Japanese ambassador to London. On April 8, 1885, Russian Foreign Minister Girs (Н.К. Гирс) notified to the minister of navy admiral Shestakov (И.А. Шестаков) the results of the censorship of the Japanese Ambassador's telegram to Tokyo via the Russian telegraph network. The point of information was that the British Navy had set up a coaling station on Port Hamilton which took less than two days in Vladivostok (Кондратенко Р.В., 2006, 186-187). The world of the 1880s was already globalized through telegraph networks and local information from all over the world was being transmitted in real time.

The solution to the Port Hamilton issue proposed by the Russian Admiral Shestakov to Foreign Minister Girs on April 15, 1885, reflected the global nature of the case. The Russian navy recognized that the British occupied the Port Hamilton «in setting up something like Malta on the Russian coast,» and made it clear that it was a malicious attempt to oppose any occupation. The navy offered a strategy to link Afghanistan and the Korean peninsula, and that «to the east of the Caspian Sea should be combined with the promise that Britain would not occupy the ports of Korea and Japan.» (РГАВМФ. Ф.410. Оп.2. Д.4158 Л.10-10об.) In short, the idea was to solve the Afghanistan problem in Central Asia, where Russia and Britain were confronted, in connection with the Port Hamilton incident. This meant that the Korean crisis became a part of the «great game» of the Anglo-Russian Rivalry.

Why did Britain have to occupy Port Hamilton at the time of April 1885, violating international law in East Asian waters? This is deeply related to the Russian fleet's rally on the Korean Peninsula caused by the coup d'état of Korean court since early 1885. Because Port Hamilton was located in the gateway from Vladivostok to the ocean, the control of Port Hamilton was virtually guaranteed by Russia's only exit to the Pacific Ocean. As a result, the British occupation of the Port Hamilton was a plan to block the Korea Strait from the ocean and make East Sea a sort of lake. In this case, the same meaning as the Bosphorus Strait in the Black Sea would be given to the Korea Strait.

Therefore, it was noteworthy that similarity between Bulgarian crisis of the Balkan Peninsula and Port Hamilton incident of the Korean Peninsula in 1885 was linked to the Anglo-Russian Rivalry. This is because the globalization of the crisis is witnessed. The Bulgaria crisis in 1885, which was concerned about the European powers, originated not from the problems of Bulgaria itself, but from the conflict of Powers surrounding them.

Its origin can be found in the arbitrary division of Bulgaria under the understanding of the Great Powers in the Berlin Conference (1878). The purpose of the Berlin conference was not to give Russia an outlet to the Mediterranean Sea. Russia had to be trapped in the Black Sea even after winning the Russo-Turkish War. The result was a crisis in the Balkan Peninsula, triggered by the Bulgarian unification movement in Eastern Rumelia, separated from Bulgaria

by the Great Powers in September 1885. The unification movement was regarded as an attempt to change the status quo of the Balkans because it amplified the crisis by causing interference from the Great Powers.

Under these circumstances, Bulgaria's crisis escalated with the arrival of Russian military adviser Kaulbars(Н. В. Каульбарс) on September 1886, soon after coup in Bulgaria led to the ouster of anti-Russian Grand Duke Alexander. While Russian government maintained a wait-and-see policy in Korea's plan to invite Russian military officers in 1885, it pursued an active intervention policy on the Bulgarian issue that could exert its influence on the Bosphorus Strait. This is probably because Russia judged that it is difficult to push for the resolution of the strait issue in both the Korean Peninsula and the Balkans at the same time. Nevertheless, the dispatch of a Russian military adviser to Bulgaria would strengthen Russia's position in the Balkans, but in effect could have been a dangerous step that could strengthen the Anti-Russian cooperation between Britain and Austria. Eventually, the Russian Foreign Ministry came to the conclusion that Germany's Bismarck was inciting a war of Russia with Austria-Britain allies for control of the European hegemony.

In response, Girs's position on the Bulgarian crisis was firm. This meant an end to the Three Emperors' League with Germany and Austria, which had been the basis of Russia's foreign policy so far. By deciding not to renew the League, the Tsar government signaled a turnaround from its traditional pro-German policy to pro-France policy. At the same time, Girs attempted to recall of Russian military advisers and to end distrust by European powers about Russia's plan for the Bulgaria. An example is the dispatch of a circular (1886.11.23), in which declared that Kaulbars would not do anything that conflicts with international treaties and that Russia will no longer interfere with Bulgaria.

After all, the Russian appeasement policy played a crucial role in resolving the Bulgarian crisis of 1885, like the Port Hamilton issue. The process of resolving the Bulgarian crisis was linked to the Port Hamilton crisis. First, Russia gave up its policy to strengthen its influence on the Korean Peninsula, such as the plan for protectorate Korea by Russia which, as in Bulgaria, could exacerbate conflict with Imperial Powers. It promised to maintain the status quo and preserve the territory of Korea. Therefore, if international agreements proposed

by United Kingdom as a precondition for the withdrawal of Port Hamilton was impossible, the Russian commitment to maintaining the Korean Peninsula became the key to solving the problem.

The verbal agreement between Li Hung-Chang, diplomat of the Qing dynasty and Russian minister in Peking Radizenski (Н.Ф. Ладыженский), which was made in Tianjin on November 8, 1886, was a product of the U.K.'s demand that Russia promise not to take over Korea's ports under the conditions of withdrawal from the Port Hamilton. The agreement was a promise made by both the two countries to Korea's independence and territorial integrity. From the end of November 1886, preparations for the withdrawal of the British navy's from Port Hamilton took rapid progress. This was because Russia, which promised to preserve its territory on the Korean Peninsula through a Li-Radizenski verbal agreement, officially declared an end to its intervention in Bulgaria by a circular letter (1886.11.23).

Therefore, the preparation of Britain's splendid retreat from the Port Hamilton was interlinked with the solution of the Balkan problem, especially Bulgarian crisis. The Korean government's confidence in Russia had increased when the Korea's independence and territorial integrity were reconfirmed by Russia, Britain and the Qing Dynasty. On April 3, 1888, one year after Britain's retreat from the Port Hamilton, Admiral Schmidt (В.П. ШМИДТ), commander of Russia's Pacific Fleet, and three captains who accompanied him, visited to Seoul and were welcomed by the Korean King.

The conclusion of the «Korea-Russia Land Trade Arrangement» on August 20, 1888, for the friendly relations and goodwill of the two countries and the convenience of border trade, was a natural step toward consolidating the trust between the two countries. While regarding the crisis in Bulgaria, Russia's disappointment with its ally Germany developed into the Three Emperor League's deterioration and reshape of European Balance of Power. This led Russia to seek a compromise with Britain and ultimately to approach France, setting the stage for a Franco-Russian alliance (1892).

Bibliography:

CHOI DEOKKYOO, «Minister of Russian navy admiral I. A. Shestakov and Port Hamilton incident (1885-1887)», *World History and Culture*, Vol.37, 2015.

The National Archives, F.O. 405/36/23, Foreign Office, 1886.

Российский Государственный Архив Военно-морского Флота (РГАВМФ). Ф.410. Канцелярия Морского Министерства.

Дробышев Ю.И.

ЛЕГЕНДА О ЧИНГИС-ХАНЕ В СОЧИНЕНИИ ЭВЛИИ ЧЕЛЕБИ*

Drobyshev Yu.

Legend of Chingis Khan in Composition of Evlia Chelebi

Во время своего пребывания в Крыму в 1666-1667 гг. знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби (1611-1682?) ознакомился с историей и культурой полуострова и включил его описание в свою «Книгу путешествий». Довольно много внимания он уделил легендам и преданиям о Чингис-хане (1162?–1227) и его потомках, к числу которых принадлежала и правившая в Крымском ханстве династия Гиреев. Среди рассказов о жизни Чингисидов и сообщений о местах их захоронений, в том числе находящихся в Крыму, автор привел легенду о беседе великого монгольского завоевателя со сподвижником пророка Мухаммада – Муазом бен Джебелем¹, которого Мухаммад якобы послал к Чингис-хану с целью обратить последнего в ислам.

Одобрив, в целом, требования ислама, Чингис-хан оспорил необходимость выполнения следующих предписаний: хаджа, намазов сверх пяти обязательных и обрезания. Паломничество в Мекку было отринуто на том основании, что «мы слышали от своих отцов и дедов, что Всевышний Бог не может быть в доме, в туче или в шести лицах. Он – безупречный, бессмертный и вечный, и у Него нет местонахождения. А теперь вы назначили

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17–29–05019).

¹ Му'аз ибн Джабала (605–639) – активный приверженец ислама, сражавшийся во многих битвах: при Бадре 17(?) марта 624 г., при Ухуде 23 марта 625 г., при Йармуке 20 августа 636 г. и других. Летом 631 г. он был послан в Йемен в качестве наместника. Умер от чумы в Палестине в конце 639 г. Его рассказы передавались авторитетными младшими *асхабами* (Ибн Аббасом, Ибн Амром), а также позднейшими учеными; см., например: [Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам 1985: 148-149, 325, 338; Самые достоверные хадисы 2018: 10 и сл.]. В районе Гурлена в Хорезме есть *мазар*, якобы принадлежащий Му'азу ибн Джабале; туда привозили душевнобольных для исцеления [Снесарев 1983: 121].

Богу место!»² [Эвлия Челеби 2008: 128]. Свое несогласие совершать другие намазы, кроме обычных, Чингис-хан мотивировал тем, что они ослабляют людей и отвлекают их от дел и заботы о жене, семье и себе самом.

Настоящим камнем преткновения в диалоге арабского посланца и великого хана стало требование обрезания, которое вызвало наиболее резкое возражение последнего: «Но обрезание – это плохое правило. В нашем государстве, если человек прольёт хоть каплю крови другого человека, мы того человека убиваем. Потому что в нашей стране холодные зимы и есть болезнь ташаныш. От ранки на руке или голове человек умирает. *А особенно если у человека повреждена вена* (курсив наш – Ю.Д.), то он обязательно заболит болезнью ташаныш. А если этому человеку семьдесят, восемьдесят или сто лет? Мы же накажем их, если скажем: обрезайте крайнюю плоть. Даже сумасшедший не согласится на это. Обрезавшийся человек обязательно умрёт. К тому же, если мы обрежем наших невинных [детей], мы наш народ искореним. Если весной я ещё и согласился бы на обрезание, то в зимнее время в нашей стране это неприемлемо» [Эвлия Челеби 2008: 128].

Подобная информация из других источников нам неизвестна. Разумеется, вызывает интерес идентификация названной Чингис-ханом болезни. В турецком тексте сочинения Эвлии Челеби стоит слово *teşennüş* [Evlîyâ Çelebi 1970: 221]. В староосманском *teşennüş* تشنج – это арабизм «ташаннудж» со значением «сокращение, судорога, спазм»³; таково же его значение

² Действительно, как известно из «Сокровенного сказания монголов», «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и других источников, монголы средневековья для поклонения своему верховному божеству – Вечному Синему Небу (Тэнгри) – поднимались на возвышенности (как правило, на вершины своих родовых гор), а не отправлялись в какое-то место, единое для всех.

³ Согласно классификации болезней Абу Абдаллаха ал-Хорезми (ок. 783 – ок. 850), «Ташаннудж (تَجَانُّش) – это сжатие одного из органов» [Баходиров 2012: 20]. Великий персидский врач Абу Али ибн Сина (980–1037) привел описание спазматических явлений, чрезвычайно похожих на признаки столбняка: «У всякого, кто умирает от спазмов, тело после смерти остается [некоторое время] горячим, так как [спазмы], убивая, душат; они убивают, вызывая удушье, ибо спазмы поражают дыхательные мышцы и движения их прекращаются. *Всякий спазм, появляющийся после ранения, убийствен* (курсив наш – Ю.Д.); чаще всего он служит признаком [приближающейся] смерти» [Абу Али ибн Сина 1979: 189]. Не случайно в современном арабском языке столбняк называется «смертельной болезнью» (*marad qattal*) [Арсланян, Шубов 1993: 617].

и в современном турецком языке [Турецко-русский словарь 1977: 855]. Однако судороги являются симптомом заболевания, но не самим заболеванием. Сопоставив известные из речи Чингис-хана обстоятельства – ранение как причину и судороги (а затем и неминуемую смерть) как следствие, можно предположить, что речь здесь идет о столбняке, одним из самых характерных проявлений которого являются судороги. Они возникают вследствие спазмов мышц лица, живота, шеи и спины, приводящих в итоге к летальному исходу вследствие удушья. Бактерии, вызывающие столбняк, особенно обильны в почвах тех местностей, где много скота, что как раз и характеризует кочевой монгольский быт. В организм они попадают в результате глубоких ранений (именно об этом и говорит Чингис-хан, см. выше). Лечить столбняк в средневековье не умели. Не укладывается в клиническую картину только ссылка Чингис-хана на «холодные зимы», так как столбняк обычно проявляется в теплый период года.

Могут вызвать недоумение приписываемые Чингис-хану слова о запрете на пролитие крови в его стране. Возможно, за этим баснословным утверждением скрывается определенная реальность: общеизвестно, что у монголов периода империи, т.е. в XIII-XIV вв., было категорически запрещено проливать кровь знатных лиц во время казни, ввиду чего их чаще всего закатывали в войлок и затаптывали копытами лошадей. «Человекоубийство они считают великим злом, весьма его остерегаются и не убивают без особой нужды. Один хан, убивая другого, дабы самому стать правителем, весьма печется о том, чтобы не пролить его кровь. Ибо они считают, что нет большего несчастия, чем кровь Великого Хана, пролитая на землю, и поэтому любым образом пытаются не допустить подобного» [Рикольдо де Монте Кроче 2006: 152]. Но на простых монголов это правило не распространялось.

Между тем, Чингис-хан выдвинул и безупречное, богословски аргументированное возражение против обрезания. Парируя доводы Муаза бен Джебея, что крайняя плоть бесполезна и препятствует соблюдению ритуальной чистоты, он якобы сказал: «Творец мира, создавая восемнадцать тысяч миров и род Адама, ничего бесполезного не создал. Он сотворил всё со Своей извечной мудростью. И человека Он создал могучей

рукой со всем, что в нём есть. Неужели Он не знал, что создаёт бесполезную плоть?» [Эвлия Челеби 2008: 128].

В итоге Муаз бен Джебель не выполнил свою миссию. Когда он вернулся в «светлую Медину», Мухаммада уже не было в живых, а мусульман возглавлял Абу Бакр (632-634). Узнав об обстоятельствах дела, он изрек: «Не быть обрезанным и не ходить в *хаджж* – не препятствия для того, чтобы быть правоверным единобожником» [Эвлия Челеби 2008: 132], и вновь послал Муаза бен Джебеля к Чингис-хану научить его «словам единобожия», но тот умер раньше. Тем не менее, согласно легенде, Чингис-хан все-таки стал мусульманином незадолго до своей смерти.

Рассказ Эвлии Челеби не уникален для поздней тюркоязычной историографии. Так, пассаж, аналогичный вышерассмотренному, имеется в историческом сочинении хивинского хана Абу-л Гази (1645-1663). Покорив державу хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада (1200-1220), Чингис-хан возвращался в родные степи и по пути остановился в Бухаре. Там он спрашивал ученых мулл об исламе. С основными догматами и требованиями этой религии он якобы согласился, найдя лишь паломничество в Мекку необязательным: «Весь мир есть обиталище Бога: зачем ходить для этого в одно только место!» [Родословное древо тюрков 1905: 115-116]. Однако о несогласии Чингис-хана с намазом и обрезанием в рассказе Абу-л Гази ничего не говорится.

Вице-губернатор Томской губернии, действительный статский советник Н.П. Горлов (1774-1849), интересовавшийся историей Востока, написал небольшую книгу по истории Чингис-хана, в которой привел беседу об основах ислама, якобы произошедшую между великим ханом и двумя учеными мужами. В ее основе, по-видимому, лежит аналогичный сюжет из сочинения Абу-л Гази, но сильно видоизмененный: вместо Бухары действие происходит в городе Туран, а звание одного из мусульман *ваиз* (проповедник) превратилось (может быть, благодаря ошибке самого Н.П. Горлова) в личное имя Воа-Аджис. Собеседники обсудили пять вопросов: о сути ислама, о необходимости поддержки нуждающихся, о пятикратной молитве (и соответствующих омовениях), о посте и о хадже. Первые два пункта Чингис-хан безоговорочно одобрил, а на третий ответил с усмешкой: «Молиться должно по своей воле, а не по назначению, потому что в чувствах

сердца молитва заключается, а в частном⁴ омовении вижу излишество и пустой обряд» [Горлов 1840: 120]. Информацию о посте хан оставил без комментариев, зато по поводу хаджа высказался примерно в тех же словах, что и у Абу-л Гази [Горлов 1840: 120]. Сведения эти, как следует из заголовка книги, Н.П. Горлов почерпнул из «татарских летописей и других достоверных источников». Вполне возможно, что многие из использованных им татарских сочинений к настоящему времени безвозвратно утрачены⁵.

Вероятно, по крайней мере, к XVII в. в тюркоязычном мире уже сложилось предание, в котором Чингис-хан не просто принимал ислам, но делал это с оговорками, причем его инсинуации против некоторых принципов ислама не вызывают никакого осуждения авторов и/или передатчиков, причина чего нам пока не ясна. Можно полагать, что здесь мы имеем дело не с двумя независимыми легендами, одна из которых циркулировала в Средней Азии, а другая – в Крымском ханстве, а с вариантами некоей общей легенды. Что касается версии Эвлии Челеби, то, по-видимому, она требовалась для укрепления легитимности династии Гиреев перед лицом их османских сюзеренов, на что намекает сам автор: «со стороны сыновей дяди рода Османов, у них есть родственники – правоверные мусульмане, татарские ханы, восходящие к Чингиз-хану» [Эвлия Челеби 2008: 133]. Поэтому есть весомые основания предполагать ее довольно позднюю крымскую обработку, тем более что она указывает на Крым как на место, где поселились первые потомки Чингис-хана⁶. Совершенно очевидно, что свой окончательный вид легенда приобрела в мусульманской среде, но она явно стоит на страже идеологии Чингисидов: монгольский хан занимает в ней существенно более высокое положение, чем посланец самого Пророка.

⁴ Так в оригинале. Возможно, опечатка вместо «частом».

⁵ См.: [Усманов 1972: 27-30].

⁶ Об этом также повествует история Тохта-бая, включенная Эвлией Челеби в свою книгу [Эвлия Челеби 2008: 231-235]. Помимо прочего, эта история содержит краткое упоминание о принятии Чингис-ханом ислама. О «Хронике Тохта-бая» см.: [Зайцев 2009: 218-224]. Крымские ханы всячески подчеркивали свое благородное чингисидское происхождение [Абдужемилев 2019: С. 511].

Вместе с тем, есть повод думать, что представление о принятии Чингис-ханом ислама все-таки имело в Крымском ханстве маргинальный характер, поскольку оно не было включено в официальные исторические сочинения, авторы которых, опиравшиеся не столько на устную традицию, сколько на труды знаменитых предшественников, таких как Джувейни и Рашид ад-Дин, отрицали приверженность монгольского владыки к исламу, хотя и допускали его некоторый интерес к этой религии. Например, живший в XVIII в. историк Абдулгаффар Кырыми охарактеризовал религиозные настроения Чингис-хана в довольно нелестных выражениях: «Чингиз хан был неверным огнепоклонником, не знающим о существовании единого Бога, великого Владыки и Творца свободных [людей] и рабов, наделяющего богатых, решающего дела каждого по совершенной своей щедрости и воли, повышающего того, кого пожелает, и дающего силу для очищения и удаления от грехов, озлобит одного тирана и ни в коем случае не отложит исполнение последующего его наказания; отсрочит только День Суда и день наказания. Чингиз также спрашивал у восточных и западных ученых о мудрости самого Аллаха» [Абдулгаффар Кырыми 2018: 16]. Последняя фраза не вызывает сомнений: еще до объединения кочевников и обретения звания «Чингис-хан», этот великий монгол имел в своем ближайшем окружении выходцев из мусульманской среды – Джафара-ходжу, Данишменда-хаджиба и Хасана. Маловероятно, чтобы обладавший широким кругозором и хрестоматийно известной веротерпимостью кочевой вождь не поинтересовался у кого-то из этих людей касательно их веры.

Благодарю Ю.А. Аверьянова, Б.В. Норика и В.В. Тишина за консультации по филологическим, а З.Ф. Дугаржапову – по медицинским вопросам, затрагиваемым в настоящей статье, а также А.Г. Юрченко, кто первым привлек мое внимание к легенде о Чингис-хане у Эвлии Челеби.

Библиография:

- АБД АР-РАХМАН ИБН АБД АЛ-ХАКАМ. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. С.Б. Певзнера. — М.: Наука, 1985.
- АБДУЖЕМИЛЕВ Р.Р. Шеджере предков крымских ханов: проблема интерпретации // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 3. С. 509-523.
- АБДУЛГАФФАР КЫРЫМИ. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общ. и научн. ред., предисл. и коммент. И.М. Миргалеева. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
- АБУ АЛИ ИБН СИНА. Канон врачебной науки. Кн. III. Т. I / Пер. У.И. Каримова и М.А. Салье. Изд. 2-е. — Ташкент: Фан, 1979.
- АРСЛАНЯН Г.Т., ШУБОВ Я.И. Медицинский словарь (русско-латино-арабский). — М.: Мир, 1993.
- БАХОДИРОВ Р. «Мафатих ал-улум» Абу Абдаллаха ал-Хорезми: Разделы «Логика», «Медицина» и их значение // Известия Национального центра археологии и источниковедения. Вып. 2. — Астана, 2012. С. 9-33.
- ГОРЛОВ Н. Полная история Чингис-Хана, составленная из Татарских летописей и других достоверных источников. — СПб.: Типография Карла Крайя, 1840.
- ЗАЙЦЕВ И.В. Крымская историографическая традиция XV-XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. — М.: Восточная литература, 2009.
- РИКОЛЬДО ДЕ МОНТЕ КРОЧЕ. Путешествие по Святой земле // Книга странствий / Пер. Н. Горелова. — СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 139-200.
- Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXI. Вып. 5-6. — Казань: Типо-литография ун-та, 1905.
- Самые достоверные хадисы, которые передали оба имама: аль-Бухари и Муслим / Сост. и пер. Абдурахим Мухаммад ад-Дагестани. — Махачкала: [Б.и.], 2018.
- СНЕСАРЕВ Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. — М.: Наука, 1983.
- Турецко-русский словарь / Ред. Э.М.-Э. Мустафаев, Л.Н. Старостов. — М.: Русский язык, 1977.
- УСМАНОВ М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. — Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1972.
- ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер. Е.В. Бахревского. Изд. 2-е. — Симферополь: «ДОЛЯ», 2008.
- EVLIYÂ ÇELEBİ Seyahatnâmesi (Onbirinci Kitap) / Evliya Çelebi (Mehmed Zıllı Oğlu); Türkçeleştirilen: Zuhuri Danişman. — [İstanbul:] Zuhuri Danişman Yayınevi, 1970.

Дружинина Н. С.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Druzhunina N.

Protection of Monuments of the Crimean War
in the Second Half of the XX Century:
Challenges and Achievements

После Великой Отечественной войны в СССР изменилось отношение к данной категории памятников, в первую очередь это было вызвано новым взглядом на события Крымской войны. Появилось осознание преемственности между событиями Первой и Второй обороны Севастополя; участники военных действий 1853-1856 гг. стали восприниматься достойными предшественниками, символом мужества, примером для подражания. «Идеологическим признанием» Крымской войны может служить учреждение в 1944 г. Ордена Нахимова. Однако отношение к тому, что не вписывалось в советскую идеологию, по-прежнему было сложным, во многом негативным. Это двойственность проявлялась и в деле охраны объектов культурного наследия Крымской войны.

Уже в первые послевоенные годы тема сохранения памятников Крымской войны привлекала внимание учёных и общественности. В 1948 г. на совещании в Крымоблисполкоме, посвящённом проблемам охраны памятников, был поднят вопрос о состоянии памятных объектов Крымской войны. Отмечалось, что в Севастополе отсутствовала охрана Малахова кургана, не проводились мероприятия по восстановлению пострадавших памятников на Братском кладбище 1854-1855 гг., на Историческом бульваре, на бастионах Первой обороны [Ф. Р-3385, оп. 1, д. 111: 60б.]. Была

затронута тема памятника П.С. Нахимову, демонтированного в 1928 г., а также судьба дома Э.И. Тотлебена, в котором располагалось здание Музея обороны. Озвучивалась проблема равнодушия со стороны властей, необходимости обращаться во множество инстанций для осуществления охранных мероприятий [Ф. Р-3385, оп. 1, д. 111: 9, 25].

Неопределённой являлась ситуация с Владимирским собором. Областным отделом архитектуры ставился вопрос об его охране перед горисполкомом и центральными органами архитектуры. При составлении плана реконструкции города собор был определён к сносу. Отсутствие охраны приводило к хищению строительного материала [Ф. Р-3385, оп. 1, д. 111: 7]. В дальнейшем Владимирский собор был поставлен на учёт как памятник архитектуры, а в 1967 г. началась реставрация. Однако в 1971 г. Севастопольское отделение УООПИК отмечало, что проводимых мероприятий недостаточно. В 1973 г. по инициативе Общества объект был передан Музею героической обороны и освобождения Севастополя [Соколов 2013: 157]. Дальнейшая реставрация затянулась из-за долгого составления документации, несвоевременного выполнения заказов, недостаточного финансирования [Спиридонова 2001: 69].

Отдельной темой являлась проблема охраны братских кладбищ. В Симферополе некрополь на Петровской балке был разрушен и использовался под трассу мотодрома ДОСААФ. В 1950 г. это памятное место включили в «План мероприятий по благоустройству исторических и археологических памятников в Симферополе». В 1951 г. горсовет просил обратить внимание на данное кладбище и привести в порядок, однако результата это не дало [Ф. Р-4520, оп. 1, д. 36: 3; д. 50: 4-5, 16, 28-29]. В 1969 г. кладбище было поставлено на государственный учёт, и только в 1984 г. силами «Укрпроектреставрации» начались его исследования. В результате определили место нахождения часовни, установили размеры некрополя [Гуркович 2008: 386].

Братское кладбище в Севастополе во время обороны города в 1941-1942 гг. несколько раз становилось местом боёв, что привело к разрушению многих надгробий и повреждению собора Святого Николая [Ф. Р-3385, оп. 1, д. 111: 26]. Долгое время оно было заброшено. В 1970 г. СМ УССР издал постановление «О реставрации Братского кладбища воинов,

погибших при обороне Севастополя в 1854-1855 гг.», важная роль в котором отводилась Севастопольскому отделению УООПИКа. Но работы из-за слабого контроля не выполнялись. Представители Общества пытались ускорить процесс, добиваясь дополнительного финансирования. Нахимовская районная организация занималась инспекциями памятника. В ходе одной из них установили нарушение техники консервации и нецелевого использования средств [Соколов 2013: 157].

Во время обороны Севастополя 1941-1942 гг. по холму Каткарта, где находится Английское военное кладбище, проходили позиции защитников. Часть ограды некрополя использовали при строительстве блиндажей и дзотов оборонительного рубежа. В послевоенный период кладбище разрушалось. В начале 1980-х годов его территорию горисполком выделил садовому кооперативу [Гуркович 2004: 30]. Привлечь внимание властей к этой проблеме пытался известный краевед, сотрудник «Укрпроектреставрации» В.Н. Гуркович. Им были написаны письма поэту К.М. Симонову, посвятившему Английскому кладбищу стихотворение, в «Комсомольскую правду», а также статья в «Московские новости». После этого последовала реакция властей. Отделом по делам строительства и архитектуры облисполкома были разработаны предложения по комплексному восстановлению памятников Крымской войны [Гуркович 2004: 24, 46-48]. В связи с этим сотрудники «Укрпроектреставрации» на страницах «Славы Севастополя» обращались к старожилам города, сотрудникам музеев, любителям истории с просьбой оказать содействие в сборе материалов [Гуркович 1990: 4].

Практически без внимания властей и общественности оставалась судьба полей сражений. Из них музеефицированным являлось только Альминское в Бахчисарайском районе. В середине 1950-х годов там были проведены ремонтные работы, благоустроена территория, однако в последующие 20 лет к его охране относились бессистемно. С 1984 г. началось комплексное изучение объекта. Остальные поля сражения – Балаклавское, Инкерманское и Чернореченское – не охранялись [Манаев 2015: 53-54].

Отдельного внимания заслуживает судьба памятника на месте гибели русских воинов при штурме Евпатории. В акте обследования объекта за 1946 г. были даны рекомендации по установке новой железной ограды и охранной

доски. Однако они выполнены не были. В преддверии празднования 100-летия Первой обороны был проведён осмотр объекта. К этому времени ограду полностью разобрали, а его территория была неухоженной [Ф. Р-4440, оп. 1, д. 2: 2; д. 20: 1.] После инспекции мрамор обелиска очистили от паровозной копоти, покрасили металлический крест, возвели новую каменную ограду. Летом 1971 г. по решению евпаторийских властей памятник демонтировали и установили между полосами 2-й Гвардейской улицы. В.Н. Гурковичем в 1986 г. были составлены «Рекомендации по дальнейшей реконструкции и реставрации памятника» [Гуркович 2000: 8, 40-41, 56].

Во второй половине XX в. в Севастополе проводилась работа по установке и реставрации памятников героям Первой обороны. В 1944 г. было принято решение о восстановлении памятника П.С. Нахимову. Его закладка состоялась 6 июля 1952 г., а открытие – 5 ноября 1959 г. [Ольшевский 1981: 29]. Работы по восстановлению памятника Э.И. Тотлебену, пострадавшего в годы ВОВ, начались сразу после освобождения города под руководством скульптора Л.М. Писаревского. В период немецкой оккупации, летом 1942 г., был уничтожен памятник В.А. Корнилову. С 1970-х годов началась работа по его воссозданию, которая завершилась к 200-летию города [Веникеев 1983: 130-132, 140-141].

Особое место среди памятных объектов занимает один из символов города – Памятник затопленным кораблям. Во второй половине XX в. для него разрабатывалась проектно-сметная документация, архитекторами Е.М. Пламеницкой и Е.И. Лопушинской составлен «Акт обследования памятника архитектуры», в результате ремонтных работ монументу был возвращён первоначальный облик [Салтанов 2018: 25-26].

Восстановление Панорамы «Оборона Севастополя» началось по постановлению СМ СССР от 25 октября 1948 г. Автором технического проекта являлся В.П. Петропавловский. Объект финансировался за счёт бюджета РСФСР. Реставрация шла с большими трудностями из-за нехватки квалифицированных кадров, средств, материалов [Мазепов 2005: 217-218]. К концу 1953 г. здание было восстановлено. В нём создали систему кондиционирования воздуха, провели электричество. Открытие состоялось 16 октября 1954 г. [Савельев 1954: 4].

Неоднозначной была ситуация с охраной памятников на семи бастионах Севастополя. Наиболее известным и музеефицированным являлся 4-й бастион, где расположена панорама. Памятники 1-го, 2-го и 3-го бастионов реставрировались после войны. На территории 3-го бастиона в начале 1960-х годов проводилась застройка вершины холма, в результате чего восстановленный монумент «Героям вылазок» почти не виден [Шавшин 2000: 101]. Под застройку отдана территория 6-го бастиона. На 7-м бастионе из-за строительства завода № 54, а также сооружения Обелиска городу-герою Севастополю и монумента «Солдат и матрос» практически все детали оборонительных сооружений были разрушены [Манаев 2019: 187].

Памятные объекты, посвящённые личностям, не вписывавшимся в советскую героическую идеологию, оставались без внимания. В Бахчисарае в здании, где останавливался в 1855 г. Александр II, расположена общеобразовательная школа. На объекте не было указательных знаков, его несколько раз перестраивали [Борисов 2001: 108].

Таким образом, идеологическая составляющая советского государства, а также недобросовестное отношение местных властей приводили к двойственности в вопросах охраны объектов культурного наследия Первой обороны. На территории Севастополя были открыты или восстановлены памятники адмиралам Нахимову, Корнилову, Тотлебену, осуществлена реставрация Памятника затопленным кораблям. Однако не принималось необходимых мер по поддержанию в надлежащем состоянии военных кладбищ. Сложными являлись вопросы финансирования восстанавливаемых объектов, качество выполненных работ. Существовала проблема взаимодействия между органами власти и общественными организациями.

Библиография:

БОРИСОВ В.Н. Вновь выявленные памятники истории Крымской войны в Бахчисарае // Науч.-практич. конференция, посвящённая 145-летию окончания первой героической обороны Севастополя. — Симферополь, 2001. С. 104-110.

ВЕНИКЕЕВ Е.В. Архитектура Севастополя. — Симферополь, 1983.

ГУРКОВИЧ В. Н. «Мы никогда не мстили мертвецам» // Слава Севастополя. — Севастополь, 1990. 7 июля. С. 4.

ГАРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 111, 45 л.

ГАРК, ф. Р-4440, оп. 1, д. 2, 57 л.

ГАРК, ф. Р-4440, оп. 1, д. 20, 59 л.

ГАРК, ф. Р-4520, оп. 1, д. 36, 23 л.

ГАРК, ф. Р-4520, оп. 1, д. 50, 35 л.

ГУРКОВИЧ В.Н. Бурьян: над прахом героев: повествование о драматической судьбе могилы русских воинов, павших в бою с интервентами под Евпаторией в 1855 году. — Симферополь, 2002.

ГУРКОВИЧ В.Н. Письмо в «Правду» // Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2004. № 6/7. С. 24-48.

ГУРКОВИЧ В.Н. Начало восстановления братского кладбища XIX в. в Симферополе // Херсонесский колокол. — Симферополь, 2008. С. 382-388.

ОЛЬШЕВСКИЙ В.Ф. Севастополь: путеводитель. — Симферополь, 1981.

САВЕЛЬЕВ А. Восстановление панорамы «Оборона Севастополя» // Крымская правда. — Симферополь, 1954. 1 апреля. С. 4.

САЛТАНОВ В. Символ Севастополя // Веси. — Севастополь, 2018. № 5. С. 19-28.

МАЗЕПОВ Ю.И. Севастопольская панорама сегодня // Севастопольской панораме 100 лет. — Симферополь, 2005. С. 212-225.

МАНАЕВ А.Ю. Поле сражения как особая категория наследия: к проблеме сохранения культурных ландшафтов в Республике Крым // Учёные записки КФУ им. В.И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». — Симферополь, 2015. № 2. С. 48-62.

МАНАЕВ А. Ю., МОИСЕЕВ Д. А. Археологические исследования на территории 7-го бастиона в районе артиллерийской бухты в Севастополе // История и археология Крыма. — Симферополь, 2019. Вып. 11. С. 185-194.

СОКОЛОВ А.А. Деятельность Севастопольской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры: (60-е — 80-е годы XX века) // Учёные записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». — Симферополь, 2013. № 1. С. 152-166.

СПИРИДОНОВА И.К. Владимирский собор — усыпальница российских адмиралов М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова: о ходе реставрационных работ 1965-2001 гг. // Конференция, посвящённая 145-летию окончания Крымской войны 1853-1856 гг. — Симферополь, 2001. С. 66-71.

ШАВШИН В.Г. Бастионы Севастополя. — Симферополь, 2000.

Дьячков С. В.

**ШТРИХИ К ИСТОРИИ
КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО
В ОСМАНСКОЕ ВРЕМЯ (XV – XVIII вв.)
ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК**

Dyachkov S. V.

Strokes to the History of Fortress Chembalo in Ottoman Times (15th – 18th centuries), Based on Materials the Archaeological Excavations

Наши сведения о генуэзской крепости Чембало (Балаклава) в период османского владычества в Крыму (XV—XVIII вв.) ограничены немногочисленными, краткими, недостаточно изученными свидетельствами письменных источников [Дьячков 2017: 121-125]. Скупость нарративных источников и документов в известной мере компенсируется результатами масштабных раскопок Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (2002-2020). Помимо упомянутой экспедиции, археологические исследования на территории крепости велись также усилиями объединенной экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (1999-2013). Материалы раскопок преимущественно на территории консульского замка и города св. Николая предлагают несколько выразительных штрихов к истории Чембало в османское время [Дьячков 2019: 773, рис. 1].

«Консульская церковь». Храм находится на крутом западном склоне горы консульского замка Чембало непосредственно над входом в бухту, к северо-востоку от мыса Балаклавский, на высоте 45 м над уровнем моря. Анализ архитектурных особенностей, археологических напластований и находок, позволяет полагать, что «консульская церковь» функци-

онировала в XIV-XVIII вв. Она относится к широко распространенному типу провинциального византийского храма – прямоугольное в плане сооружение с алтарной частью в виде полукруглой апсиды. Размеры внутренней части церкви – 6,1 x 11,5 м. Стены: высота от 0,3 до 2,8 м; толщина – 0,65-0,75 м [Дьячков 2005: 215, рис. 2]

«Консульская церковь» неоднократно перестраивалась. Как известно, во владениях Блистательной Порты запрещалось строить новые христианские храмы, однако можно было ремонтировать старые. Христианская община Балаклавы в османское время восстановила и отремонтировала храм. Первоначальный известняковый пол церкви перекрыли каменными плитами, изъятими из руин консульского замка. Среди них обнаружены выразительные фрагменты декоративных колонн, ланцевидного окна, а также портала с рельефным изображением герба, которые указывают на готический характер построек консульского замка генуэзской крепости [Дьячков 2005: 216-218]. В османский период в церкви перестали хоронить прихожан. Наряду с другими христианскими церквями, открытыми раскопками [Адаксина, Мыц: 2015 7-35], «консульская церковь» обслуживала христианское население османской Балаклавы в конце XV-XVIII вв.

Башня № 8 расположена на скальных выступах северного склона г. Кастрон (57 м над уровнем моря). В генуэзское время она прикрывала вход на территорию консульского замка. Площадь основания башни № 8 с учетом толщины стен (0,9-1,1 м) составила 45 кв. м. Пол внутреннего помещения башни был покрыт плотным известковым раствором.

Анализ внутренних напластований и строительных остатков, раскрытых раскопками, позволили выделить особенности строительной истории башни № 8 после захвата крепости турками. Оборонительная башня была перестроена, ее функциональное назначение существенно изменилось. В ходе перестройки была сооружена каменная поперечная стена, разделившая сооружение на две неравных части: помещения 1 и 2. В средней части поперечной стены сохранились следы порога. На прилегающей к башне территории (участок А), в углу «двора» обнаружены остатки печи, сложенной из необработанного мелкого и среднего камня (диаметр 1,3 м) [Дьячков 2005: 223, рис. 8].

Помещение 3. С востока ко «двору» башни № 8 примыкало помещение 3 (ок. 25 кв. м), сооруженное после османского завоевания из вторичных строительных материалов. В качестве основной стены помещения использовался участок оборонительной куртины (стена 6). Остальные стены (7, 8, 9) были сложены из местного необработанного камня и каменных ядер большого диаметра, скрепленных «на грязи». В ходе демонтажа остатков стен было извлечено более 120 ядер. Неиспользовавшаяся часть «арсенала» (ок. 80 ядер) была сдвинута сторону, «на задворки».

Площадь помещения 3 перекрывал плотный, хорошо утопанный глиняный пол. Здесь обнаружен очаг, который имел округлую форму около одного метра в диаметре. Интересно, что внутреннее пространство очага было заполнено плотно уложенными обломками железных пушечных ядер. Обломки ядер перекрывал слой (2-3 см) плотной глины. Такая конструкция очага, безусловно, обеспечивала высокую теплоотдачу. Раскопками выявлены остатки опорных деревянных конструкций, которые указывают, что помещение 3 перекрывалось легким навесом. [Дьячков 2008: 55, рис. 2]. Отметим, что помещение 3 было сооружено на месте боевой площадки для большой метательной машины типа требюше, которая предназначалась для борьбы с кораблями противника и обстрела входа в бухту Чембало.

Таким образом, помещения 1 и 2 башни № 8, печь во дворе (участок А), а также помещение 3 с очагом входили в хозяйственный комплекс, возникший вскоре после 1475 г., когда «консульский замок» крепости утратил свое военно-административное значение и осваивался новыми жителями.

Башня № 5. В 2013 и 2017 гг. были проведены раскопки башни № 5, расположенной на северном склоне горы Кастрон между припортовым районом и консульским замком. Прямоугольная в плане башня № 5 была возведена между башнями № 8 и № 6, составляя с ними единый комплекс фортификационных сооружений. Внешние размеры башни: 9,4 x 8,2 м, а внутренние – 6,75 x 5,25 м. Толщина стен – 2,0-2,20 м [Адаксина и др. 2018: 195, рис. 88]

После передачи генуэзских факторий в Газарии под управление банка св. Георгия в 1453 г. в Чембало начались ремонтные работы и масштабное строительство новой линии крепостных стен и цитадели на вершине г. Кастрон [Мыц 2009: 346-348]. В этих условиях башня № 5 утратила

свое первоначальное оборонительное назначение и была кардинально перестроена под башню-цистерну. Хорошо защищенная цистерна обслуживала потребности обитателей этой части города и была составной частью системы крепостного водоснабжения.

После завоевания Чембало в 1475 г. турки распорядились башней № 5 по-хозяйски. Они использовали цистерну по назначению, а на ее верхних этажах хранили захваченное в качестве трофеев генуэзское оружие и доспехи. Об этом свидетельствуют результаты раскопок цистерны, в которую рухнуло содержимое верхних ярусов башни. Здесь обнаружен уникальный для Крыма и всей Восточной Европы комплекс: около 4000 арбалетных болтов двух типов, а также более 800 черешковых стрел для луков. В «арсенале» хранили 42 железных и семь каменных ядер для бомбард. Здесь же найдено более 1300 фрагментов и целых железных пластин доспеха типа «бригандина», также более 8300 сильно фрагментированных железных пластин, которые условно можно отнести к обломкам ламинарного доспеха [Алексеев и др. 2019: 39-40].

Обрушение межэтажных перекрытий старой башни вместе с хранившимся там устаревшим, не нашедшим применения «арсеналом», очевидно, явилось следствием сейсмической активности. Впрочем, не исключено, что оно стало результатом целенаправленных действий турецкого гарнизона, покидавшего Балаклаву по условиям Кючук-Кайнарджийского мира (1774). В целом, следует отметить, что турецкая администрация Балаклавы и немногочисленный гарнизон крепости отнеслись к «генуэзскому наследству» рачительно. Османы сохранили и усовершенствовали для своих нужд систему водоснабжения, хранили устаревшее трофейное оружие и снаряжение, а утратившие военное значение объекты использовали «в мирных целях».

Библиография:

АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2014 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XII. СПб.; Севастополь, 2014.

АДАКСИНА С.Б., АЛЕКСЕЕНКО Н. А., ГИНЬКУТ Н.В., МЫЦ В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2017 году // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XV. СПб.; Севастополь, 2018.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А., ДЬЯЧКОВ С. В., НЕДЕЛЬКИН Е. В., СТУПКО М.В. Османский гарнизон Балыклагу в начале XVI века (по письменным источникам и археологическим данным) // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (2-4 октября 2019 года). Севастополь, 2019. С. 74-78

ДЬЯЧКОВ С. В. «Арсенал» метательных снарядов генуэзской крепости Чембало в Крыму // РА. 2008. № 2. С. 54-61.

ДЬЯЧКОВ С.В. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000-2005 гг. // Древности-2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. X., 2005. С. 212-227.

ДЬЯЧКОВ С.В. Консульский замок генуэзской крепости Чембало XIV-XV вв. (по материалам археологических раскопок 1999-2008 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Том 2. Кишинэу; Казань, 2019. С. 771-790.

ДЬЯЧКОВ С.В. Генуэзская крепость Чембало в османской Балаклаве: свидетельства очевидцев XVI-XVII вв. // LAUREA II. Античный мир и Средние века. Харьков, 2017. С. 121-125.

МЫЦ В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.

Жигалова Н.Э.

ПАТРЫ В КОНТЕКСТЕ ГРЕКО-ВЕНЕЦИАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV в.*

Zhigalova N.

Patras in the Context
of the Greco-Venetian Confrontation
in the first Third of the 15th Century

Патры, благодаря своему географическому положению, в Средние века занимали то же место, что Коринф в античную эпоху – т.е. были, своего рода, коммерческой столицей Греции [Andrews 1978: 116], находясь на пересечении как морских торговых путей, так и сухопутных [Шиева 1991: 65]. Кроме того, с середины XIII в. город являлся центром одной из семи церковных бароний Ахейского княжества, а также резиденцией латинского архиепископа, примаса Мореи [Zakythinos 1953: 288-291]. Несмотря на то, что к XV в. Патры постепенно утрачивали свое экономическое значение [Карпов 2000: 38] ввиду интенсификации османских завоеваний и нестабильной политической обстановки в регионе, они, тем не менее, по-прежнему оставались важным стратегическим пунктом в Средиземноморье.

В 1408 г., согласно договоренности с латинским архиепископом, который, вероятно, опасался османских рейдов, Патры перешли под власть Венецианской республики. Как следует из постановления Сената, Венеция обязалась выплачивать определенную сумму на содержание архиепископа и выразила готовность защищать Патры, в то время

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091.

как венецианский представитель в должности подеста будет управлять городом от имени республики [Régestes 1959: 79 № 1317]. Это вызвало резкое недовольство со стороны турецкого султана Сулеймана Челеби, однако конфликт был вскоре улажен обещанием ежегодной выплаты в пользу османской казны [Ibid.: 82 № 1329].

В 1417 г. Венецианская республика столкнулась с новой проблемой: византийский император Мануил II Палеолог и морейский деспот Феодор II заявили свои права на земли Ахейского княжества, что осложнило взаимоотношения Византии и Венеции на Пелопоннесе. В настоящем исследовании мы рассмотрим некоторые аспекты греко-венецианского противостояния в вопросе владения Патрами.

С целью уладить конфликт мирным путем в сентябре 1417 г. Венеция делегировала своих представителей на переговоры с византийским императором. Примечательно, однако, что посланников отправили не к Мануилу II, а к его наследнику и соправителю Иоанну VIII, который, как известно, далеко не всегда разделял взгляды своего отца во внешней политике [Barker 1969: 329-331]. Возможно также, что Венеция была обеспокоена чрезвычайной активностью Мануила II на севере Пелопоннеса, поскольку в 1415-1416 гг. император весьма энергично взялся за восстановление Гексамиллиона – шестимильной оборонительной стены, перекрывающей Коринфский перешеек [См.: Barker 1962].

Очевидно, венецианцы не желали вступать в открытую конфронтацию с греческими правителями Мореи, однако понимали, что сдача города византийцам была лишь вопросом времени. Так, в 1418 г. венецианские власти изъявили готовность в случае необходимости оказать содействие в эвакуации города и его архиепископа – в том случае, если их расходы будут компенсированы [Régestes 1959: 166 № 1698].

Несмотря на то, что с этого времени численность населения города начинает стремительно падать «ввиду исходящей от османов опасности» [Ibid.: 213 № 1921], для Венеции Патры по-прежнему представляли интерес, «учитывая значение города для защиты соседних венецианских земель» [Ibid.]. Эта проблема актуализировалась в 1423 г., когда османский султан Мурад II направил в Морею армию, возглавляемую Турахан-беем,

чтобы «разграбить земли венецианцев, и тот разобрал укрепления на Истме (Гексамилон. – *Н.Ж.*) и захватил несколько венецианских селений» [Laonikos Chalkokondyles 2014: 394. 5. 26]. Несмотря на это, когда в 1428 г. к Патрам подошла армия деспотов Феодора II, Константина и Фомы Палеологов, Венеция отказала в поддержке латинскому архиепископу, поскольку «Синьория в настоящее время несет такие большие расходы, что не может оказать никакой помощи архиепископу» [Régestes 1959: 251. № 2097]. Это утверждение кажется справедливым, поскольку в это время Венецианская республика вела затяжную войну с Османским государством, а также была вынуждена снабжать осажденную османскими войсками Фессалонику, находившуюся во владении венецианцев с 1423 г. [Ibid.: 269. № 2175]. Тем не менее, Сенат отправил в Патры своего представителя, задачей которого являлось, во-первых, «просить деспота или василевса снять осаду со столь важного для венецианцев города» [Ibid.: 253. № 2110], во-вторых, заверить жителей Патр в венецианской поддержке и убедить их сопротивляться грекам.

По причине ширившихся в стане Палеологов противоречий Патры взять не удалось, однако было достигнуто соглашение, что горожане будут ежегодно выплачивать деспоту Константину 500 флоринов [Georgii Sphrantzae 1990: 38. 14-16]. Однако немногим позже деспот вновь осадил город. Георгий Сфрандзи, бывший в то время при Константине, объясняет его интерес чисто прагматически: если Константин возьмет Патры, то укрепится в Морее, в то время как его владения на Черном море будут, вероятно, пожалованы василевсом другому деспоту [Ibid.: 40. 13-20]. Таким образом, овладение Патрами означало бы для греков обретение практически всех утраченных во время латинского завоевания земель на Пелопоннесе.

Однако в противостояние Венеции, деспота Константина Палеолога и жителей Патр вмешалась еще одна сторона, игнорировать которую было невозможно. По словам Сфрандзи, когда шла подготовка к осаде, к деспоту прибыл посланник султана Мурада II со следующим сообщением: «Патры платят мне харадж и принадлежат мне. Отзови свои войска и сними осаду, иначе мы нападём на тебя» [Ibid.: 58. 5-7]. Константин не решился

идти поперек воли османского государя и отправил Сфрандзи ко двору Мурада, чтобы тот попробовал убедить султана снять эту санкцию.

Срочное вмешательство Мурада II фактически спасло жителей Патр от захвата греками, поскольку в том же 1429 г. венецианский Сенат принял окончательное решение не брать на себя обязательство по защите города, мотивируя это следующим: «Раньше защищать Патры было легко, потому что другие силы Мореи были незначительны и слабы; теперь все знают, что греческий деспот захватил всю страну, и греки настолько сильны, что могут поставить в ряд от пяти до шести тысяч всадников; кроме того, греки уживаются с турками, которых они могут ввести в Морею и воспользоваться их помощью» [Régestes, 1959: 254-255. № 2116]. Так, по иронии судьбы, те, кто, по мнению венецианцев, должен был оказать грекам содействие в захвате Патр, стали теми, кто этому воспрепятствовал.

Таким образом, венецианцы, полагая, что османы могут оказать поддержку византийцам, отказались от объективно провальной операции. Сфрандзи сумел выполнить поручение своего господина, и в 1430 г. Патры сдались на милость деспота Константина Палеолога, пережив недолгую осаду. Можно заключить, что для Венеции Патры не имели приоритетного значения – в сущности, Венецианская республика безоговорочно брала город под свое крыло только в тех случаях, когда риски были минимальны. В свою очередь, для византийского василевса и, тем более, для деспотов Мореи Патры были важным стратегическим пунктом, обретение которого позволяло объединить под византийской властью утраченные еще в XIII в. греческие владения на Пелопоннесе.

Библиография:

КАРПОВ С.П. Латинская Романия. — СПб., 2000.

ANDREWS K. Castles of Morea. — Amsterdam., 1978.

BARKER J.W. Manuel II Palaeologus (1391-1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. — New Brunswick; New Jersey, 1969.

BARKER J.W. On the Chronology of the Activities of Manuel II Palaeologus in the Peloponnesus in 1415 // Byzantinische Zeitschrift. 1962. Bd. 55 (1). P. 39-55.

GEORGII SPHRANTZAE Chronicon / a cura di R. Maisano // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. — Roma, 1990. Vol. XXIX.

ILIEVA A. Frankish Morea (1205-1262). Socio-Cultural Interaction between the Franks and the Local Population. — Athens, 1991.

LAONIKOS CHALKOKONDYLES. The Histories / transl. by A. Kaldellis. — Cambridge, London, 2014. Vol. I.

Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. T. II. 1400-1430 / par F. Thiriet. — Paris, Paris Mouton et CO la haye, 1959.

ZAKYTHINOS. D.A. Le Despotat grec de Morée. T. II. Vie et Institutions. — Athènes, 1953.

Занг, Динь

КРЫМ И ВЬЕТНАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Dinh Le Hong Giang

Crimea and Vietnam:
Problems and Perspectives of Cooperation

Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) является одной из самых динамично растущих экономик в мире с ростом ВВП в 2019 г. – 7%, имея значительно больший рынок с населением в размере 96 млн. человек. Вьетнам был главным союзником Советского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе во время холодной войны, а на сегодняшний день он взаимодействует с Россией в формате всеобъемлющего стратегического партнёрства. В 2015 г. Вьетнам стал первым государством, которое подписало соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС. С этого момента, товарооборот РФ-СРВ увеличился, в 2018 г. его объём достиг 6,1 млрд. долл. США [5]. По данным Минпланинвеста, вьетнамские предприниматели вложили в проекты на территории России почти 3 млрд. долл. США [7].

В условиях санкций, внешнеторговый оборот Республики Крым за 2018 г. составил всего только 80,3 млн. долл. США: экспорт – 23,8 млн. долл., а импорт – 56,5 млн., т.е. отрицательное сальдо было в районе 32,7 млн. долл. Главными экономическими партнерами полуострова являются страны СНГ, доля которых в объёме товарооборота Крыма достигла 64,1% (или 51,5 млн. долл.), а объём торговли со странами дальнего зарубежья всего лишь 28.8 млн. [1]. Согласно Стратегии социально-экономического развития до 2030 г., одной из главных задач является то, что регион будет поэтапно выходить из внешнеторговой изоляции [4] с целью обеспечения доступности жителям товаров и услуг. Таким образом, углубление экономического сотрудничества со странами-

участницами ЕАЭС и его партнёрами в рамках ЗСТ – это оптимальный шаг для дальнейшего развития полуострова.

Вьетнам может поставлять в Крым приоритетные экспортные товары, такие как электронная техника, текстиль и обувь, продовольственные товары и сельхоз продукты (кофе, рис, чай, пряности, рыба, орехи и тропические фрукты), продукцию химической промышленности и т.д. А Крым может представить на вьетнамском рынке свои товары, такие как морское оборудование, зерно, сухие фрукты, косметику, алкоголь или безалкогольные напитки, продукция химпрома и т.д. Большинство из этих товаров не являются конкурентоспособными, а способствуют диверсификации внутреннего рынка, т.е. между Вьетнамом и Крымом имеется большой потенциал для совместной работы в области торговли. Важная задача – ознакомить крымских и вьетнамских предпринимателей с возможностями проведения бизнеса на территории другой страны.

С этой целью в апреле 2017 г. крымская правительственная делегация приехала в Ханой, презентовав инвестиционный, туристический и культурный потенциал полуострова для вьетнамских бизнесменов. По словам заместителя председателя Совета министров РК Г. Мурадова: «Вьетнамская сторона проявляет немалый интерес к крымским инвестиционным проектам и предложениям» [2]. А в свою очередь, Крым интересуется опытом Вьетнама в переработке сельскохозяйственной продукции, производстве соков, морепродуктов, детских товаров, швейной промышленности, развитии гостинично-туристического комплекса. Крымская власть также готова дать вьетнамским инвесторам возможность участвовать в свободной экономической зоне, где они смогут получить льготы и преференции.

В рамках визита было подписано соглашение о сотрудничестве между «Центром бизнеса и культуры Республики Крым» и Российским национальным бюро по туризму «Visit Russia Asia» и Институтом малого бизнеса и среда (RISME). Результат скромный, но это первый шаг к большому сотрудничеству между сторонами. Крым – один из самых важных курортов России, поэтому не трудно представить, что вьетнамские бизнесмены заинтересуются потенциалом развития в области туризма на полуострове.

В мае 2018 г. делегация представителей туроператоров из Вьетнама посетила РК, принимая участие в информационном туре, раскрывая туристический потенциал региона. По мнению властей республики, инфотур для вьетнамских партнеров позволит продвинуть «туристический потенциал Крыма на международном рынке» [3]. В декабре 2019 г. глава Крыма Сергей Аксенов заявил о росте числа туристов, приезжающих в регион из Вьетнама [6].

Также наблюдаются перспективы развития сотрудничества в области образования между крымскими и вьетнамскими вузами. Весной 2018 г. делегация Крымского федерального университета приняла участие в проекте «Вузы России» и проведении Олимпиадного движения во Вьетнаме. В августе 2019 г. сотрудники Вьетнамского морского университета приехали в Центр изучения морских технологий, где знакомились с проектами Севастопольского госуниверситета, особенностями информационных технологий и использования высокотехнологичного оборудования в подводных археологических исследованиях объектов культурного наследия. Стороны договорились о сотрудничестве в новых образовательных проектах, проведении летних школ и научных форумов. СевГУ подписал соглашение о сотрудничестве с Ханойским филиалом Института русского языка им. Пушкина, в рамках которого осуществляется взаимодействие по разнообразному направлению, такие как наука, образование, культура и сфера работы с молодёжью.

Вопреки санкциям в Крым и Севастополь с 2017 г. уже приезжали учиться аспиранты и студенты из Вьетнама. Они активно участвуют в научных конференциях, зимних и летних школах и т.д. В ноябре 2019 г. вьетнамские аспиранты Севастопольского государственного университета организовали культурный вечер, где они познакомили местных жителей с традициями, культурой, социально-экономическим развитием своей восточной страны. Такое мероприятие позволило крымчанам и вьетнамцам лучше понять друг друга. Однако вьетнамские учащиеся сталкиваются с рядом проблем (трудности с получением средств из Вьетнама, а местные дипломы не признаются западными вузами), которые могут снизить привлекательность крымского образования.

Таким образом, Крым находится на этапе разработки совместного сотрудничества с Вьетнамом, однако первые результаты пока ещё незначительны. В нестабильных условиях международной обстановки (ситуация с COVID-19 и санкций), сотрудничество с Вьетнамом – это работа на долгосрочную перспективу. Здесь нет смысла искать так называемых «быстрых побед». Важными задачами являются формирование регулярных контактов Крыма с регионами СРВ, улучшение деловой среды для привлечения иностранных инвесторов, обмен информацией с турагентствами, а также способствование реализации соглашений о международном образовательном сотрудничестве и т. д.

Библиография:

Внешнеторговый оборот Республики Крым за 2018 год. URL: http://crimea.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/112e4080497a9b8ead15ff3fbd401489/Oф+статистика+ВЭД++2018+уточ.pdf (дата обращения: 22.2.2020)

Во Вьетнаме презентовали инвестиционный потенциал Крыма. URL: <https://crimea.gia.ru/economy/20170406/1109858377.html?fbclid=IwAR0QeWkKOe-rDiKFKT88dQtJNDANO5rVzoqjJNnLX6DrkmPIQQ31Sg2ok4s> (дата обращения: 12.2.2020)

Делегация из Вьетнама в мае посетит Крым для знакомства с турпотенциалом полуострова. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5189408> (дата обращения: 25.1.2020)

Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. URL: https://business.rk.gov.ru/medias/files/strategy_lite.pdf (дата обращения: 1.2.2020)

Товарооборот России с Вьетнамом в 2018 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-vetnamom-v-2018-g/> (дата обращения: 28.2.2020)

Увеличилось число туристов в Крым из Вьетнама. URL: <http://huunghivietnga.com.vn/news/rvdyizfzyiloshc-fzoyil-prnzoplv-v-inshj-zzh-vshcdpkaja> (дата обращения: 26.2.2020)

Thúc đẩy giao thương, hướng tới Năm chéo Việt — Nga 2019 [Торговля РФ-СРВ в 2019 г.]. URL: <https://congthuong.vn/thuc-day-giao-thuong-huong-toi-nam-cheo-viet-nga-2019-116986.html> (дата обращения: 25.2.2020)

Золотарев О.А.

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ СУДА НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ В АРХИПЕЛАГЕ

Zolotarev O.

Russian Military Vessels in the Diplomatic Service in the Archipelago

Император Николай I унаследовал сильнейшее государство Европы и в его планах было сделать его сильнейшим государством мира. Практически сразу после прихода к власти он решительно приступил к подготовке новой войны с Османской империей. Первым шагом на этом пути стал Петербургский протокол, подписанный 23 марта (4 апреля) 1826 года между Россией и Великобританией. Согласно протоколу обе державы предлагали Турции признать Грецию автономным государством. При этом за Россией оставался выбор: решать спорные вопросы с Турцией в союзе с другими государствами или действовать самостоятельно. После обострения греко-турецких противоречий в связи с избранием в апреле 1827 года президентом Греции Иоаннеса Каподистрии, бывшего статс-секретаря по иностранным делам России, к Петербургскому протоколу присоединилась и Франция. Благодаря этому дипломатическому успеху впервые в истории три христианские европейские державы – Россия, Великобритания и Франция – выступили в поддержку независимости четвертой европейской страны – Греции. Победа объединенного англо-русско-французского флота над турецко-египетской флотилией в бухте Наварин привела к кардинальным геополитическим последствиям для Османской империи: Стамбул потерял Грецию и вступил в конфликт со своим самым мощным вассалом – Египтом. [Зеленев 2005: 67, 68]

Последующие победы русской армии на Балканах и на Кавказе многократно повысили престиж России в получивших автономию Дунайских

княжествах, Сербии и Греции (с 1830 года независимой). Кроме того, Россия прочно утвердилась на всем побережье Черного моря: на береговой линии от Анапы до Поти строились укрепления и размещались русские гарнизоны.

Туркманчайский (1828) и Адрианопольский (1829) мирные договоры, а затем и заключение Ункяр-Искелессийского соглашения 1833 года – всё это были шаги постепенного укрепления позиций России на Балканах, в Закавказье, на Чёрном море и в районе Проливов. Именно эти внешне-политические успехи позволили России занять ведущее положение в составе «европейского концерта». Однако они же составили и предмет зависти со стороны союзников, заставив европейскую дипломатию направить свои усилия на скорейшую дезавуацию русско-турецких соглашений. Во многом именно эти международные акты стали объектом дипломатической борьбы между Россией и европейскими державами, которая особенно обострилась в 30-х – 40-х гг. XIX века, а в начале 50-х гг. привела к военному противостоянию держав. [Кудрявцева 2017: 12, 13]

Важную роль в условиях разгоравшегося соперничества приобретала оперативность получения в Санкт-Петербурге сообщений от российской дипломатической службы в Архипелаге. Учитывая отчасти островное положение греческого государства достичь этого в Средиземноморском бассейне можно было лишь морским путем. Суда для этой цели, помимо обладания хорошими ходовыми качествами, должны были нести и достаточное вооружение для защиты от возможного нападения.

В связи с данными обстоятельствами командующий отрядом российских судов в Греческих водах вице-адмирал П. И. Рикорд 2 июля 1833 года предписал командирам бригав «Аякс» капитан-лейтенанту М. А. Лаврову и «Парис» лейтенанту П. П. Тыринову оставаться в Греции и поступить в распоряжение российского министра Г. А. Катакази, возглавившего миссию в Афинах. Капитан-лейтенант Лавров, оставленный за старшего, получил главную инструкцию за подписью Рикорда:

«Предмет пребывания вашего с бригами в Греческих водах состоит в двух главнейших обязанностях: а). исполнять поручения Г. Министра по корреспонденции вверенной ему в Греции миссии и б). быть в случае

надобности, по сношению Его Превосходительства, в распоряжении Греческого Королевского Регентства...»

Помимо доставки без «малейшего замедления» различных депеш инструкции предусматривали также преследование «морских разбойников», охрану русских купеческих судов, либо освобождение их от пиратов. Какие-либо самостоятельные контакты командиров бригаов с местными властями инструкцией не допускались, любое взаимодействие с ними необходимо было осуществлять только через российскую миссию.

Основным пунктом предписанных офицерам правил поведения в заграничных водах вице-адмирал Рикорд указал сохранение чести и достоинства Российского флага и Российской державы.

На смену бригам «Аякс» и «Парис» впоследствии приходили другие военные суда российского флота. Они также выполняли функции охраны «Греческого Королевского Регентства» и российской дипломатической миссии в Афинах. Такой порядок сохранялся фактически до начала Крымской войны накануне которой Турция запретила проход российских военных судов через Проливы. [Гребенщикова 2017: 368, 370, 371]

Ниже в таблице приведен перечень и основные данные судов, находившихся в разные годы в распоряжении русского посланника в Греции.

№	Тип, название	Год спуска на воду и место постройки	Вооружение	Размерения в метрах (длина, ширина, осадка)	Нахождение в Архипелаге в распоряжении русского посланника в Греции	Дальнейшая судьба
1	Бриг «Аякс»	1829 г. Санкт-Петербург	20 пушек	30,12 × 9,35 × 3,86	1833 – 1834 г.	В 1834 г. перешел из Архипелага в Севастополь
2	Бриг «Парис»	1829 г. Санкт-Петербург	20 пушек	30,12 × 9,35 × 3,86	1833 – 1834 г.	В 1834 г. перешел из Архипелага в Севастополь
3	Бриг «Фемистокл»	1833 г. Николаев	18 пушек	29,6 × 9,15 × 4,6	1834 – 1835, 1837 г.	31 мая 1838 г во время шторма разбился недалеко от устья р. Туапсе
4	Бриг «Ахиллес»	1819 г. Свеаборг	16 пушек	27,13 × 6,1 × 3,48	1835 – 1837 гг.	Разобран в Николаеве после 1857 г.

№	Тип, название	Год спуска на воду и место постройки	Вооружение	Размерения в метрах (длина, ширина, осадка)	Нахождение в Архипелаге в распоряжении русского посланника в Греции	Дальнейшая судьба
5	Шхуна «Гонец»	1835 г. Николаев	16 пушек	30,2 × 7,8	1835 – 1836 г.	Затоплена в Севастополе в 1855 г.
6	Бриг «Телемак»	1828 г. Санкт-Петербург	20 пушек		1837 – 1838 г.	Разобран в Севастополе в 1852 г.
7	Шхуна «Вестовой»	1835 г. Николаев	12/14 пушек	27,1 × 7,6 × 4,3	1838 – 1839 г.	Разобрана в Севастополе в 1850 г.
8	Бриг «Эндимион»	1839 г. Николаев	12 пушек	27,9 × 8,9 × 3,6	1839 – 1841 г.	27 августа 1855 г. затоплен в Севастополе. Поднят 6 марта 1859 г. и введен в состав судов флота.
9	Шхуна «Ласточка»	1838 г. Николаев	16 пушек	30,2 × 7,8	1841 – 1842 г.	Затоплена в Севастополе в 1854 г.
10	Корвет «Пилад»	1840 г. Николаев	20 пушек	46,3 × 12,2	1841 – 1842, 1850 – 1851 г.	Затоплен в Севастополе 14 декабря 1854 г.
11	Бриг «Паламед»	1839 г. Николаев	18 пушек	30,8 × 9,75 × 4,2	1842 – 1843 г.	13 января 1842 г. выброшен на берег и разбит в Новороссийске
12	Корвет «Андромаха»	1841 Николаев	18 пушек	36,6 × 11,4	1842 – 1843 г.	Затоплен в Севастополе 27 августа 1855 г.
13	Шхуна «Вестник»	1841 г. Николаев	12 пушек	29 × 7,3 × 3,1	1843, 1844, 1846, 1847 гг.	22 декабря 1847 г. выскочила на камни у Тарханкута и была разбита
14	Бриг «Персей»	1840 г. Николаев	16 пушек	32 × 10,15 × 4,1	1843, 1844, 1851 – 1854 гг.	Продан в Заре в 1854 г.
15	Корвет «Менелай» (с 1846 г. «Оливуца»)	1841 Севастополь	20 пушек	39,3 × 10,8 × 3,3	1844 – 1846 гг.	В 1846 переведен из Черноморского в Балтийский флот. Прибыл в Кронштадт 23 июня 1846 г.
16	Бриг «Фемистокл»	1839 г. Николаев	16 пушек	32 × 10,15 × 4,1	1847 – ? гг.	27 августа 1855 г. затоплен в Севастополе. Впоследствии поднят и продан на слом.

№	Тип, название	Год спуска на воду и место постройки	Вооружение	Размерения в метрах (длина, ширина, осадка)	Нахождение в Архипелаге в распоряжении русского посланника в Греции	Дальнейшая судьба
17	Бриг «Эней»	1842 г. Николаев	12/16 пушек	32 × 10,15 × 4,1	1844 – 1849, 1850 – 1851 г.	27 августа 1855 г. затоплен в Севастополе. Поднят 14 августа 1859 г. и введен в состав судов флота.
18	Бриг «Птоломей»	1845 г. Николаев	18 пушек	30,8 × 9,75 × 4,2	1850 – 1851 г.	Затонул от полученных при бомбардировке пробоин в 1855 г. в Севастополе. Поднят 4 января 1859 г. и введен в состав судов флота.
19	Бриг «Орфей»	1845 Севастополь	16 пушек	33,5 × 10,7	1847 – 1848, 1852 – 1853 г.	Продан в Триесте в 1853 г.
20	Бриг «Язон»	1850 Севастополь	12 пушек	31,7 × 9,3	1850 – 1851 г.	27 августа 1855 г. затоплен в Севастополе. Поднят 14 мая 1857 г. и введен в состав судов флота.
21	Корвет «Ариадна»	1851 Севастополь	20 пушек	38,2 × 10,7 × 3,8	1852 – 1853 гг.	Продан в Триесте в 1853 году

В приведенном списке наибольший интерес для исследователей истории Черноморского флота может представлять 12-пушечная (по другим данным – 14-пушечная) шхуна «Вестник», спущенная на воду в Николаеве в 1841 году. Согласно документам РГАВМФ полное определение типа данного судна – шхуна-бриг. Данное наименование обусловлено его парусным вооружением – судно имело фок-мачту с прямыми парусами, а грот-мачту – с гафельным парусом. Шхуна-бриг «Вестник» являлось единственным военным судном с данным типом парусного вооружения, построенном в XIX веке для Черноморского флота.

В отличие от большинства судов из списка, завершивших свою жизнь на разборке, либо затопленных в Севастополе во время Крымской войны, «Вестник» погиб в результате крушения. Причем разбилась шхуна-бриг

у полуострова Тарханкут возвращаясь в Севастополь из Архипелага. [Широкоград 2007: 168, 169, 326, 327, 351, 352, 353, 355, 356]

Таким образом, остатки шхуны-брига могут представлять историческую ценность не только как уникальный образец судостроения, но и как материальный комплекс, имеющий прямое отношение к русской дипломатической миссии в Греции.

Современные средства подводного поиска позволяют уверенно локализовать место крушения шхуны-брига «Вестник», разбитого волнами на небольшой глубине около берега. Конечно, можно предположить, что за минувшее с момента крушения время обломки судна оказались перекрыты значительным слоем песка и камней. Полевые исследования, которые мы надеемся провести при поддержке Севастопольского государственного университета в рамках совместной экспедиции, смогут дать точный ответ на этот вопрос.

Библиография:

ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Морское сражение под Наварином: причины и следствия. Остров. — СПб., 2017.

ЗЕЛЕНЕВ Е.И., ЗЕЛЕНЕВА И.В. Восточный вопрос во внешней политике Николая I: геополитический аспект. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 2. — СПб., 2005.

КУДРЯВЦЕВА Е.П. Внешнеполитические успехи и поражения Николая I (по воспоминаниям современников). Вестник МГИМО-Университета. — Москва., 2017.

ШИРОКОГРАД А.Б. 200 лет парусного флота России. Вече. — Москва., 2007.

Иванов А. В.

**ГОРОД ЧУРЧ И ПРОЛИВ АНДАЛ.
БУХТЫ СЕВАСТОПОЛЯ
И ГЕРАКЛЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
КРЫМА К РОССИИ.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ
И ТОПОНИМИКА.**

Ivanov A.

The Town Churuch and the Andal Strait.
The Bays of Sevastopol and the Heracles Peninsula
on the Eve of the Connection of Crimea to Russia.
Historical Topography and Toponymy.

После угасания Херсона как городского центра заселенность Гераклейского полуострова и прилежащего к Севастопольской бухте побережья оставалась весьма незначительной, быстрая и практическая полная смена населения, последовавшая в последней четверти XVIII в. стали причиной скудости документально зафиксированной исторической и географической информации о регионе. Здесь практически не сохранилась традиционная топонимика, у некоторых авторов даже сложилось впечатление что «Современные жители татары даже как будто обегали берегов этой дивной гавани» (Головачев 1872:74) или «Нам кажется, что татары всегда имели какое-то непонятное предубеждение к Трахейскому или Херсонесскому полуострову и старались не говорить о нем ни слова» (Кондараки 1883: 97).

Авторами XVII-XVIII вв. приводится несколько вариантов географической номенклатуры побережья рассматриваемого района. Э. Челеби указывает названия пяти заливов: Авлута, Хамамлы, Сулуджа,

Улу, Бахчели, Чоргуне указывая, что всего их в этой местности 19. (Челеби 1999:29).

Российский дипломат П. А. Толстой, составивший географический обзор побережья Черного моря, между Козловом (совр. Евпаторией) и Балаклавой указывает гавань Томе (очевидно в устье р. Бельбек), и далее «суть порты один другого в близости» Риматус, Хахамсон, Азлем Лиман, Сорсонакадилиман, Рурфара, Авлитам, Ангиара мыс Фанарский и мыс Фалагокия, и отдельно упоминает порт Сиарсаны т.е. Херсон (Толстой 2006: 96-97).

Свой вариант географической номенклатуры побережья приводит Пейсонель (Peyssonnel 1765: 91-93), указывая следующие пункты: мыс Poruosus, одноименный ему залив Sinus Poruosus (очевидно Севастопольский рейд), его южное побережье известно как Беш – Лиман (Beche-Liman), где имеется пять портов (или гаваней, Ports), мыс Cap de Felenk-Vournou, за ним мыс Криуметапон «образованный горами Балаклавы», расположенные за ним порты Avlita и собственно Baly-Klava, и далее point d'Aia «который и есть подлинный Криуметапон».

В сочинении рабби Азария упоминаются гавани Авлита и Цорцона как места стоянки кораблей османской эскадры в 1777 г. (Ахиезер 2015: 151-152).

Остатки «дороссийской» топонимики зафиксировал П. С. Паллас посетивший Севастополь (точнее Ахтиар) в 1794 г. Согласно его сообщению главная бухта или рейд, прежде именовалась Кади-лиман, ее верховья – Авлита или Авлинта. Одновременно топоним Авлита исследователь зафиксировал для совр. Килен – бухты. Топоним Южная бухта уже вошел в употребление, однако бытовавшее ранее название Карталы – Кош еще не был окончательно забыто, как и топоним Чурчун применительно к Херсонесской (Карантинной) бухте. Для бухт лежащих западнее Паллас указывает уже вошедшие в употребление русские названия вплоть до западного рукава совр. б. Двойной (Казачьей) – бухты Фанари и соответственно мыса Фанарь (совр. м. Херсонес) (Паллас 1999: 36-38).

Анонимный автор, описывая ситуацию рубежа 70-80 гг. XVIII в. для Севастопольского рейда приводит топоним «Корсунский сиват» и сужает

использование топонимов Чабан – Лимен до акватории совр. Южной бухты, а Кади-Лимен совр. Артиллерийской бухты (Отрывки 1852: 33-36).

Карты, составленные российскими гидрографами и топографами в 70-80 гг. XVIII в. так же не демонстрируют особого богатства объектов и топонимов, как справедливо отмечено в сочинении Головачева «Все бухты вдающиеся в Южный берег Инкерманского залива не получили тогда еще определенных названий, которых по этому и не находится на карте Клокачева – и долго еще в последствие они носили их по только по преданию» (Головачев 1872: 72)¹.

Несколько не встречающихся в других источниках топонимов на ЮЗ побережье Гераклейского полуострова между мысами Херсонес и Фиолент присутствует на генеральной карте Крыма Ф. Черного 1790 г. – м. Корсунский (Херсонес), м. Читал-Чашме, м. Самарчин, м. Тюс – Каябаш и гавань Атраг – локализованы в р-не. совр. Маячного полуострова, на полпути к м. Фиолент поименован м. Кизил-Чегер, для м. Фиолент приводится также топоним м. Арак(?)ил.

Анонимная карта Ахтиарского залива, датируемая 1777 г.² также фиксирует ряд примечательных объектов и топонимов, современная б. Песочная фигурирует на ней в качестве залива Акдал, что хорошо корреспондируется с документами связанными с расследованием гибели палубного бота «Курьер»³ (Соколов 1855: 24), для Южной бухты указан топоним

¹ Есть основания полагать, что все же была предпринята не слишком настойчивая попытка директивно ввести некую номенклатуру названий бухт, свидетельством чему план «Севастопольской крепости и ее окрестностей» сер. 80гг. заверенный подписью кн. Г. Потемкина (РГВИА, где фигурируют Хотинский залив (совр. Килен-бухта), Госпитальный залив (б. Корабельная), Большой залив (б. Южная) и Херсонесский залив (б. Карантинная). Не вошла в общее употребление и «номерная» номенклатура севастопольских бухт (План Ахтиарской гавани...РГВИА ф. 846оп.16д.- 23549, Карта морская аккуратная специальная...1783г. РГВИА, ф. 846, оп. 16. -23552, Головачев 1872:87), уже к сер. 90гг. XVIII в. карты и планы фиксируют в основном сформировавшуюся топонимию, сохраняющуюся в употреблении до настоящего времени.

² Карта Черного и Азовского морей, план Ахтиарской бухты и Балаклавского залива. РГАВМФ. Фонд 315, Опись 2, Ед.Хр.232.

³ РГАВМФ ф. 1145, оп.1, ед. хр. 103.

«Ходы лиман» (очевидно искаженное Кади-Лиман)⁴, гавань «Аулта» соответствует совр. Килен – бухте.

На карте пп. Патрушева присутствуют единичные топонимы для элементов ландшафта не связанных с побережьем и акваториями бухт: «балка Саркерман» – совр. Карантинная балка, расположенные на Северной стороне Сухарная и Графская балки соответственно «Плеитепе(?)» и «Кубдере», естественная восточная граница Гераклеийского п-ва. – долина между кряжем Сапун – горы и Федюхиными высотами поименована «Актопрак»⁵.

Городище Херсонеса авторы карт 70-80 гг. XVIII в. локализуют вполне уверенно и если позволяет масштаб с большей или меньшей достоверностью передают абрис городских стен. Наряду с «академическим» Херсоном ряд карт и документов фиксирует бытовавший в среде местного населения топоним «Чурч» и производные от него, и соответственно прилежащую к нему Чурчийскую гавань (Штрандман 1884: 68, Прозоровский 2004: 565)⁶. Территория городища находилось в сфере хозяйственных интересов жителей деревни Карань, с преимущественно греческим населением. Им принадлежали располагавшиеся на территории городища кошары и, вероятно, небольшая верфь на берегу Херсонесской (Карантинной) бухты, где подчиненные Д.Н. Сенявина обнаружили на стапелях четыре незаконченных постройкой каботажных судна (Арцымович 1855: 132-133).

Деревню Ахтиар общепринято рассматривать как единственное поселение существовавшее на берегах Ахтиарской гавани в посл. четв. XVIII в.⁷ По свидетельству капитана 1 ранга И. Одинцова по прибытии кораблей его

⁴ В переписке адм. Ф. Клокачева и гр. Чернышева (Материалы для истории...1876: 526) топоним фигурирует как «гавань Ходалитасы», очевидно при подготовке текста к печати возникли проблемы с чтением скорописи XVIIIв.

⁵ План в Крымском полуострове Ахтиарской гавани..... пп. А. Патрушева РГВИА ф.846, оп.16, д. 23569.

⁶ РГВИА ф.846, оп.16, д. 23569; РГВИА ф. 846, оп.16, д.23681; РГАВМФ, ф. 1145, оп.1, ед. хр. 103.

⁷ От внимания, как современников, так и современных авторов как правило, ускользает Инкерман, тема статуса и состояния этого довольно значительного поселения на протяжении XVIIIв. требует отдельного исследования.

отряда он находит Ахтиар уже заброшенным (Головачев 1872, С. 74), однако следующим 1784 г. датируется прошение жителей поселения о предоставлении им компенсации и в дальнейшем возможности выезда из Крыма ввиду разорения матросами их жилищ. На картах рубежа 70-80 гг. XVIII в. отражающих ситуацию хронологически предшествовавшей основанию Севастополя в удалении от бухты по окраинам Гераклейского п-ва. отмечены четыре поселения, обозначенных как хутора, располагавшихся в верховьях Сарандинакиной балки, Докового оврага, Килен – балки и в западной части Сапун-горского плато⁸. Вариант карты Берсенева 1783 г.⁹ фиксирует постройки, колодцы, «скотские загоны» участки возделанной земли при верховье совр. б. Соленой (рукав Казачьей), на восточном берегу совр. б. Камышевой, возделанные участки при колодцах определяемые как «сад» в верховье б. Круглой и на западном берегу б. Стрелецкой.

Любопытным и весьма информативным источником следует признать относительно более позднюю турецкую карту Крыма, изданную в Стамбуле в 1854 г. (Dogru, 1987, р. 67-141). Будучи выполненной в традициях картографии раннего нового времени карта выглядит для середины XIX в. весьма архаично и явно имеет ранний прототип (рис. 1), абрис берегов полуострова на ней напоминает карты Долгорукова 1771, Кинсбергера 1776 и Прозоровского 1777 г. Карта сочетает реалии российского присутствия в регионе, отмечены постройки Севастополя – 30. Donanma içi yeni şehir¹⁰, северное укрепление – 5. Generalyahsı kalesi, с явными анахронизмами, как показанной в качестве существующего поселения д. Ахтиар – 6. Akdiyarköyü и фиксирует топографическую ситуацию явно более раннего времени, большинство топонимов в других источниках не фигурирует.

Объекты и топонимы зафиксированные на побережье: 1. Yiltiga – объект (выходящая к морю долина?) к северу от м. Толстый; 4. Olüye Limanı veya

⁸ РГВИА ф.84, оп.16, д. 23569.

⁹ РГВИА ф.46оп.16, 23549.

¹⁰ Номера объектов даны по нумерации турецкого исследователя М. Догру, выполнившего транслитерацию с арабской графики на современную турецкую латиницу (Dogru 1983: 108, 111), подписи к объектам 36, 40, 41 ему почесть не удалось.

Siaſtopol limanı – совр. Севастопольский рейд; 26. Terelimanı – совр. б. Стрелецкая; 27. Yıltığa ve Karawulhane – некий пункт с караульным помещением (Карантин?); 28. Cırcıyalımanı – совр. б. Карантинная; 31. Oltıye limanı – совр. б. Южная; 35. Sualacak liman – совр. Килен бухта; 74. Sultanday limanı- совр. б. Двойная; 76. Menar – херсонесский маяк?; 84. Feltek burnu – совр. м. Феолент; 86. Ayana burnu nam diğer fener burnu – совр. р- н. совр м. Кая-Баши; 87. Fenar-р-н. совр. м. Мыти-Лено и нижнее течение р.Черной – 42. Nehirkazıklıözil.

Удаленные от моря территории Гераклеяского полуострова выглядят на карте достаточно освоенными, помимо известных деревень Карань – 81. Kıran и Кадыкой – 82. Kadıköyü здесь указаны довольно многочисленные поселения: 37. Akırmanköyü; 39. Meskomya; 73. Tuzlaköyü; 75. Şahkerman; 77. Sarıkerman; 79. Kreta; 80. Kilise köyü; 83. Yeniköy. Не вполне очевидна идентификация объектов 29 и 33 обозначенных как Kışlalar, что может обозначать как хутора так и казармы. Требуется объяснения, что эти поселения не фигурируют как в фискальных документах Османского времени, так и Камеральном описании Крыма бар. Игельстрома.

Помимо поселений на карте зафиксированы объекты хозяйственной деятельности: разработки мыльной глины – 78. Sabunye kaleleri, соляные промыслы- 72. Tuzla, печи, по-видимому предназначавшиеся для выжигания известняков- 32. Furunlar, пастбища – 38. Otar.

Важное место в историографии основания Севастополя занимает вопрос о строительстве первых русских укреплений на берегах Ахтиарской гавани. Каноническая версия событий связывает устройство первых батарей контролирующих вход в бухту с энергичными действиями А.В. Суворова по вытеснению из акватории бухты отряда турецких кораблей под командованием Чаникли Али Паши летом 1778 г. Однако русские батареи контролирующие вход в бухту уже присутствуют на значительно более ранних картах отражающих события кампаний 1771-76 гг.¹¹, батарея устроенная при Ахтиарской гавани также упоминается в запи-

¹¹ Положение Ахтиарской гавани ... с положением постоем российских войск в 1772г. РГВИА. ф. 846, оп. 16 - 2286. – литеры. D, E. – батареи сделанные от россиян в устье Большой Ахтиарской гавани., Аккуратный план положению...1772г. РГДА ф. 192, оп. №15., Карта береговой части....РГВИА ф.846, оп. 16д. 23681.

сках генерал – фельдмаршала Прозоровского в связи с событиями 1773 г. (Прозоровский 2004: 565). Таким образом, устройство батарей контролировавших вход в акваторию Ахтиарской гавани было осуществлено непосредственно после занятия Крыма русскими войсками в 1771-72 гг., после чего они возобновлялись при обострении военно-политической обстановки, пока после учреждения крепости Севастополь, не приобрели характер постоянных укреплений.

Библиография:

- АРЦЫМОВИЧ А.А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин. — Морской сборник. 1855. Т. 16, № 5. с. 157
- АХИЕЗЕР Г. Завоевание Крыма Российской империей глазами караимских хронистов. М. 2014.
- ГОЛОВАЧЕВ В.Ф. История Севастополя как русского порта. От основания до Крымской войны. СПб. 1872.
- КОНДАРАКИ В.Х. В память столетия Крыма. М. 1883.
- Материалы для истории российского флота. СПб. 1876, т. 6.
- Отрывки из записок севастопольского старожила.// Морской сборник. 1852, т. 7, № 1. с. 33-36.
- ПАЛЛАС П.С. Наблюдения сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 гг. М. 1999.
- ПРОЗОРОВСКИЙ А.А. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского 1756-1776. М. 204.
- СОКОЛОВ А.П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота 1713-1853. СПб: 1855,
- ТОЛСТОЙ П.А. Описание черного моря Эгейского архипелага и османского флота. М. 2006.
- ШТРАНДМАН Г.Э. фон Записки. // Русская старина. 1884. Т. 43, № 7 с. 55-86.
- ЧЕЛЕБИ Э. Книга путешествия. Симф. 1999.
- DOGRU M. Kirim ve Maykop'u yer adlarj. // Turk dunyasi arařtirmalari. 1987, № 48 p.67-141.
- PEYSSONNEL C. de Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxin. Published by N.M. Tilliard, Paris, 1765.

Ирхин А.А., Москаленко О.А., Цыганов А.С.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ (1783-2020)

Irkhin A., Moskalenko O., Tsyganov A.

Russian Foreign Policy in the Greater Mediterranean
(1783-2020)

Процесс восстановления российского суверенитета над Крымом в 2014 году актуализировал исторический опыт реализации внешней политики России в Черноморско-Средиземноморском регионе (регионе Большого Средиземноморья): проблемы режима Черноморских проливов, транспортных потоков, вопросы соотношения уровней субъектности региональных и глобальных акторов, регионального баланса сил и места региона в глобальном противостоянии супердержав и другие вопросы регионального развития выходят на повестку дня после 2014 года.

Однако возвращение Крыма вызвало ответные механизмы Запада и его союзников по выстраиванию новой системы «сдерживания» РФ. Так, регулярное пребывание с 2014 года на ротационной основе кораблей США и других стран НАТО в Черном море без нарушения конвенции Монтрё делает черноморско-средиземноморское пространство прифронтальной зоной процессов формирования новой системы международных отношений. Регион становится частью глобальной «Большой игры», где используются как классические методы конкуренции в военно-политической, информационной, экономической, трубопроводной сферах, так и реализуются механизмы «серой зоны», когда конкурирующие субъекты не нарушают международное право и не переходят черту, за которой можно было интерпретировать их действия как внешнюю агрессию, в то же время, их активность подрывает безопасность своего конкурента на грани мира и войны.

Восстановление российского суверенитета над Крымом в 2014 году позволяет вернуть утраченные в 1991 году внешнеполитические позиции в Черноморско-Средиземноморском регионе (ЧСР), что напрямую соотносится с ликвидацией арендного статуса Севастопольской ВМБ и той инфраструктуры базы флота, которую обеспечивает Крымский полуостров. В то же время, более чем 235-летний период присутствия России в системе международных отношений макрорегиона сформировал исторически сложившуюся систему взаимодействия с региональными и глобальными акторами со сложившейся системой союзников и соперников. Данный вектор внешней политики России связан с узлом исторических и геополитических вопросов: Восточный вопрос, проблема режимов Черноморских проливов, Греческий проект, вопрос присутствия России в Средиземноморском регионе и степень контроля над Черноморским бассейном, проблемы реализации Россией собственной цивилизационной миссии в государствах Ближнего и Среднего Востока (традиционной сферы влияния Запада), возможности и ограничители реализации национальных интересов сквозь призму исторического опыта. Одновременно продвижение России в ЧСР порождало страхи элит государств-лидеров Запада – самый абсолютный из них связан с поглощением Россией западной цивилизации в случае получения свободного морского доступа в Средиземноморский регион.

По сути, механизмы «сдерживания» России в данном регионе имеют историческое измерение и будут совершенствоваться Западом в будущем и на долгую историческую перспективу, так как связаны с рядом исторических, психо-исторических, геополитических и цивилизационных комплексов.

Масштабное проникновение России в регион происходит во второй половине XVIII века. Ее пространственное расширение происходило в основном за счет территории Османской империи, которая вошла столетием ранее в череду перманентных кризисов. К периоду второй половины XVIII века в международных отношениях сложилась ситуация, когда Британия и Франция, которые по праву были мировыми державами, сошлись в схватке за мировое лидерство на геополитических пространствах – от Северной и Латинской Америки, Европы и до Юго-

восточной Азии, а региональные державы – Польша, Россия, Османская империя, Пруссия и Австрия – были заняты в основном европейскими делами и встраивались в глобальную конкуренцию Лондона и Парижа. При этом по основным параметрам силы государства Франция имела преимущества над Британией, кроме одного: Лондон к этому времени обладал уже значительной морской силой и был столицей крупнейшего талассократического государства, что давало существенные преимущества в данной конкуренции.

В 1759 году численность населения Британии составляла самое большое 7 млн. человек. Франция имела население около 25 млн. человек, в то время как численность всей Европы равнялась 140 млн. человек, а всего мира – 800 млн. человек. При нормальных обстоятельствах различие в численности населения такого рода между воюющими странами имеет решающее значение. Его часто называют в качестве основной причины победы Севера над Югом в американской гражданской войне. Следовательно, у Франции были лучшие карты в глобальной борьбе. Но только морское могущество открывало дверь в мир значительного увеличения богатства [Маклин 2011: 22].

В период между 1750 и 1780 гг. число кораблей в мировых океанах увеличилось в десять раз. Началась военно-политическая и экономическая гонка империй за освоение океанического пространства. Лидеры великих держав понимали, что в этой гонке выиграет тот, кто возьмет верх и станет самым богатым и могущественным игроком. В середине XVIII века русские мореплаватели на основе работ Беринга и Чирикова приступили к исследованию Алеутских островов. Они вышли на широкие просторы северного бассейна Тихого океана в погоне за тюленями. Однако тихоокеанская геополитика начнется только через двадцать лет, а в 1759 году глобальное столкновение интересов Британии и Франции относилось к трем главным аренам: Северной Америке, Латинской Америке и Индии.

Следовательно, еще одной исторической парадигмой проникновения России в регион Большого Средиземноморья являлся фактор наличия конкурентоспособной морской силы, который государство начало развивать в начале XVIII века. Для Российской империи, как сухопутного

организма, фактор морской силы был не самой сильной стороной ее развития. Однако, подражание сильным и богатым державам Запада манило Россию в мировые океаны.

ЧСР на протяжении более чем двухсот лет является стратегическим для российской внешней политики. В настоящее время в этом регионе сосредоточены 10% мирового населения и 15% глобального ВВП, регион обременен массой исторических противоречий и наделен стратегическими водными коммуникациями: Черноморские проливы, Суэцкий канал, Гибралтарский пролив [Irkhin, Moskalenko 2019].

Проникновение России в регион начинается в конце 1760-х годов. Однако на тот момент у России отсутствовали сухопутные плацдармы в Черноморском регионе, поэтому проникновение шло со стороны Балтики. Данный вектор военно-политической экспансии России был осуществлен при полном содействии Великобритании, которая втягивала Петербург в антифранцузскую коалицию. Сам факт поддержки Британией морской экспансии России является интересным историческим сюжетом, о котором не любят вспоминать, как русские, так и английские историки.

В 1769 году Россия организывает морскую экспедицию из Кронштадта в составе 20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 26 вспомогательных судов, свыше 8 тысяч человек десанта и 17 тысяч общего состава экспедиции. Британцы открыли возможности для вербовки своих опытных моряков и предоставили свои военно-морские базы в Средиземноморье: в Гибралтаре и на Минорке. Кроме того, при содействии Англии было обеспечено пребывание российского флота в Ливорно – главном порту Великого герцогства Тоскана (область современной Италии). Более того, русская эскадра по пути следования останавливалась для ремонта и отдыха на самих Британских островах, что свидетельствует об острой заинтересованности Лондона в России в качестве союзника. Данный поход завершился в 1770 году Чесменской битвой и в итоге разгромом турецкого флота, что имело эффект домино в российско-турецком и английско-французском противостоянии, то есть на региональном и глобальном уровнях.

Присоединение Крыма к России в 1783 году формировало независимую от Британии точку геополитического влияния в регионе для России.

В этот период Екатерина II выступает с инициативной «греческого проекта», который заключался в контролируемом совместно с европейскими державами разделе Османской империи, однако, на этом этапе европейские государства заняли негативную позицию в отношении такой идеи по причине экономических и геополитических интересов. Последние заключались в понимании удобства сдерживания России руками Османской империи. Главной же коммуникационной линией такого сдерживания становятся Босфор и Дарданеллы.

В дальнейшем тема режима Черноморских проливов становится предметом военных и дипломатических столкновений и договоренностей. В целом за описываемый исторический период пребывания России в регионе Большого Средиземноморья существовали четыре модели функционирования Черноморских проливов [Ирхин 2018].

После победы над Наполеоном I начинается новый этап развития России, когда она вошла в концерн великих держав, однако, именно в этот исторический период Британия начинает реализовывать механизмы «сдерживания» России, которые в полной мере реализуются в период Крымской войны 1853-56 гг. и венчаются выдавливанием её из региона на пятнадцать лет по итогам подписанного Парижского мирного договора.

В дальнейшем, играя на противоречиях между европейскими державами, Россия смогла успешно решить проблему международной изоляции, которая существовала 15 лет, воспользовавшись условиями франко-прусской войны в 1870-71 гг., и в одностороннем порядке отменила условия Парижского мирного договора. Начинается возрождение русско-Черноморского флота и города Севастополя. Так, 19 (31) октября Александр Горчаков циркулярной нотой информировал державы, что Россия считает себя свободной от обязательств, запрещавших ей содержать военный флот на Черном море. Впечатление в Европе от одностороннего циркуляра было шоковым. Однако мудрость посленессельродовской дипломатии России заключалась в том, что российский МИД начал использовать британскую методологию, которая заключалась в разыгрывании максимальных противоречий своих конкурентов. В итоге, не сделав ни одного выстрела, не двинув ни одного корабля и ни одного солдата, не затратив

ни одного рубля военных расходов, российская дипломатия в одностороннем порядке заставила Запад пересмотреть итоги Крымской войны. Одна Британия могла что-то возразить, но в условиях перессорившихся столиц континентальной Европы повторение даже тени общеевропейской коалиции времен Крымской войны было невозможно. В одиночку Лондон не решился на резкие действия.

В XX веке Россия (Советский Союз) достигает наибольших масштабов по пребыванию в регионе и отстаиванию своих национальных интересов. С начала 1960-х годов Советский Союз приступил к новому этапу реализации своей военно-морской стратегии, выражающейся в присутствии в важных регионах мира, исходя из защиты своих стратегических, оперативных и экономических интересов. Средиземное море объединяло все три измерения советских интересов. В 1967 году было сформировано первое в истории нашего флота оперативное объединение 5-я эскадра кораблей ВМФ. Эскадра функционировала вплоть до периода дезинтеграции советской державы. Ее задачи сводились к защите государственных интересов, поддержке внешнеполитических решений и акций советского правительства, противодействию 6-му флоту США и других ВМС стран НАТО, поддержке и военной помощи союзникам и дружественным странам. Базировались корабли эскадры в точках якорных стоянок, которые располагались в Египте (Александрия, Порт-Саид, Матрух), Сирии (Латакия, Тартус), Югославии, Алжире и Тунисе. В составе Средиземноморской эскадры в невоенное время находились три-пять атомных подводных лодок, бригада дизельных подводных лодок (8-10 единиц), бригада (8-12 единиц) надводных боевых кораблей океанской зоны действия, отряд десантных кораблей с батальоном морской пехоты на борту, отряд кораблей спецназначения и вспомогательных судов (15-20 единиц). Если происходило обострение на ТВД, эскадра оперативно усиливалась за счет возможностей трех флотов ВМФ СССР – Балтийского, Северного и Черноморского.

Распад СССР меняет глобальную и региональную расстановку сил. Российская Федерация отступает из Средиземноморского региона и стремительно теряет влияние в Черном море. В 1991 году за счет парада суве-

ренитетов бывших союзных республик Россия теряет абсолютную часть некогда доступной береговой линии в Черном море. Американское геополитическое давление продолжилось через окружение России санитарным кордоном из бывших союзных республик через различные интеграционные проекты в рамках экономической и военно-политической экспансии западной цивилизации.

Возвращение Крыма в 2014 году позволило вернуться России к полноценной внешней политике в ЧСР. Однако этот же геополитический шаг открыл, наряду с возникшими возможностями, и систему вызовов. Исторический опыт и геополитическая реальность должны способствовать успешному их разрешению [Irkhin, Moskalenko 2019]. Сквозь исторический опыт необходимо все же отметить, что Россия добивалась успеха в этом регионе, когда главные западные державы были заняты внутренними противоречиями, и терпела поражения, когда они объединялись на антироссийской основе, вытесняя её, как это было в периоды с 1856 по 1871 гг., и фактически с 1991 по 2014 гг. В последнем случае Москва имела очень ограниченные возможности за счет арендного статуса Севастопольской ВМБ.

Библиография:

ИРХИН А. А. Модели функционирования Черноморских проливов 1783-2018 гг. и национальные интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Философия, политология, культурология». 2018. Т. 4 (40). № 3. С. 70-80.

МАКЛИНН Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства — М.: 2011.

IRKHIN A., MOSKALENKO O. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // Geopolitics Quarterly. 2019; № 15(4). P. 110-121.

Катюшин А. Е.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО МЕЖДУ ДВУМЯ ИМПЕРИЯМИ: ШАГИН-ГИРЕЙ НА ПУТИ К БАХЧИСАРАЙСКОМУ ПРЕСТОЛУ

Katyushin A.

The Crimean Khanate between Two Empires: Shahin Girey on the Way to the Throne of Bakhchisaray.

15 марта 1770 г. на заседании Совета при Высочайшем дворе был принят курс на независимость и отделение Крымского ханства от Оттоманской Порты [Дружинина 1955: 109-111; Карасубазарский... 2015: 10-11].

Неприятие крымской элитой статуса независимости собственной державы, во многом серьёзно противоречившим нормам ислама, затрудняло реализацию этого курса [Карасубазарский... 2015: 12-13].

Тем не менее, 1 ноября 1772 г. был подписан Карасубазарский трактат, утверждавший союз и дружбу России и «вольной Крымской области». Этот договор заложил основу для Кючук-Кайнарджийского трактата 21 июля 1774 г., подтвердившего независимость Крымского ханства [Дружинина 1955: 278 сл.; Карасубазарский... 2015: 28-31].

Надежды на то, что сама крымская знать начнёт пользоваться независимостью в том смысле, какой подразумевало правительство Российской империи, не оправдались. Крымскотатарские посланники продолжали прибывать к Блистательной Порте, выражая несогласие с «навязанной независимостью» [Смирнов 1889: 152 и сл.]. Весной 1775 г. на ханский трон сел Девлет-Гирей, ратовавший за полный возврат к прежним отношениям с Турцией. [Смирнов 1889: 157, 158].

При этом значительное количество турок находилось на территории Крымского ханства весной и летом 1775 г. Среди них были как военные, так и гражданские лица [Дубровин 1885: 40-41; 50-51; 55; 68-69; 72-74].

8 марта 1776 г. был издан Высочайший рескрипт о формировании воинских подразделений численностью до тридцати тысяч человек для переброски на граничащие с Крымом и Кубанью территории. Эта вооружённая демонстрация должна была послужить «к убеждению Порты на исполнение невыполненных ещё артикулов мирного трактата и к сокращению всех вообще татар в дерзновенном их супротивлении независимому своему жребию...» [СИРИО 1880: 73-76].

Незадолго до подписания Кючук-Кайнарджийского трактата, на Кубань прибыл Шагин-Гирей, назначенный ещё при Сахиб-Гирее калгой-султаном. К рассматриваемому времени Шагин-Гирей успел побывать при дворе Екатерины II и пожить в разных городах России. Этот татарский чиновник поддерживал идею независимости Крымского ханства и не скрывал своего желания возглавить это государство [Лашков 1886: 51 и сл.; Смирнов 1889: 149].

Русское правительство решило поддержать теперь амбиции Шагин-Гирея, надеясь использовать его в дальнейшем как противовес проискам Порты и Девлет-Гирея [Соловьёв 1897: 1073]. Помощь калге оказывал русский отряд под командованием бригадного генерала И. Ф. Бринка. После смерти ногайского лидера Джан-Мамбет-бея, известного своей преданностью русским, на его место поспешили выдвинуть Шагин-Гирея [ЧОИДР 1886: 79]. В ноябре 1776 г. командующий 2 армией А. А. Прозоровский в ордере Бринку выражал надежду на возможность избрания Шагин-Гирея ханом на Кубани и перехода его в Крым, где его признают Крымским ханом [Дубровин 1885: 141-142].

Между тем Турция постепенно приостановила платежи контрибуции, возобновила назначение крымских кадиев и таможенных чиновников и, в конце концов, потребовала от русского правительства отказаться от независимого статуса Крымского ханства. В ответ на это 23 ноября 1776 г. русские войска заняли Перекоп [Дружинина 1955: 322-323].

Примерно в это же время Турции была предъявлена нота, в которой перечислялись претензии России к Порте, и разосланы «объявления», декларировавшие миролюбивое отношение Российской империи к населению Крыма и приверженность трактату 1772 г. [Дружинина 1955: 324; ЧОИДР 1886: 99-101].

С момента занятия Перекопа русской армией поздней осенью 1776 г. возшла звезда Шагин-Гирея как крымского хана. П.А. Румянцев-Задунайский приказывал Бринку поддерживать калгу в его стремлениях к власти и присовокуплял, «что на занятие Перекопа должен калга взирать, как на соделание ему пути и в Крым» [ЧОИДР 1886: 103].

Однако на «пути в Крым» имелись серьёзные трудности. Во-первых, правовой обычай крымских татар никак не подразумевал, что факт утверждения хана ногайскими племенами является законной причиной перехода власти этого правителя на всё ханство [Смирнов 1889: 166]. Во-вторых, и на Кубани позиции Шагин-Гирея были сильны лишь постольку, поскольку рядом с ним находились русские войска [Дубровин 1885: 126-127]. В-третьих, перед Керченским проливом стояли крепости с враждебными гарнизонами.

С приближением русских войск среди крымской знати воцарились взаимное недоверие и растерянность [Смирнов 1889: 164-165]. На территории Крымского полуострова оставалось множество протурецки настроенных людей, но их общую позицию вряд ли можно назвать консолидированной. Действия Шагин-Гирея на Кубани, поддерживаемые русскими войсками, были, без сомнения, более последовательными и целенаправленными.

Однако и у русского командования, руководившего операцией по защите и продвижению Шагин-Гирея на ханский трон, имелся ряд специфических проблем. Екатерина II, демонстрировавшая европейским государям миролюбивый характер российской внешней политики и непоколебимую верность Кючук-Кайнарджийскому трактату, предпочитала действовать скорее внушением, чем силой. Войскам предписывалось обходиться с татарами «...не употребляя... оружия... ласково, платя за всё наличными деньгами...» [ЧОИДР 1886: 104]. Прозоровский не мог свободно маневрировать своими отрядами вглубь полуострова и оказывать давление на партию Девлет-Гирея непосредственно. Инициатива продвижения в Бахчисарай должна была исходить лично от Шагин-Гирея.

Шагин-Гирей и Бринк в первой половине января 1777 г. мирно заняли крепость Ачу в дельте Кубани. Жители Ачу принесли присягу Шагин-Гирею как хану [Дубровин 1885: 237-238].

Перед командованием встал вопрос – покорять ли стоявшие на пути к Керченскому проливу крепости Темрюк и Тамань – или обойти их. Было разработано несколько вариантов доставки нового хана в Крым. В том числе рассматривался путь через Северное Приазовье, откуда потом можно было перевести Шагин-Гирея на полуостров с севера [Дубровин 1885: 271].

23 января 1777 г. Шагин-Гирей штурмовал Темрюк и потерпел поражение. Девлет-Гирей по этому случаю прислал Прозоровскому гневное письмо, в котором обвинял русское командование в нарушении мирных соглашений. Прозоровский объяснил, что отвечать за инцидент он не может, поскольку Шагин-Гирей ему не подвластен. И если в этом была часть правды [Смирнов 1889: 167], то, объявив, что Бринк не состоит у него в подчинении, Прозоровский, конечно же, шукавил [Дубровин 1885: 298-300; 301-302].

Казалось, что план дальней дороги через Северное Приазовье и Перекоп стал самым надёжным [Дубровин 1885: 308-313]. Но 30 января Темрюк, при помощи Бринка, был всё-таки взят. Турецкий командир в Тамани, так и не дождавшийся помощи ни от Порты, ни от Девлет-Гирея, сдался [Дубровин 1885: 326-327, 333].

Путь к Керченскому проливу был свободен. Переправившись, калга должен был поступить под охрану коменданта Еникале Н.В. Борзова, откуда переходил в радиус действия войск, находившихся в Арабате, а затем уже шёл на рандеву с самим Прозоровским. Князь планировал к этому моменту выдвинуться из Перекопа в юго-восточном направлении. Маршрут был спланирован так, чтобы пройти на максимальном удалении от Кефе, где оставались турки [Дубровин 1885: 334-337].

К прибытию Шагин-Гирея в Крым было уже всё готово, но он не торопился покидать Кубань. Хан требовал от русских предварительной зачистки Крыма от турок и враждебных татар, а также занятия войсками Кефе и Гёзлёва [Дубровин 1885: 352-356]. Вероятно, Шагин-Гирей опасался стать разменной фигурой в политических играх империй, какой, например, фактически оказался его брат – Сахиб-Гирей, поэтому требовал сверхгарантий.

Всё же, 10 марта 1777 г., фрегат «Почтальон» доставил Шагин-Гирея в Еникале [МИРФ 1877: 496]. Его встреча с Прозоровским состоялась 22 марта [Дубровин 1885: 474, 478].

Девлет-Гирей 29 марта 1777 г. бежал в Балаклаву, откуда вскоре отплыл в Турцию [Дубровин 1885: 482].

21 апреля 1777 г., возле Карасубазара, крымскотатарская знать принесла Шагин-Гирею, как крымскому хану, торжественную присягу [Смирнов 1889: 179-180].

Библиография:

ДРУЖИНИНА Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). — М., 1955.

ДУБРОВИН Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. I. 1775-1777 гг. — СПб., 1885

Карасубазарский трактат 1772 года: сб. док. / сост., ред.: А.В. Мальгин, И.В. Зайцев. — Симферополь, 2015.

ЛАШКОВ Ф.Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан: исторический очерк // Киевская старина. — 1886. № 9. С. 37-80.

МИРФ — Материалы для истории русского флота. Ч. VI. — СПб., 1877.

СИРИО — Сборник Императорского русского исторического общества. Т. XXVII. — Спб., 1880.

СМИРНОВ В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. — Одесса, 1889.

СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времён. Кн. 6. Т. XXVI-XXIX. — СПб., 1897.

ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. I. — М. 1866.

Кладченко О.В.

ТУРЕЦКИЕ ФАЯНСЫ ПОСЕЛЕНИЯ ВОЛНА 12 НА ТАМАНИ*

Kladchenko O.

Turkish Faiences from the Volna 12 Settlement on the Taman Peninsula

Исследование археологических памятников эпохи позднего средневековья – раннего нового времени в последнее время становится все более актуальным благодаря многочисленным раскопкам новых памятников. Один из таких памятников – поселение Волна 12, исследованное в 2013-2015 годах на Таманском полуострове. Поселение площадью 31 га было полностью раскопано и позволяет судить об устройстве не только отдельных жилых и хозяйственных построек, а о жизни целого аула. Аул этот отмечен на картах XVIII и XIX вв., а по найденному археологическому материалу датируется XVII-XIX вв.

Среди найденного на поселении материала есть одна категория находок, хорошо изученная и датированная – полуфаянсовая посуда, производившаяся в Кютахье. Кютахийские полуфаянсы были широко распространены на всей территории османского мира [Lane, 1957: p. 63-65, Миллер, 1972: 173-174; Hayes 1992: 266-268; Гусач:2005: 476-481; Гусач 2006: 133, 134, Гусач, 2012: 115-139]. В отсутствие значительного количества монетного материала фаянсовая посуда является крайне важной для понимания памятника.

Всего на территории памятника было найдено 76 фрагментов фаянсовой посуды и одна целая тарелка.

Самую многочисленную группу составляют сосуды с сине-белой (кобальтовой) росписью (рис. 1, 1-7). К ней относятся 40 фрагментов. Боль-

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы в рамках базовой темы НИР «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени», № гос. регистрации 01201354248.

шинство из них принадлежат кофейным чашечкам колоколовидной или полусферической формы. (рис. 1, 1-6, 8), но есть также и один фрагмент венчика тарелки (рис. 1, 7). Роспись нанесена синей краской по белому фону под прозрачной глазурью, иногда очерчена темно-синим контуром (рис. 1, 4; 1, 2). Краска часто низкого качества, рисунок получается размытым, выходит за контуры. Основные мотивы росписи – это цветы различных видов. Чаще всего на донце располагается крупный стебель с соцветием, заключенный в медальон, а по бортику проходит горизонтальный орнаментальный пояс между двух параллельных линий. У многих изделий нижняя сторона дна украшена двумя концентрическими окружностями (рис. 1, 8). Все эти детали выполнялись в подражание китайскому фарфору династии Мин (1368-1644 гг.). Однако, китайские мотивы в росписи посуды тесно переплетаются с турецкими, такими как овальные соцветия с ресничками по внешнему краю (рис. 1, 7), имитирующие соцветие репейника, а также с подражанием клеймам европейских мастеров. Единственное клеймо, встреченное на чашечках Волны 12 – это имитация клейма мейсенской керамики с двумя перекрещенными мечами (рис. 1, 2, 3, 4) [Миллер, 1972: 168-169]. На одних изделиях марка выполнена более или менее с точностью (рис. 1, 2, 3), на других – небрежно и схематично (рис. 1, 4). Эта группа посуды изготовлена из серовато-белого на изломе, рыхлого материала.

Следующая группа, выделяющаяся среди фаянсовых изделий поселения – это изделия также с сине-белой росписью в подражание китайскому фарфору, но отличающаяся по качеству материала. Черепок на изломе белый. Плотный, поверхность очень хорошего качества. Главный мотив росписи – китайские облака (рис. 1, 9). Такие изделия немногочисленны, в коллекции всего три экземпляра.

Из такого же по качеству фаянса изготовлен найденный в единичном экземпляре поддон кофейной чашечки с полихромной росписью, от которой сохранилась часть цветка в медальоне на внутренней стороне дна. На внешней же, в двух концентрических кругах, выполненных кобальтовой краской, сохранилась часть клейма, вероятно, имитирующего одно из китайских клейм (рис. 2, 1).

В единичных экземплярах найдены также венчик чашечки с зауженным горлом, не украшенной рисунком (рис. 1, 11) (возможно, от нее сохранился участок без росписи, которая могла присутствовать на других частях сосуда) и фрагмент тарелки с сине-бело-бирюзовой росписью (рис. 1, 10).

Значительный процент фаянсовой посуды составляет группа с полихромной росписью (19 экз.) (рис. 2, 2-12). Причем, в отличие от группы с сине-белой росписью, только четыре фрагмента принадлежат кофейным чашечкам (рис. 2, 10, 11), остальные – крупным тарелкам или блюдам. В росписи присутствуют синий, зеленый, коричневый, красный и желтый цвета. Желтый цвет – важный отличительный и датирующий признак. Он был введен в цветовую гамму росписи фаянсовых изделий в Кютахье в XVIII в. [Миллер, 1972: 161]. Полихромный стиль росписи в целом получил распространение в первой половине XVIII в. Орнаментальные мотивы, как и в сине-белой посуде, в основном флористические, но составляющие роспись элементы уже больше турецкие, чем китайские. Встречаются тюльпаны (рис. 2, 4, 5), стилизованные изображения цветов из сгруппированных кружочков. Однако, по-прежнему нередки орнаментальные пояса, заключенные между синих линий по бортику изделий (рис. 2, 10, 11).

Среди рассматриваемого материала выделяется одна целая тарелка с полихромной подглазурной росписью в черных контурах (рис. 2, 12). Тарелка на кольцевом поддоне с сегментовидным туловом и отогнутым наружу бортиком. На внутренней стороне изображен цветок на длинном тонком стебле (роза?), окруженный мелкими стилизованным пятилепестковыми цветками на тонких стеблях с листьями и гирляндой из цветков ириса. Бортик расписан мелкими синими отдельно стоящими цветками, перемежающимися зелеными сдвоенными листьями. На внешней стороне тулова на одинаковом расстоянии друг от друга расположены шесть синих цветов с желтым центром. Глазурь и фаянс низкого качества, черепок на изломе рыхлый, пористый.

Выделяется из этой серии и донце на поддоне крупной тарелки или блюда, расписанное зелеными и белыми ромбами, расположенными в шахматном порядке (рис. 2, 9). В центре белых ромбов вписаны красные точки. Качества фаянса и глазури такое же, как у вышеописанной тарелки.

Немногочисленна группа изделий (всего 4 экземпляра) с черной росписью по бирюзовому фону (рис. 1, 12, 13, 14). По цветовой гамме и характеру росписи [Кверфельдт, 1947: 102] она близка к иранскому фаянсу, однако, черепок на изломе имеет вид идентичный описанным выше экземплярам. Вопрос с ее происхождением остается пока не решенным автором.

Интересно, что несмотря на сельский характер поселения и невысокий в целом уровень жизни его обитателей (так, за все время на поселении найдено всего девять монет, несколько фрагментов бронзовых и стеклянных украшений и три фрагмента бронзовой посуды), они все равно могли позволить себе фаянсовую посуду. Посуда кютахийского производства была относительно недорогой, и в силу этого добиралась даже до таких отдаленных уголков османского мира.

Библиография:

ГУСАЧ И.Р. Турецкие полуфаянсы XVIII в. из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. — Киев, 2005. — С. 476-481.

ГУСАЧ И.Р. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону, 2006. — Вып. 21. — Азов. — С. 127-141.

ГУСАЧ И.Р. Малоазийская поливная керамика XV-XVIII вв. из раскопок в турецкой крепости Азак // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. Тезисы II международной научной конференции (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.). — Ялта 2007 а. — С. 47.

ГУСАЧ И.Р. Расписные полуфаянсы из Изника в турецкой крепости Азов, 2007б. // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. — Вып. II. — Москва-Иерусалим: Изд-во «Мосты культуры/Гешарим». — С. 345-349.

ГУСАЧ И.Р. Кютахийские кофейные чашечки из раскопок крепости Лютик (Сед-Ислам) // Вестник Танаиса. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Перевозчиков. Х. Недвиговка Мясниковского р-на Ростовской обл.: Археологический музей-заповедник «Танаис», 2012. С. 114-139.

КВЕРФЕЛЬДТ Э. К., Керамика Ближнего Востока. — Л. 1947.

КУБЕ А.Н. История фаянса. — Берлин, 1923.

МИЛЛЕР Ю. Художественная керамика Турции. — Л., 1972.

HAYES J.W. Excavations at Saraçhane in İstanbul. The Pottery. // Princeton University Press and Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. — Vol. 2.

LANE A. Later Islamic Pottery. — London, 1957.

Конкин Д. В.

ШЕЙХ МАНСУР И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ В КРЫМУ (КОНЕЦ XVIII В.)*

Konkin D.

Sheikh Mansur and His Followers in Crimea
(End of the 18th Century)

Шейх Мансур – известная, во многом легендарная фигура в отечественной истории. Руководитель народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа, а также религиозный и духовный лидер, мнения и призывы которого нашли широкий отклик среди мусульман кавказского региона и распространились далеко за границы своего времени. Активная деятельность шейха Мансура (1785-1791 гг.) по времени совпала с глобальными геополитическими изменениями в регионе. Российская империя совсем недавно присоединила Крым. Османская Порта была вынуждена согласиться с этим событием, но не оставляла надежд на скорое возвращение полуострова в орбиту своего влияния. Крымскотатарское население в целом продолжало симпатизировать своим единоверцам туркам, но грамотная и квалифицированная внутренняя политика Екатерины II в Крыму удерживала местных жителей от активных выступлений.

В 1787 г. началась очередная русско-турецкая война. Одной из причин конфликта являлось стремление Турции вернуть Крым [Дубровин 1886: 247-248]. В России знали об этих планах и учитывали их при организации внутренней политики и обороны полуострова. Командующий войсками в Крыму М.В. Каховский еще до официального начала русско-турецкой войны стал собирать подробные сведения о намерениях Турции. Полу-

* Публикация выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

ченная информация подтверждала подготовку османов к активным военным действиям. Среди прочего в сентябре 1787 г. поступило донесение от директора феодосийской таможни Х. Туманова, что шейх Мансур, «живущий в Чечне, изгнан чеченцами и прибыл, по приказанию паши в Анапу» [Лашков 1890: 79].

Источники и исследователи подтверждают, что Мансур действительно после неудачных действий в Чечне летом 1787 г. был вынужден уйти за Кубань, а затем по призыву турецкого 3-хбунчужного Косе-паши прибыл в Анапу [Мусаев 2007: 283; Дубровин 1886: 234-236; Дегоев 2013а: 149-150]. К этому времени он уже лишился поддержки значительной части своих последователей [Смирнов 1958: 143-144, 148-150; Дегоев 2013а: 125-127] и стал активно контактировать с представителями турецких властей [Юдин 1914: 223; Дегоев 2013а: 123-124, 147-150], включая центральное османское правительство [Дубровин 1886: 234-236; Смирнов 1958: 144-146, 151-152]. После еще одного периода энергичных боестолкновений осенью 1787 г., в результате которых отряды шейха были полностью разбиты русскими войсками, а сам он был вынужден бежать к туркам в Суджук-кале, наступает период удивительного затишья в деятельности Мансура. Внимательный исследователь событий рассматриваемой эпохи В.В. Дегоев отмечал, что с ноября 1787 г. и вплоть до конца 1789 г. в источниках не находится сколь-нибудь значимых упоминаний о прославленном лидере мусульман Кавказа [Дегоев 2013а: 168-169] и связывал это с потерей авторитета Мансура в связи с военными неудачами и переходом под фактическую опеку Порты [Дегоев 2013б: 69-71]. Возможно, одной из причин такого «забвения» стала подготовка турками в этот период военной операции по захвату Крыма, в которой ключевая роль отводилась как раз шейху Мансуру.

О том, что шейх Мансур собирался совершить поход в Крым, сообщал знаменитый дагестанский историк и просветитель Г. Алькадари в своей хронике «Асари-Дагестан». В частности, он пересказывал содержание письма аварского хана Умахана, в котором аварский правитель ответил отказом на предложение Мансура пойти в Крым «сражаться с русскими» [Алькадари 1929: 104-105]. Некоторые подробности готовившейся операции были

изложены в записке жителя крымской деревни Нейман Абдул Велиши, направленной генералу М.В. Каховскому 20 октября 1787 г. [Лашков 1890: 89-90]. Осведомитель командующего российской армией в Крыму сообщал о дошедшем к нему от «надежных подчиненных...и татар» слухе, что «ныне осенью, а если по неудаче, то неотменно зимой» турки готовились взять Крым. Для этого со стороны Керчи в районе Камыш-Буруна должен был высадиться отряд черкесов и ногайцев во главе с «имамом Мансуром» и еще двумя пашами (в том числе с Косе-пашой – командиром анапской крепости), и в горах даже начали строить лодки, предназначенные для переправы через Керченский пролив. Одновременно со стороны Ахтиара-Севастополя должен был подойти турецкий флот во главе с адмиралом Гуссейн-пашой для высадки еще одного десанта. И якобы Гуссейн-паша даже списался с Мансуром, «чтобы дело иметь в одно время и в один час: одни от Камыш-Буруна, другие от Севастополя...» [там же].

Важной частью такого плана – похода на полуостров разноплеменных мусульманских отрядов во главе с шейхом Мансуром – на которую, конечно, рассчитывали османы, должна была стать поддержка предстоящему вторжению со стороны мусульман Крыма. Для этого необходимо было провести предварительную работу по пропаганде идей Мансура среди крымских жителей. И свидетельства такой деятельности зафиксированы в опубликованных документах.

Правитель Таврической области В.В. Каховский (брат М.В. Каховского) в письмах к начальнику канцелярии Г.А. Потемкина В.С. Попову сообщал, что в самом конце 1787 г. к нему стала поступать информация о распространении среди крымских татар учения шейха Мансура, тиражировании слухов о его чудесах и даже о намерении шейха прибыть в Крым для избавления жителей от русского владычества [Каховский 1877: 289]. Оперативно проведенные розыскные мероприятия привели к поимке турка Ваапа, который накануне под видом купца прибыл в Феодосию из Анапы и, как оказалось, раздавал копии с письмом-воззванием Мансура мусульманскому духовенству и простым жителям Крыма. В ходе допросов выяснилось, что за короткое время Ваап сумел встретиться и передать воззвание значительному числу мусульман по всему Крыму от Евпатории

до Керчи. Всего российской администрацией было задержано более 10 человек, в том числе духовных лиц, причастных к распространению воззвания [Каховский 1877: 289-294].

В конечном итоге каких-либо активных выступлений местных жителей деятельность в Крыму турецкого провокатора Ваапа не вызвала. Равно, как и не состоялись поход шейха Мансура в Крым и высадка турецкого десанта, хотя османский флот у берегов полуострова в течение войны появлялся неоднократно.

Тем не менее кавказские последователи идей шейха Мансура в Крыму все-таки появились. Но не в облике повстанцев и освободителей мусульман от российской власти, а в качестве военнопленных. В 1791 г. в самом конце русско-турецкого конфликта войсками И.В. Гудовича была захвачена османская крепость Анапа. Среди плененных участников анапской кампании оказались соратники шейха Мансура чеченцы Гаджи Гассан и Чеге (Чаге) Витигов, лезгинец Сулейман, ногаец из едичкульской орды Кенч Али Картышев. Поскольку в результате допроса они не признали вины и не были замечены в «злом умысле», Екатерина II, следуя своему принципу «лучше даровать прощение преступнику, нежели наказать невиновного» приказала отправить их в Крым для дальнейшего проживания [РГАДА: 74-74 об.; Александров 1919: 30-31]. Доклады правителя Таврической области С.С. Жегулина Екатерине II о поведении пленников поступали каждые три месяца, в них чиновник сообщал, что «ведут себя добропорядочно и не малейшего покушения к какому-либо злему умыслу за ними не примечено» [Александров: 31].

Сам же Мансур, который также попал в плен под Анапой, как известно, был доставлен в Санкт-Петербург, а затем заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и скончался 13 апреля 1794 г. Что интересно, на вопросы следователя «не внушал ли он когда татарам крымским или ногайским о Шагин-Гирее каких-нибудь предвещаний, не возбуждал ли в них к нему приверженности или противу ево ненависти» отвечал, что «крымских татар и ногайцов никогда не видывал, и с ними никакова знакомства не имел, равно Шагин-Гирея ни его дел не знает» [Мусаев 2007: 292], таким образом, отрицая любые связи с Крымом и его представителями.

Библиография:

АЛЕКСАНДРОВ И. Ф. Шейх имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII в. (По архивным материалам Таврического Губернского Архива) // ИТУАК. — Симферополь, 1919. № 56. С. 1-38.

АЛЬКАДАРИ Г. Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане) / пер. и прим. Али Гасанова. — Махачкала, 1929.

ДЕГОЕВ В. В. Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век). — М., 2013а.

ДЕГОЕВ В. В. Шейх Мансур с расстояния веков // Россия XXI. — М., 2013б. № 5. С. 58-81.

ДУБРОВИН Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. — СПб., 1886.

[КАХОВСКИЙ В. В.] Письмы правителя Таврической области В. В. Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Е. С. князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. — Одесса, 1877. Вып. 10. С. 235-360.

ЛАШКОВ Ф. Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787-1791 г. // ИТУАК. — Симферополь, 1890. № 9. С. 71-98.

МУСАЕВ А. Н. Шейх Мансур. — М., 2007.

РГАДА. Ф. 16 (Разряд XVI). Внутреннее управление. Оп. 1. Д. 965.

СМИРНОВ Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. — М., 1958.

ЮДИН П. Лжепророк Ушурма-ших-Мансур (из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. — М., 1914. № 10. С. 217-228.

Иллюстрации к статье Воронина К.В.

Рис. 1. Богоматерь «Корсунская», 16 век. 28.9 см х 23.4 см х 2.3 см.
Дерево, левкас позолота, темпера.

Рис. 2. Богоматерь «Иерусалимская», около 1411 года. 123.5 см х 90.3 см х 3.2 см. Дерево, левкас, позолота, темпера, гравированный декор по позолоте (цировка).

Иллюстрации к статье О.В. Кладченко

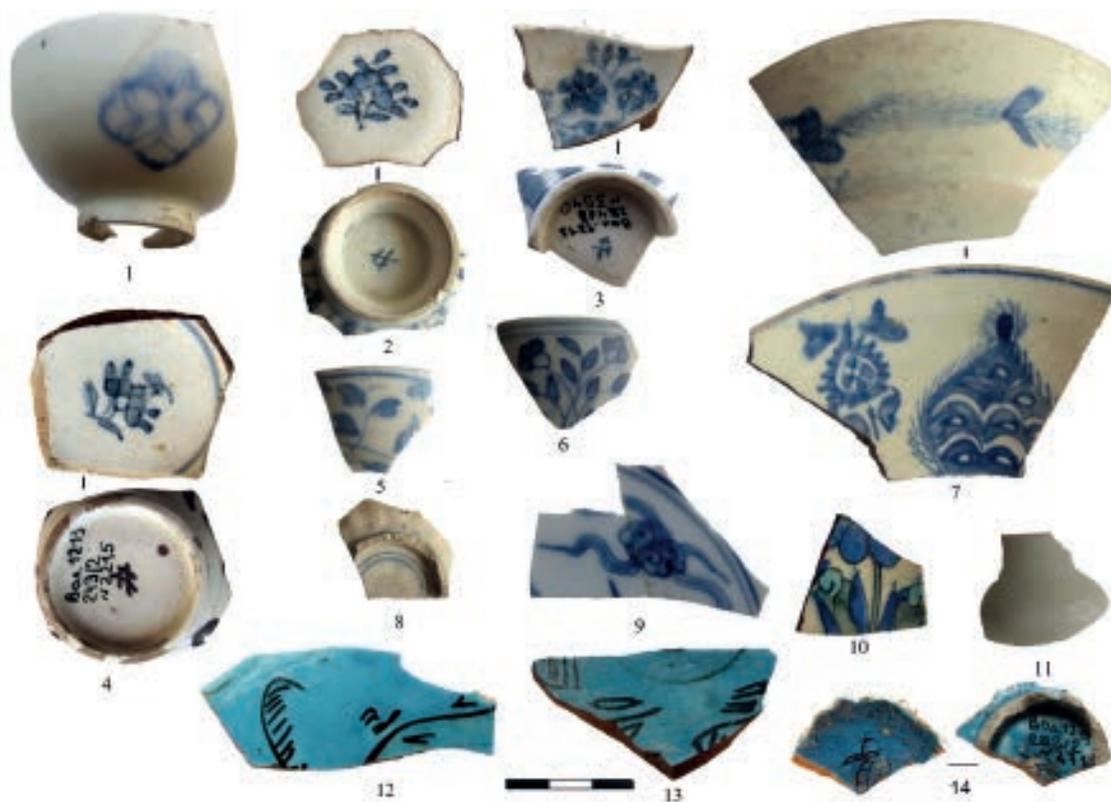

Рис. 1. 1–11 фрагменты фаянсовой посуды из раскопок поселения Волна 12. 2013–2015 гг.

Рис. 2. 1–11 фрагменты фаянсовой посуды; 12 тарелка. Материалы из раскопок поселения Волна 12 2013–2015 гг.

Иллюстрации к статье В.В. Лебединского, Д.Б. Татаркова,
Ю.А. Прониной, В.И. Двухшерстнова

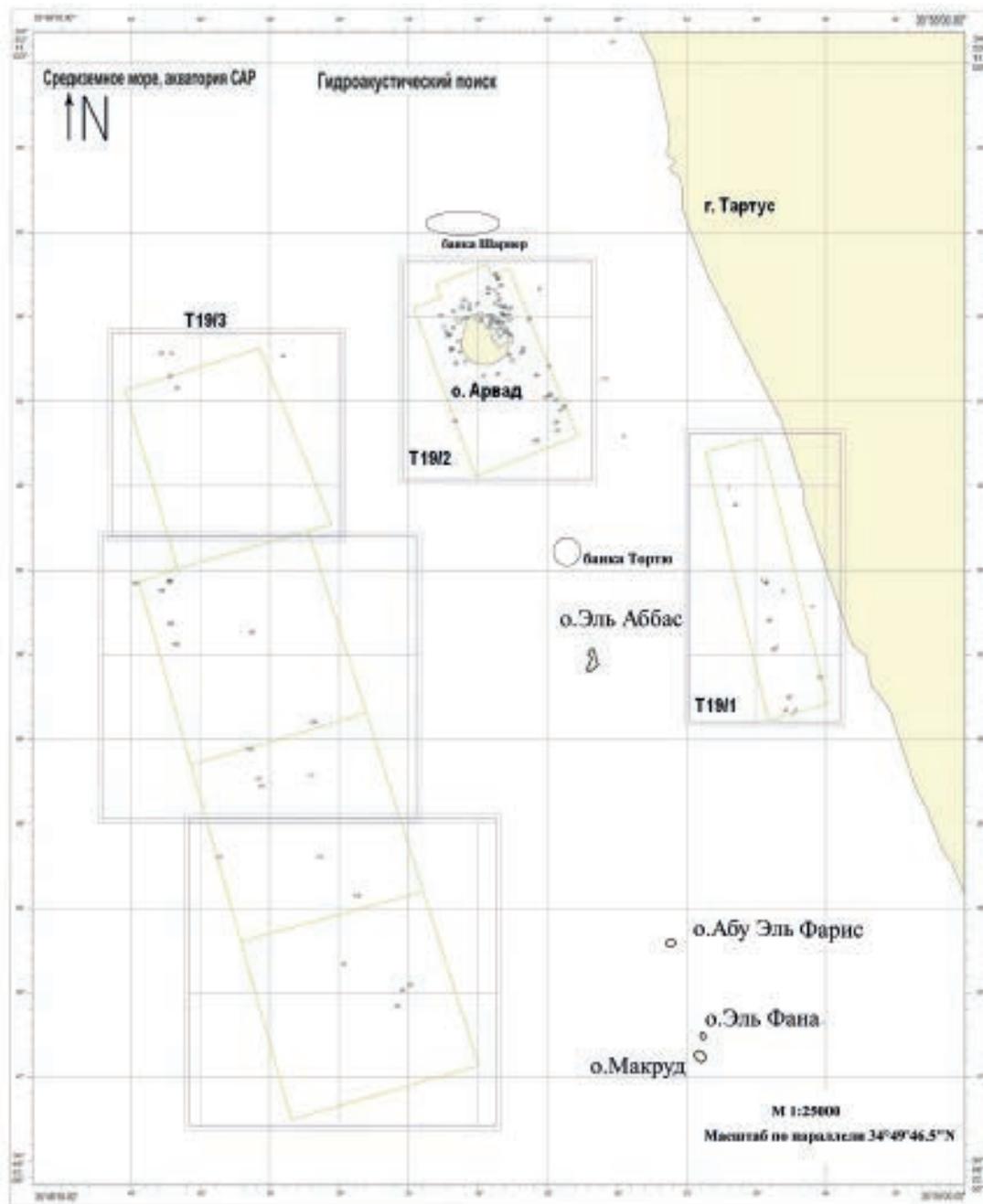

Рис. 1. Общий план с указанием районов исследований 2019 г.

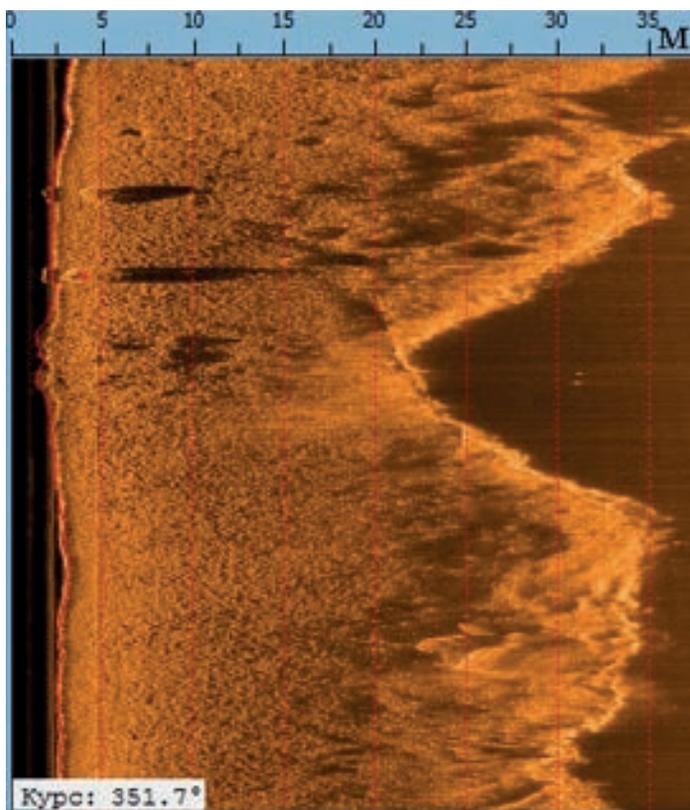

Рис. 2 а. Сонаграмма, каменные блоки

Рис. 2 б. Оборонительные сооружения древнего города-порта Арвад на берегу.

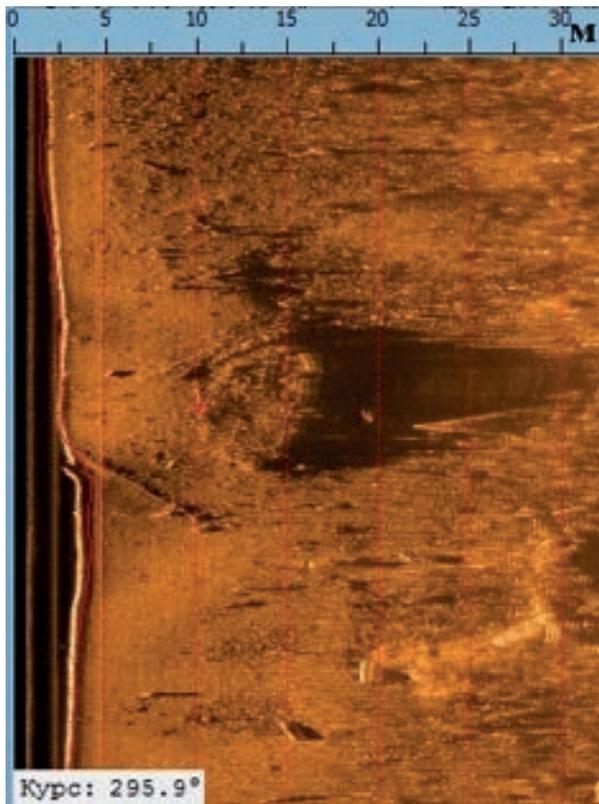

Рис. 3 а.
Сонаграмма, остов судна

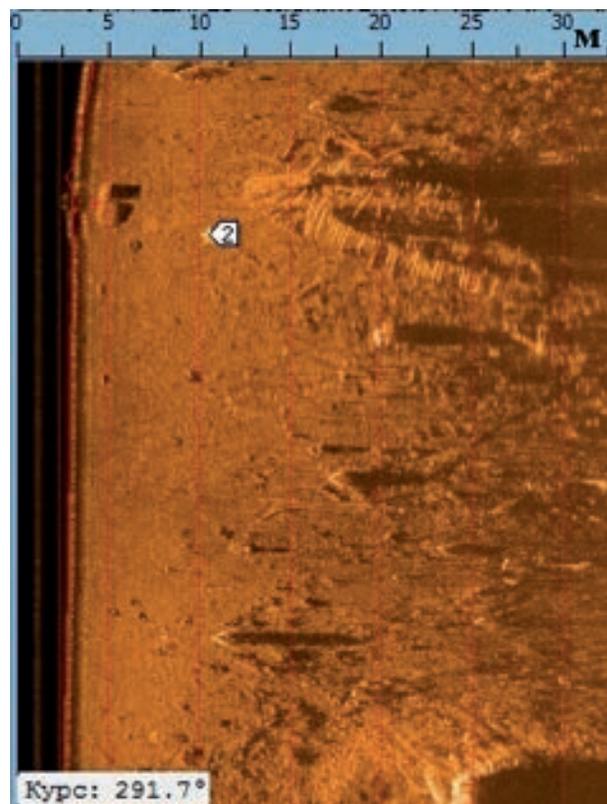

Рис. 3 б.
Сонаграмма, остов судна

Иллюстрации к статье А.В. Манаева

Рис. 1.

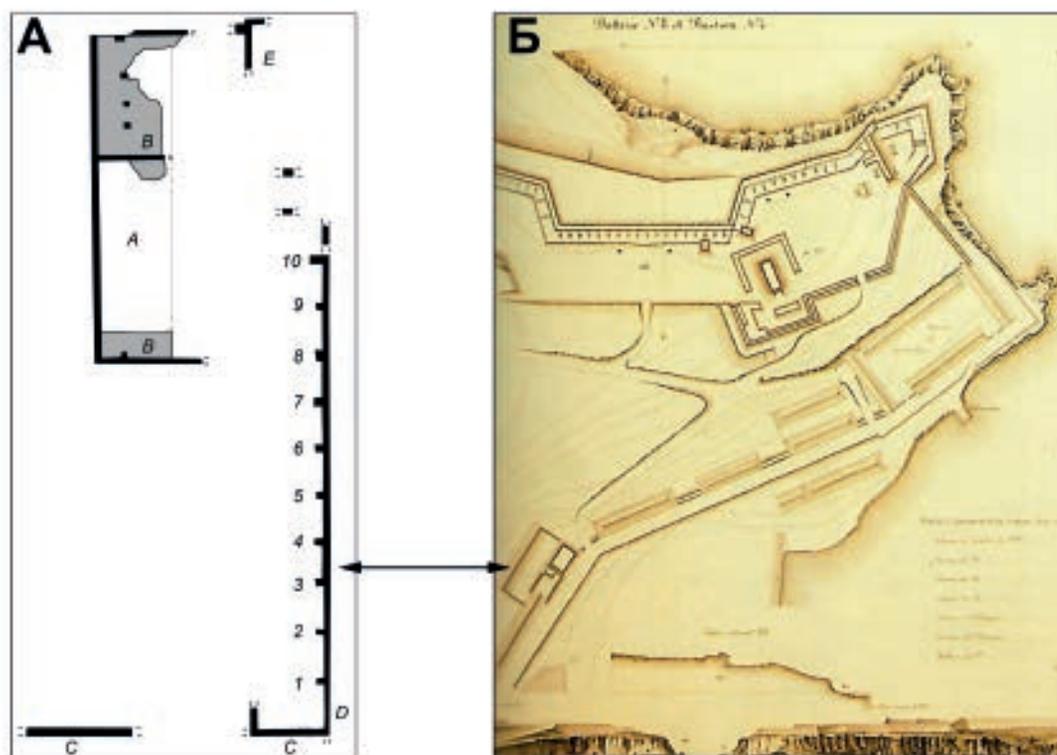

Рис. 2.

Иллюстрации к статье В.Л. Мыца, С.Л. Соловьева

Рис. 1. Малахов курган, 2016 г. 68-фунтовая корабельная бомбическая пушка 1848 г.

Рис. 2. Исторический бульвар, 2019 г. 4-й бастион. Вид с запада

Иллюстрация к статье Д.А. Прохорова

Иллюстрации к статье В.В. Прудникова

Монеты графа Сицилии Рожера I zeno #117979

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #17441

Монеты графа Сицилии Рожера I zeno #197825

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #19138

Монеты графа Сицилии Рожера I zeno #227582

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #19146

Печать Ричарда Принчипата zeno #31363

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #128913

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #43540

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #141911

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #43539

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #157048

Монеты правителя Антиохии Рожера Салернского zeno #43538

Иллюстрация к статье В.Н. Чхаидзе

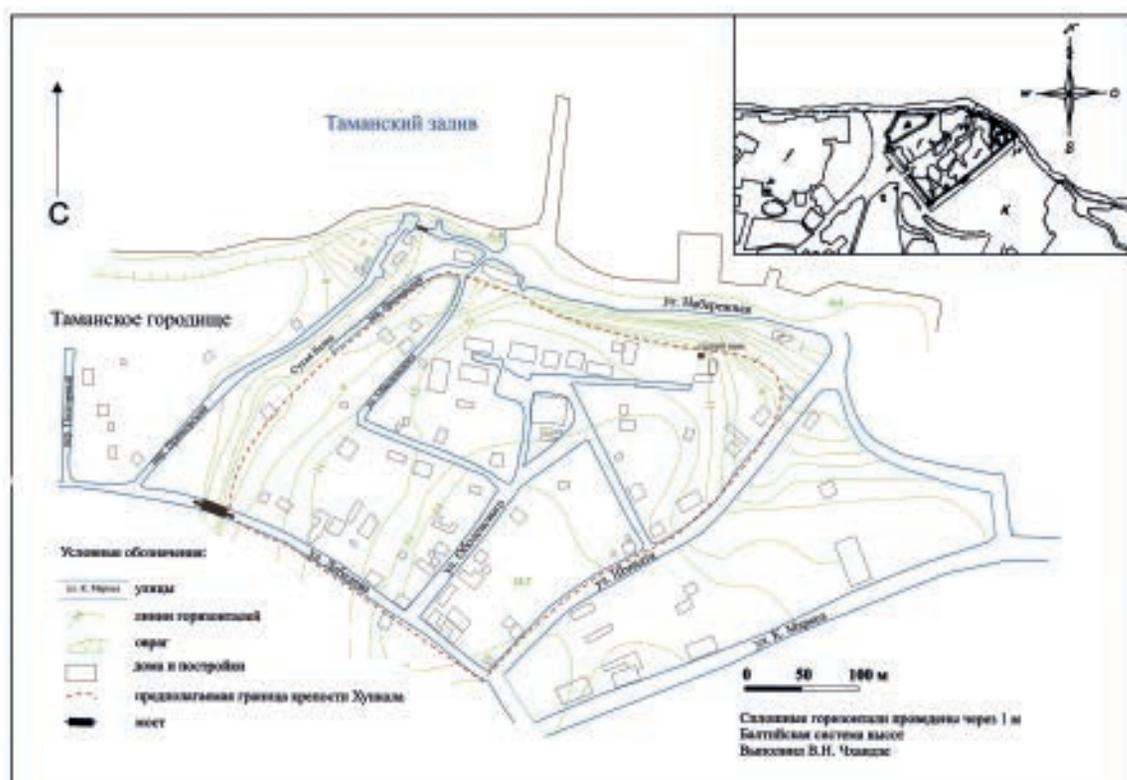

Рис. 1. Крепость Хункала. Топографический план 2012 г. и «План татарского города Тамани...» 1771 г. Фрагмент с турецкой крепостью (РГВИА, ф. 349, оп. 40, № 4369).

Кузьмин А. В., Вахонеев В. В.

**КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ XIX в.
В АКВАТОРИИ КРЫМА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА
ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ
(НА ПРИМЕРЕ ПАРОХОДА «ВЛАДИМИР»)**

Kuzmin A., Vakhoneev V.

Shipwrecks of the XIX century in the waters of Crimea as a source for studying the activities of the Russian Society of Shipping and Trade (for example, the ship «Vladimir»).

Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), основанное в 1856 г., к рубежу XIX и XX стало крупнейшей пароходной компанией Черноморского бассейна. Влияние деятельности общества на экономическое развитие юга России, безусловно, достаточно велико. В современности, изучение РОПиТ можно проводить с позиций морской археологии, проводя архивные изыскания на суше, и подводные исследования в акватории Крыма, где на протяжении второй половины XIX – начале XX вв. затонуло несколько пароходов общества. Последние представляют отдельный вид археологические памятников, которые до недавнего времени были недоступны или малодоступны для полевых исследований. При этом следует отметить, что только непосредственное изучение объекта может дать наиболее исчерпывающую информацию по нему. Это справедливое суждение, но оно не всегда работает в контексте морской археологии. В силу обстоятельств, часто непреодолимой силы, исследования приходится вести, изучая письменные источники. Наглядным примером может служить один из затонувших в конце XIX века пароходов

Развитие парового флота в Российской империи и его количественное расширение произошло после завершения Крымской войны 1853-1856 гг. Причины подобного роста определяются как политическими, так и коммерческими моментами, и не рассматриваются в данном докладе. Гораздо важнее обозначить последствия этого бурного роста – увеличение морских аварий и катастроф.

Если в эпоху парусного флота было зафиксировано всего 259 происшествий с русскими военными судами, то по сведениям Главного гидрографического управления морского ведомства, уже в 1869-1905 гг. в территориальных водах Российской империи на всех морях и океанах произошло 6207 аварий и крушений судов различных наций. Только с 1879 по 1895 гг. на Чёрном и Азовском морях было отмечено 29 крупных столкновений судов, из которых 13 произошли днём и 14 ночью. Большая часть столкновений произошла в районе максимальной интенсивности судоходства. [Афанасьев Г.Ю. 2016: 76]

Беглый анализ источников по происшествиям и крушениям паровых судов позволяет выявить несколько основных причин, приведших к катастрофам. Одной из самых распространённых было возгорание. Наиболее часто подобные происшествия происходили с речными судами, где была высокая доля паровозов, построенных из дерева. Следующей по релевантности было бы справедливо назвать увеличение интенсивности мореплавания. Этому способствовала острая конкуренция между паровыми компаниями.

Ещё одна важная причина, умножавшая количество происшествий, заключалась в проблеме организации навигации. К этому относится отсутствие навигационных знаков на побережье и подробных карт донного рельефа. Ситуация менялась достаточно медленно. Только к концу XIX в. были проведены глубоководные исследования, послужившие основанием для составления И. Шпиндлером первой карты лоций дна Чёрного и Азовского морей. [Афанасьев Г.Ю. 2016: 76-77]

Новый технологический уклад промышленного развития потребовал большего количества квалифицированного персонала на флоте, недостаток которого так же вносил свою лепту в количество происшествий.

Сложные механические устройства, перегретый пар, открытый огонь, всё это делало неэффективными прежние запретительно-репрессивные меры по организации безопасности, существовавшие на судах парусного флота. Отсутствие разработанных общих регламентов по безопасности для экипажей судов, отсутствие жёсткого контроля со стороны государственных надзорных органов над оснащением пароходов средствами спасения усугублялось пренебрежением к мерам технологической осторожности со стороны владельцев пароходов в угоду прибыли.

Безусловно, все крупные морские катастрофы вызывали огромный резонанс в обществе и нашли отражение в различных источниках: в печатных, публичных выступлениях, так и в личных документах.

Наглядным примером может служить дело о кораблекрушении судна РОПиТ парохода «Владимир». Винтовой, товаро-пассажирский пароход «Владимир» (строительный № 85) построен в Глазго фирмой Robert Napier & Sons 2 октября 1857 г., заказан РОПиТом за 33 050 фунтов стерлингов для александрийской линии с припиской в Одессе. Весной 1858 г. спущен на воду и в июне принят от фирмы-строителя. Имел механизмы с паровой машиной простого расширения и однопалубный железный корпус. Вмещал 79 пассажиров в каюты I и II классов. 14 июля прибыл в Одессу из Великобритании с шестью пассажирами и импортными товарами. В конце июля 1858 г. ушел первым рейсом из Одессы в Яффу, имея на борту 71 пассажира и различный груз. [Яровой В.В. 2017: 37]

В годы Русско-турецкой войны «Владимир» был передан в распоряжение командования Черноморского флота и числился как пароход активной обороны. В 1879 г. пароход возвращают РОПиТу и после капитальной перестройки (строительство дополнительных пассажирских помещений) «Владимир» возобновляет работу на александрийской линии.

Последний рейс, в котором произошла катастрофа состоялся летом 1894 г. Вечером 26 июня пароход «Владимир» выходит из севастопольского порта и берет курс на Одессу, а через несколько часов, в 32 милях от мыса Тарханкут итальянский пароход «Columbia», следующий из Очакова в Евпаторию, на полном ходу врезался в корпус освещённого электрическим светом «Владимира», разбив все шлюпки правого борта.

Машинное отделение быстро заполняется водой и после остановки машин гаснет свет. От полученных повреждений судно быстро тонет. Из 250 пассажиров и экипажа парохода погибло 70 пассажиров, 2 матроса и 4 человека обслуживающего персонала. Спаслось 103 человека, часть пострадавших подобрал подошедший к месту крушения пароход РОПиТ «Синус». [Окороков А.В. 2016: 60-61]

Некоторые дополнительные подробности можно узнать из репортажа иллюстрированного еженедельного журнала «Нива», в номере, опубликованном через месяц после трагедии.

Около часу ночи с вахтенной площадки были замечены огни неизвестного судна. Предполагалось, что оно удаляется от «Владимира», но скоро было замечено, что судно идёт, не уклоняясь и не реагируя на предостерегающие свистки встречным курсом. Сильный удар в правый борт «Владимира» нарушил его целостность в районе двигательной установки (машинного отделения), последующее разрушение привело к отделению кормовой части парохода с затоплением всего корабля [Нива 1894: № 31, 738].

Ещё одним источником о катастрофе может служить текст из дневника гимназиста Фёдора Каменского. Фёдор с матерью и братом находился на «Владимире», семья направлялась в Одессу. Описание трагедии во многом совпадает с репортажем, опубликованным в «Ниве», за небольшими исключениями. Фёдор Каменский пишет, что пароход не разделился на части, а затонул целиком. Эти записи гимназист Ф. Каменский сделал сразу после случившейся трагедии.

Однако наиболее насыщенным подробностями и деталями произошедшей катастрофы, вероятно, следует считать судебную речь Н.П. Карабичевского в защиту капитана парохода «Владимир» Криуна. В этой речи защитник Карабичевский подробно разбирает все пункты обвинения и анализирует выводы экспертиз. [Судебные речи... 1957: 333-334]

В выступлении Карабичевского выпукло были обозначены основные причины, которые привели к гибели «Владимира». Удивительным образом доводы защиты в целом совпадают с существовавшими общими проблемами безопасности, речь о которых шла в первой части доклада.

Наиболее любопытным местом речи защитника является апелляция к обвинению капитана Криуна в его неспособности организовать работу экипажа по заделке бреши в корпусе судна. Карабичевский обращает внимание, что подобные обвинения могут быть обоснованными только при осмотре повреждений парохода. Ответ на этот вопрос возможно получить в наше время, организовав подводные исследования затонувшего судна.

Библиография:

АФАНАСЬЕВ Г.Ю. Транспортная повседневность: кораблекрушения и безопасность судоходства в Российской империи в XIX — начале XX вв. Журнал «История повседневности», № 2 (34), ЛГУ им. Пушкина, СПб., 2016

ОКОРОКОВ А.В. Свод объектов подводного культурного наследия России. Часть I. Чёрное и Азовское моря. М., 2016

ЯРОВОЙ В.В. Русское общество пароходства и торговли. Исторический список судового состава 1856-1932 гг. Одесса, 2017

Судебные речи известных русских юристов. Сборник. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

Нива: еженедельный, иллюстрированный журнал, № 31, 27 июля, 1894.

Курникова О. М.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Kurnikova O.

Development of Trade Relations Between Russia
and the Ottoman Empire
in the Last Quarter of the 18th Century

Началом активных торговых связей между Россией и Османской империей можно обозначить последнюю четверть XVIII века. В 1774 году заключен Кучук-Кайнарджийский мирный договор (Полное собрание законов: № 14164), согласно которому Россия получила долгожданные выходы к Черному морю, право свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы, право строить и иметь флот на Черном море. К России отошли город Керчь и турецкая крепость Ени-Кале в Крыму, крепость Азов с прилегающей территорией до реки Еи, город Кинбурн. Черное море стало открыто для торговых судов России и других стран (Дружинина 1955).

Начиная с 1475 года, с момента завоевания Крыма османами, и до заключения данного мирного договора, правом свободного торгового судоходства в Черном море обладали лишь турецкие суда. В связи с чем Россия, в том числе и для продвижения своих товаров и развития международной торговли, неоднократно предпринимала попытки выхода к Черному морю, но безуспешные.

В 1739 году по условиям Белградского мирного трактата (артикул 9) (Юзефович 1869: 20-21) для российских торговцев устанавливались такие же условия и пошлины для торговли, как и для европейских. Согласно им, торговлю в Черном море разрешалось вести только на турецких судах, ввиду того что, османы допускали в бассейн Черного моря лишь суда, принадлежавшие турецким подданным.

Получив выходы к Черному морю и доступ к международной торговле в Черноморском и Средиземноморском регионе России необходимо было создавать удобные и благоприятные условия для формирования и роста торговли в регионе и вовлечения в нее российских и зарубежные купцов.

И уже в 1775 году был создан новый таможенный тариф для Черного моря. Разработка этого документа была поручена императрицей Екатериной II графу И.Э. Миниху, председателю Коммерц-Коллегии. Таким образом, зимой 1775 года граф Миних с помощниками, взяв за основу данные тарифов 1757 и 1766 годов, сведения о привозимых турецких и греческих товарах к Темерниковскому порту, а также данные о товарах, которые отправлялись здесь же в Османскую империю, разработал специальный тариф о сборе пошлин в Черном море (Полное собрание законов: № 14355). Необходимо отметить, что до получения свободной торговли в Черном море, Россия вела свою торговую деятельность в черноморском регионе ограниченно и в незначительных объемах. Торговые коммерческие компании и купцы могли отправлять товары через Темерниковский или Черкасский порты в Османскую империю и другие страны.

Согласно некоторым положениям нового таможенного тарифа, введенного 4 Августа 1775 года (Тариф о сборе пошлин 1775), во-первых была снижена пошлина на двадцать пять процентов, по сравнению с действующим тарифом 1766 года, на все турецкие, левантские и греческие товары, которые ввозились в Россию через порты Черного моря, а также снижена пошлина на двадцать пять процентов на российские товары вывозимые в Османскую империю, Грецию и Левант, что являлось важным и привлекательным моментом для строящихся торговых отношений между Россией и Османской империей. Далее, как известно, по тарифу 1766 года был запрещен ввоз в Россию шелковых тканей с золотом и серебром из Европы. Новый тариф теперь позволял завозить турецкие шелковые с золотом и серебром материи. Пошлины на ввоз этого товара уменьшались на две трети от пошлин таможенного тарифа 1757 года. Таким образом, мы видим, что новый таможенный тариф предусматривал значительные привилегия для товаров из Османской империи, а также стимулировал и делал выгодными отправлять свои товары через порты Черного моря в Стамбул.

В Айналы-Кавакской изъяснительной конвенции 1779 года (Полное собрание законов: № 14851), которая стала дополнением к Кучюк-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года в Артикуле VI зафиксированы некоторые правовые положения для российских судов при плавании в Черном и Средиземном морях. Таким образом, Османская империя давала все те же права и привилегии российским торговцам какие английским и французским купцам. Также оговаривалась разрешаемая грузоподъемность судов и желаемый национальный состав команды на российских судах.

В 1782 году был опубликован новый документ, регулирующий русско-турецкие торговые отношения. «Тариф о сборе пошлин с привозимых и вывозимых из Константинополя российскими купцами товаров постановленный между Роскийскою империею и Портою Оттоманскою сентября 5 дня 1782 года» (Тариф о сборе пошлин 1784), упорядочивал торговые отношения между Россией и Османской империей и включал в себя артикул II Кучюк-Кайнарджийского мирного договора, артикул VI изъяснительной Айналы-Кавакской конвенции и номенклатуру ввозимых и вывозимых товаров. Данный тариф уточнял и дополнял тариф о сборе пошлин 1775 года.

С присоединением Крыма к России в 1783 году, Россия увеличивает свои возможности в освоении морской международной торговли. К уже существующим городам, которые стали центрами ведения морской черноморской торговли в России, таким как Херсон, Керчь, Таганрог, присоединились Феодосия и Евпатория.

И теперь для развития прямой торговли через порты Черного моря Россия стремилась заключать международные торговые договоры с иностранными государствами.

Так в 1783 году Россия и Османская империя заключили специальный торговый трактат (Трактат о торговле 1783). Согласно трактату, сохранялась действующая скидка с пошлины в двадцать пять процентов на турецкие товары. Разрешалась свободная торговля русским торговцам в Османской империи, а турецким торговцам в России. Всего трактат насчитывал 81 статью, которые урегулировали и закрепляли торговые

отношения между Санкт-Петербургом и Стамбулом. Данный торговый трактат просуществовал с рядом внесенных в него поправок и дополнений до 1846 года. С увеличением товарооборота между двумя державами в трактате обновлялись тарифы на различные товары и постоянно расширялась номенклатура товаров, включив в себя к началу XIX века уже свыше 500 наименований.

Говоря об экспортных товарах, можно выделить две основные позиции, которые Россия отправляла в Османскую империю, это железо и пшеница. Также экспортными товарами были лен, пенька, канаты, медные доски, сталь, чугун, говяжье топленое сало и другие. Из Османской империи в порты Черного и Азовского морей прибывали суда груженные фруктами (яблоки, инжир, лимоны, апельсины), миндалем, изюмом, кофе, табаком, маслинами, красным и белым вином, шелковыми и хлопчатобумажными тканями, мылом и другими товарами (О приходящих и отходящих к портам 1783-1792).

После присоединения Крыма к России в 1783 году торгово-экономическое положение региона постепенно начинало крепнуть, а международные торговые связи России с Османской империей и странами Европы через порты Черного моря развиваться и укрепляться.

Россия, для дальнейшего развития морской международной торговли, активно ведет строительство своих торговых судов в Черном море. Отметим, что еще в последней четверти XVIII века России практически не имела своего собственного торгового флота, была вынуждена нанимать суда и чаще всего принадлежавшие грекам, плавающим в Черном море под турецким флагом. К началу XIX века Россия уже имеет свой торговый флот и позднее только преумножает его.

Таким образом, несмотря на нестабильную политическую обстановку на Крымском полуострове во второй половине XVIII века, несколько русско-турецких войн, потерю своих главенствующих позиций в Крыму Османской империей в 1774 году и обретение Россией еще большего могущества с присоединением Крыма в 1783 году, торговые отношения двух государств в это самое время начинали свое развитие и к началу XIX века достигли высокого уровня и большого товарооборота. И для России, и для

Османской империи международная торговля в Черном море имела важное значение и для развития экономики своей страны, и для получения необходимых товаров. Османская империя была чрезвычайно заинтересована в получении пшеницы и других промышленных товаров из России. Россия же в свою очередь старалась развивать экономику Северного Причерноморья и наращивать свои прямые торговые отношения с зарубежными странами.

Библиография:

ДРУЖИНИНА Е.И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение), М., 1955.

ЛАШКОВ Ф.Ф. Сообщение члена комиссии Ф. Лашкова о пересмотре Черноморского тарифа 1782 г./ИТУАК. Т. 1. — Симферополь, 1887.

О приходящих и отходящих к портам разных наций купеческих и казенных судах с разными материалами и другими товарами с 1738 по 1792 годы. РГА ВМФ, Ф.197, оп.1. ед.хр.65,66. 1783-1792.

Полное собрание законов Российской империи. Том 19. № 14164.

Полное собрание законов Российской империи. Том 20. № 14355.

Полное собрание законов Российской империи. Том 20. № 14851.

Тариф о сборе пошлин с привозных и отвозных товаров при портах Черного моря. СПб. 1775.

Тариф о сборе пошлин с привозимых и вывозимых из Константинополя российскими купцами товаров. Постановленный между Российской империей и Портою Оттоманскою сентября 5 дня 1782 года. СПб., 1784.

Трактат о торговле между Российской империей и Портою Оттоманскою, заключенный в Константинополе июня 10го дня 1783 года. СПб., 1783.

ЮЗЕФОВИЧ Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб. 1869.

Курылев К.П., Шпаковская М.А.

ПОЛИТИКА ИТАЛИИ В ОТНОШЕНИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ

Kurylev K, Shpakovskaya M.

Italian Policy Regarding the Accession of Crimea to Russia

Отношения с Италией – нашим значимым международным партнером – имеют давнишнюю и богатую историю, связаны с прочными традициями, плодотворным опытом успешного сотрудничества. К сожалению, их дальнейшее развитие связано с антироссийскими шагами евро-атлантического сообщества.

Говоря об отношениях между Италией и Россией необходимо сказать, что отношения между нашими странами всегда отличались более прагматичным подходом в отличие от других стран ЕС. Тем не менее, позиция Италии по вопросу возвращения Крыма в состав России после проведенного крымского референдума 2014 г. на фоне антигосударственного переворота на Украине, не идет вразрез с политикой ЕС и США. Вслед за ними, Италия осудила «аннексию» Крыма и поддержку Россией «повстанцев» в Донбассе. Она присоединилась к экономическим санкциям и поддержала проводимую в этом контексте общую для евро-атлантического сообщества политику в отношении России.

Однако, учитывая, что уровень отношений между двумя странами ее руководителями оцениваются как «партнерские», а в ряде заявлений президента России В.В. Путина характеризуются как «привилегированное партнерство», вынужденное свертывание, прежде всего, экономических проектов, не был встречено со стороны итальянских деловых кругов с восторгом. За последние десятилетия, сотрудничество между Россией

и Италией вышло на более высокий уровень, достигло весьма значительных показателей во всех сферах сотрудничества.

Кроме того, в условиях разразившейся пандемии коронавируса в мире в 2020 г., Россия оказала Италии огромную поддержку и помощь, предоставив медицинскую технику и врачей в сложное для Италии время. В этой связи хочется обратить внимание на интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова итальянской газете «Стампа», опубликованном в февраля 2020 года, в котором дана оценка уровню наших отношений как важнейшим международным партнером, имеющими огромный многолетний опыт успешного сотрудничества со значительным капиталом доверия. [Выступление и ответы на вопросы СМИ...].

В этой связи, мы можем отметить двойственные подходы со стороны Италии по вопросу законного возвращения Крыма в состав РФ. Несмотря на присоединение к санкциям Италия является страной, которая активно выступает на площадках ЕС, а также на мировой арене за поддержание диалога с Россией по различным вопросам международной безопасности, продолжении развития экономических проектов, а также в научно-образовательной сфере. Более того, можно отметить, что в условиях современного наибольшего пика охлаждения отношений между Россией и евро-атлантическим сообществом, которое можно наблюдать со времен холодной войны, именно Италия играет ключевую роль в связующем диалоге между Россией и ЕС, взяв на себя роль катализатора в разрядке напряженности в выстраивании отношений.

Несмотря на санкции, были продолжены политические контакты между главами государств и правительствами двух стран. В апреле 2017 года президент Италии Серхио Маттарелла совершил визит Москву, в рамках которого встретился с президентом РФ В.В. Путиным. По итогам этой встречи были сделаны заявления для прессы, в которой была отражена совместная позиция по целому ряду международных проблем и был подписан пакет документов со сотрудничестве.[Заявления для прессы по итогам встречи...]. Следует отметить, что контакты на высшем уровне продолжают постоянно.

Говоря о присутствия итальянских компаний в России, по оценкам Представительства интересов итальянских деловых кругов на территории

Российской Федерации *Confindustria Russia* (создана в 2015 г.), было зарегистрировано к концу 2018 г. около 400 итальянских компаний. В условиях введенных санкций, итальянские компании меняют политику деятельности совместных предприятий в России, меняя бренд с лейбла «Сделано в Италии», на «Сделано с Италией». [Овакимян М.С., Ионов М.Н. 2018.]

Кроме того по данным ЦБ РФ, в 2019 году Италия заняла 17-е место по объему накопленных инвестиций в российскую экономику, опережая США, Китай, Испанию, Канаду, Норвегию и др. и к январю 2020 года объем накопленных прямых итальянских инвестиций в Россию составил \$4,6 млрд., а российских в итальянскую экономику – \$2,77 млрд. [Пандемия все изменила...]

Присоединение Италии к санкционной политике активно критиковали и критикуют представители политической оппозиции. Наиболее последовательным из них является лидер партии «Лига Севера» Маттео Сальвини, который в своих выступлениях постоянно обращает внимание, прежде всего на негативные экономические последствия санкций. [Лидер итальянской партии «Лига Севера» требует...]

С критикой введения санкций, практически сразу после их вступления в силу выступил и Сильвио Берлускони, бывший премьер-министр Италии, а ныне глава партии «Вперед, Италия», который в своих выступлениях отмечает недопустимость разрушения атмосферы сотрудничества между двумя странами по ряду важнейших внешнеполитических вопросов. [Ucraina: Berlusconi, sanzioni contro Russia...]

В этой связи интересно отметить и позицию ряда регионов по поводу возвращения Крыма в состав РФ. Еще в мае 2016 г. Совет региона Венеция (столица Венеция), являющейся одним из самых развитых регионов Италии, первым в ЕС официально признал Крым частью России, что было зафиксировано в принятой ими резолюции. [Consiglio regionale...]. Следующими итальянскими регионами, которые признали Крым частью России стала Лигурия, Лига Севера в лице его лидера Алессандро Пиана, Ломбардия- все они высказали свою позицию – признать Крым частью России, и требовать отмену антироссийских санкций. [Бертолази...]. Необходимо отметить действующую на полуострове (создана в 2017 г.)

международную ассоциацию «Друзья Крыма», первое заседание которой прошло в Ливадийском дворце Ялты. Одной из важных задач ассоциации является формирование международной площадки народной дипломатии, деятельность которой нацелена на объединение усилий «авторитетных политиков, общественных деятелей, бизнесменов, представителей средств массовой информации, направленных на международное признание Крыма как неотъемлемой части Российской Федерации» [Международная ассоциация «Друзья Крыма»...] С самого начала своей деятельности в состав ассоциации «Друзья Крыма» вошли представители из 36 стран, среди которых активную позицию занимает и Италия, в лице ассоциации «Венето – Россия». Среди важных направлений деятельности Ассоциации – создание на территории стран-участниц национальных клубов друзей Крыма, деятельность которых направлена на информирование общественности о нарушениях основных прав человека после проведения народного референдума на территории Крыма по отношению к его народу.

Между Крымом и выступившими за признание законности референдума регионами Италии постоянно поддерживаются контакты. И сейчас, уже в 2020 г. президент области Венето Итальянской Республики – Лука Дзайя искренне поблагодарил Главу Республики Крым Сергея Аксёнова за слова поддержки жителям региона и соболезнования потерявшим родных и близких из-за пандемии коронавируса. [Президент области Венето Итальянской Республики...]

Исходя из вышесказанного, можно отметить последовательную политику Италии, направленную на отмену санкций, возвращение России в полномасштабное сотрудничество с Италией и ЕС, а также признание Крыма законной и неотъемлемой частью России. Отношения с Италией – нашим важным международным партнером – имеют богатую историю, опираются на прочные традиции, многолетний опыт успешного сотрудничества, значительный капитал доверия. К сожалению, сегодня негативное влияние на их динамику оказывает ситуация, вызванная антироссийскими шагами Вашингтона и Брюсселя.

Библиография:

Заявления для прессы по итогам встречи с Президентом Италии Серджо Маттареллой. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54267>. Дата обращения 30.03.2020

Лидер итальянской партии «Лига Севера» требует отмены санкций к России URL: <http://ria.ru/world/20140814/1020072956.html>. Дата обращения 1.03.20

Ucraina: Berlusconi, sanzioni contro Russia inutile e dannose. URL: <http://www.iltempo.it/adn-kronos/2015/01/12/ucraina-berlusconi-sanzioni-contro-russia-inutili-e-dannose-1.1366984>. Дата обращения 2.04.20

ОВАКИМЯН М. С., ИОНОВ М. Н. Экономические отношения России и Италии // Горизонты экономики. — 2018. — № 6 (39). — С. 98

Пандемия все изменила: в Италии призвали отменить санкции. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/03/21/13015999.shtml>

Consiglio regionale. Approvata risoluzione per riconoscimento diritto di autodeterminazione della Crimea // Consiglio regionale del Veneto. 18.05.2016. — URL: consiglio Veneto.it/crvportal/pageContainer.jsp?n=80&p=80&c=5&e=88&t=1&idNotizia=30326 (Дата обращения: 01.04.2020).

БЕРТОЛАЗИ Э. Италия — Крым: история и современность // Перспективы. Электронный журнал, № 3. — С. 25-34.

Международная ассоциация «Друзья Крыма» поддерживает российский статус полуострова. URL: <https://crimeapress.info/mezhdunarodnaja-associacija-druzja-kryma-podderzhivaet-rossijskij-status-poluostrova/>. Дата обращения 26.03.2020

Президент области Венето Итальянской Республики Лука Дзайя поблагодарили Сергея Аксёнова за поддержку из-за пандемии коронавируса — URL: <https://crimea-news.com/society/2020/04/17/639508.html>

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам российско-итальянских переговоров глав внешнеполитических и оборонных ведомств в формате «два плюс два», Рим, 18 февраля 2020 года — МИД РФ — https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4043641

Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901909430> (дата обращения: 24.03.2020)

Кущ Т. В.

МОРСКИЕ КОММУНИКАЦИИ ВИЗАНТИИ В ПЕРИОД ОСМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ*

Kushch T.

Naval Communications of the Byzantine Empire
during the Ottoman Expansion

Фернан Бродель в своей великой книге о XVI в. назвал морские и сухопутные пути «кровеносной системой» Средиземноморья [Бродель 2002: 386]. Дороги, густой сетью покрывавшие средневековую ойкумену, не просто обеспечивали постоянную циркуляцию людей, товаров и идей. Они служили скрепами, удерживавшими внутреннее единство отдельного государства, делали возможными политические контакты, экономический и культурный обмен внутри целого региона. Если же в следствие войн, конфликтов, эпидемий и других внешних обстоятельств движение по этим артериям затруднялось или вовсе прерывалось, то под угрозой оказывалась вся система жизнеобеспечения региона.

Византия на протяжении многих столетий удерживала контроль над путями, проходившими через все Восточное Средиземноморье. Особое значение в судьбе империи имело морское сообщение. Море для нее было цивилизационным ядром, определявшим характер экономической деятельности и вектор политического развития. Неслучайно историки любят говорить о византийской талассократии [Ahrweiler 1966: 118]. Контроль над Средиземноморьем (или частью его) обеспечивал империи господство не только морское, но и цивилизационное.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».

Чтобы дать представление о роли морских коммуникаций в судьбе Византии периода ее угасания, обратимся к вопросу о специфике таких контактов в условиях турецких завоеваний.

В палеологовское время морское сообщение стало для империи просто жизненно необходимым. Ее владения на протяжении XIV в. таяли под натиском турецких завоевателей, и к концу столетия под властью императоров оставались области, не соприкасавшиеся по суше — земли вокруг Константинополя, морейские владения в Пелопоннесе, несколько эгейских островов [Куц 2018: 148]. В упадок пришли старые сухопутные маршруты, путешествие по которым стало крайне небезопасным, а потому возросла значимость морских коммуникаций. Транспортировка грузов, переброска войск, доставка сообщений, деловые поездки и частные путешествия осуществлялись почти исключительно морским путем. Только морем можно было добраться до территориально удаленных частей лоскутной империи. И только море спасало, когда над византийскими городами и их округой нависала внешняя опасность.

На протяжении XIV в. византийцы, чей флот пришел в упадок, не только сокращали долю своего присутствия на водных просторах Эгеиды и Понта, но и попадали в зависимость от латинян, чьи корабли заплонировали регион. Для перемещения людей и грузов, снабжения продовольствием и отправки корреспонденции ромеи вынуждены были пользоваться попутными иностранными торговыми судами. Даже императоры, покидая пределы столицы, прибегали к услугам итальянских капитанов. Иоанн V Палеолог, а затем его сын Мануил II именно на венецианских галерах отправлялись на Запад искать союзников в борьбе против турок. Для поездки греческой делегации на Ферраро-Флорентийский собор потребовалась целая эскадра, в которой только одна из 8 триер принадлежала императору, а три были обычными торговыми галерами, возвращавшимися в Италию с грузом из Таны [Les “Mémoires” 1971: 198].

Любой человек, будь то чиновник, ученый или монах, отправляясь в дорогу, должен был найти попутный корабль, чаще всего итальянский, о чем сообщают, в частности, Григорий Палама [Sahas 1980: 409] и Димитрий Кидонис [Démétrius Cydonès 1960: 41]. Порой приходилось долго ждать okazji, да и плата за проезд была немаленькой, на что сетуют византийские авторы.

На византийские рынки значительная часть товаров также доставлялась на генуэзских или венецианских галейх. И хотя редкие византийские суда все же курсировали между византийскими владениями, о чем упоминает, в частности, патриарх Матфей I [Laurent 1972: 157, 16], но по большому счету на водных просторах некогда «византийского островного мира» [Malamut 1988: 613] хозяйничали иностранцы, что было «ахиллесовой пятой» империи в условиях усиливавшейся османской угрозы.

Отсутствие у турок флота для византийцев было в определенном смысле спасением. Османы, неоднократно предпринимавшие попытки захватить Константинополь и Фессалонику — крупнейшие города империи, не могли блокировать их с моря, что давало местным жителям шанс выстоять. Города, подвергшиеся осаде, сохраняли связь с внешним миром по морской «дороге жизни». Морем отправлялись посольства к потенциальным союзникам с мольбой о помощи, морем покидали город немногие счастливицы, бежавшие от голода и неизвестности, с моря приходила и подмога. На итальянских судах в блокированные с суши города итальянцы доставляли продовольствие, оружие и подкрепление. Источники упоминают, что именно порт, в котором швартовались редкие корабли, был главным местом хороших новостей и надежд на спасение. Как пишет Симеон Фессалоникийский, в период второй осады Фессалоники (1423-1430) каждое появление на горизонте парусов воспринималось жителями, жестоко страдавшими от голода, как чудо [Balfour 1979: 64]. Стоит ли говорить, что предприимчивые дельцы взвинчивали цены, пользуясь образовавшимся на рынке дефицитом, старались извлечь себе выгоду из бедственного положения осажденных. Однако опасность плавания в блокированный город нередко отпугивала капитанов торговых судов, отказывавшихся идти в беспокойную гавань. От помощи осажденным их останавливало также нежелание морских республик навлечь на себя гнев султана, о чем говорят, в частности, постановления венецианского Сената.

В Восточном Средиземноморье XIV — первой половине XV в. геополитическая ситуация постоянно менялась из-за большого количества желавших самим контролировать регион, что затрудняло водное сообщение [Jacoby 2012: 94]. Морское плавание само по себе было опасным предприятием из-за

капризов погоды, но в условиях политической нестабильности оно становилось рискованным вдвойне — к штормам добавлялась угроза нападения политических соперников, торговых конкурентов или пиратов [Куц 2019: 247]. В менявшихся обстоятельствах новые геополитические игроки все активней выдавливали Византию не только с морских путей, но и из средиземноморской политики в целом. Лишенная собственной транспортной системы, зависевшая от торговых и политических интересов иностранцев, страдавшая от разбоя пиратов, беззащитная перед турецким натиском, Византия оказалась оттеснена на обочину средиземноморской дороги.

Библиография:

БРОДЕЛЬ Ф. Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. — М., 2002.

КУЦ Т.В. Судьба утраченных территорий: взгляд византийского императора Мануила II Палеолога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 147-156. doi: 10.15688/jvolsu4.2018.5.13.

КУЦ Т.В. Пираты Эгейского моря: морской разбой в Восточном Средиземноморье XV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 6. С. 245-254. doi: 10.15688/jvolsu4.2019.6.19.

AHRWEILER H. Byzance et la mer: la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècles. — Paris, 1966.

BALFOUR D. Politico-historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). — Wien, 1979.

Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. — Città del Vaticano, 1960. Vol. 2.

JACOBY D. The Eastern Mediterranean in the Later Middle Ages: An Island World? / Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean Worlds after 1150 / Ed. J. Harris, C. Holmes, E. Russell. — Oxford, 2012. P. 93-118.

Les “Mémoires” du grand ecclesiarque de l’Eglise de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438-1439) / ed. V. Laurent. — Rome, 1971.

LAURENT V. Le trisépiscopat du Patriarche Matthieu Ier (1397-1410). Un grand procès canonique à Byzance au début du XVe siècle // Revue des études byzantines. 1972. Т. 30. P. 5-166.

MALAMUT E. Les Îles de l’Empire byzantin, VIIe–XIIe siècles. — Paris, 1988.

SAHAS D.J. Captivity and Dialogue: Gregory Palamas (1296-1360) and Muslims // The Greek Orthodox Theological Review. 1980. Vol. 25. № 4. P. 409-436.

Ланник Л. В.

ПЕРВАЯ ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ КРЫМА В 1918 г.: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О МАСШТАБАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ ЯВЛЕНИЯ

Lannik L.

The First German Occupation of Crimea in 1918:
New Sources about the Dimension
and the Consequences of Phenomenon.

В отечественной историографии термин «Первая оккупация» пока не слишком распространен. Несмотря на три десятилетия постсоветской истории и глубокой деформации советской модели исторической памяти о событиях эпохи мировых войн в целом сохраняется стандартизированная еще при Сталине модель истории «Гражданской войны и иностранной интервенции», обладающая рядом намеренных лакун и логических нестыковок. Виной тому не только политическая конъюнктура, но и традиционное, институционализированное и совершенно методически и аналитически не оправданное разделение истории на отечественную и всеобщую. Именно это – даже в условиях интернет-технологий и новых академических требований – препятствует корреляции результатов исследований российских и зарубежных коллег. Менее заметной, но куда более насущной проблемой является трансфер историографии и опубликованных источников, введенных в оборот на предыдущих этапах исследования той или иной темы, а ныне забытых еще до этапа их усвоения и использования. Не вдаваясь в масштабное описание закономерностей развития историографии событий эпохи крушения 4 империй в Восточной Европе, следует констатировать, что на примере целого ряда локальных сюжетов, последствия такой манеры исследования проблемы видны особенно наглядно.

При некоторой тенденции к сопоставлению двух германских (и до некоторой степени австрийских) оккупаций Восточной Европы в эпоху мировых войн [См., напр.: von W. Dornik, S. Karner, 2008] первая из них исследована достаточно плохо. Созданные еще в 1920-30-х гг. литература и сборники документов по данному вопросу (как в советских, так и в эмигрантских изданиях) нередко оказались оттеснены работами последующих десятилетий, далеко не всегда полностью их использовавших их достоинства либо намеренно уклоняясь от ряда нюансов по политическим соображениям. Хотя в ряде регионов она продолжалась почти столько же сколько вторая, а в других оставила как минимум заметный след, сказавшийся на ходе событий в 1941-1944 гг. Это касается и Крыма, 7-месячная германская оккупация которого в 1918 г. вовсе не была забыта ни командованием вермахта, ни сотрудниками министерства восточных территорий Третьего рейха. Без учета этого «фона», – а в действительности пролога, – невозможен корректный подход к трагическим событиям для населения полуострова, разделенного взаимоотношениями с советским и нацистским режимом на враждующие стороны. Оценка значимости масштабов, опыта и замыслов Первой оккупации возможна лишь на основе по меньшей мере германских источников, до сих пор учитываемых в отечественной историографии редко, недостаточно либо вовсе никак.

Сохранность германских источников, несмотря на громадные потери вследствие перипетий Второй мировой войны и последующего раздела трофеев победителями, существенно лучше, чем принято априорно считать. После объединения Германии и консолидации архивов ФРГ и ГДР, а также благодаря масштабному рассекречиванию и оцифровке трофейных архивных документов оказывается возможным подвести баланс перспектив дальнейших исследований Первой германской оккупации. Это позволит дополнить активно идущий процесс публикации многочисленных и в основном мемуарных источников с российской стороны, особенно белоэмигрантских воспоминаний.

Выявление состава оккупационных германских сил в Крыму, набора действовавших на его территориях инстанций Центральных держав, сбор

биографий основных действующих лиц установленного в начале мая 1918 г. режима в связи с утратой ряда источников и из-за общей недоисследованности темы представляет собой определенные трудности. Однако к настоящему моменту большая часть из них преодолена, благодаря интенсивной работе справочных порталов в Интернете и выявлению материалов различных соединений, сохранившихся от прежних фондов Рейхсархива.

Одним из чрезвычайно редко используемых в современной историографии источников являются полковые истории, более тысячи которых было создано в межвоенный период на основе личных свидетельств, воспоминаний, а также еще имевшихся тогда документов (журналов военных действий и т.д.) [См., подр.: Mohr, 1989]. Качество, жанр и достоверность многих подобных изданий существенно различается, однако в громадном большинстве случаев многие их сведения носят эксклюзивный характер. Хотя далеко не каждый из участвовавших в захвате и оккупации Крыма полков германской армии удостоился подобной чести¹, следует перечислить некоторые полковые истории, имеющие значение для реконструкции не только захвата полуострова в апреле-мае или эвакуации войск в ноябре-декабре 1918 г., но и для условий установившегося в этот период режима. Из входивших и приданных 52-му генеральному командованию (во главе с генералом Р. Кошем) полков и более мелких соединений всех родов войск работы данного жанра имеются о: 12, 53 и 55-м ландверных пехотных полках, 9-м резервном пехотному полке, 65-м резервном полке полевой артиллерии, 5-м гусарском полке, 1-м полке тяжелой кавалерии, 1-м баварском уланском полке, 1-м шеволежерском полке, 1-м баварском резервном егерском батальоне².

¹ Отсутствуют истории штурмовых батальонов (не считая общего обзора), а также более мелких соединений саперов, минометчиков, вспомогательных сил кавалерии, самокатчиков и т.д., а также полков: 22-го пехотного ландверного, 21-го пехотного резервного, 15-го ландверного полка полевой артиллерии, 2-го полка тяжелой кавалерии, 2-го баварского уланского полка, 6-го шеволежерского.

² Они до некоторой степени использованы в: [Ланник Л.В.: 2020; С. 368-382, 496-501. Один из немногих примеров статьи на базе германских полковых историй является: [Бутковский А., Бобков А.; 2018. № 8. С. 25-28, № 9. С. 25-29].

Документы более крупных соединений (бригад, дивизий, корпусов и т.д.) как правило утрачены. Среди оккупировавших Крым войск преобладали части прусского контингента, документы которых хранились до апреля 1945 г. в Потсдаме. Саксонские и вюртембергские части в Крыму были представлены в незначительном количестве, поэтому сравнительно хорошо сохранившиеся в архивах Дрездена и Штутгарта военные фонды компенсировать отсутствие тех или иных полковых историй не могут. Мюнхенские материалы (о баварских кавалерийских и егерских частях) до некоторой степени использованы в работах В. Менджецкого [Mędrzecki, 2000: S.441-460]. Мало известная мемуарного типа германская публицистика, в том числе межвоенного периода, затрагивала события на Востоке в 1918 г., а уж тем более в Крыму, достаточно редко [См., напр.: Wertheimer, 1918; Ланник, 2018; Ланник, 2014: С. 60-63].

Некоторые из опубликованных В. Баумгартом в 1960-70-х гг. материалов по истории германской политики на Востоке в 1918 г. затрагивают Крым непосредственно [См.: Baumgart: JfGO. Bd. 14. Hf. 4. S. 529-538; Baumgart: MGM. Bd. 6. Hf. 2. S. 161-177]. Особенно содержательны материалы из фонда координировавшего всю германскую политику в черноморской акватории вице-адмирала А. Хопмана [См.: ВА-МА. N 326. Часть дневников А. Хопмана опубликована в: Baumgart, 1971. S. 453-654]. Остается лишь пожалеть, что они до сих пор не были переведены и изданы на русском языке, а большинство специалистов по истории Крыма в годы Гражданской войны к ним почти не обращается [Пученков, 2013]. За истекшие полвека работы В. Баумгарта были дополнены и другими публикациями источников, например из фондов того же А. Хопмана [Нортман, 2004], а также главы германского внешнеполитического ведомства в июле-сентябре 1918 г. П. фон Хинтце [Hürter, 1998]. Однако изучение материалов даже этих фондов и целого ряда сохранившихся значительно лучше армейских документов по истории германского флота (Адмиралштаба и др.), ныне хранящихся в Военном архиве Бундесархива (ВА-МА) во Фрайбурге [ВА-МА. RM 5] вынуждает признать, что потенциал их далеко не исчерпан. Значение Крыма и конкретно Севастополя как центрального логистического пункта и центра администрирования

транспортных потоков во всей черноморской акватории оказывается очевидным только с точки зрения оккупантов, ведь русскоязычные авторы мемуаров и свидетели оккупации воспринимали ее содержание совершенно иначе, обращая внимание главным образом на бытовой уровень и социально-экономический или локально-политические аспекты [См., напр.: Гуковский, 1928. № 3 (28). С. 142-181, № 4 (29). С. 55-85; Винавер, 1928], но не на контекст Великой войны, продолжающейся в ином качестве и иными средствами.

Особое значение имеют неопубликованные, но готовившиеся авторами к будущему выходу в свет мемуары ряда офицеров и генералов кайзеровской армии. Однако установление фамилий тех, кто занимал важные посты в германских оккупационных ведомствах, нередко является особой задачей, ведь базовые архивные фонды соединений утрачены. Современные условия обработки данных, оцифровка описей и новое оборудование позволяет успешно работать не только с оригиналами, но и с электронными копиями документов. Это снимает почти любые препятствия к вводу в оборот новых источников, кроме организационных. Следует отметить огромную ценность объемных мемуаров генерала Р. Коша, охватывающих весь период германской оккупации Крыма и последующей эвакуации [ВА-МА. N 754/9-12]. Они имеют тем большее значение, что мемуаров и даже личных фондов командиров подчинявшихся штабу Коша дивизий – 217-й пехотной (К. фон Галльвица), 15-й ландверной (Э.Л. Зака), Баварской кавалерийской дивизии (барона фон унд цу Эглофштейна), а так же начальника штаба 52-го генерального командования (майора Риделя, затем подполковника Энгелина), а тем более чинов из штабов бригад и полков – попросту не существует. Определенным дополнением могут стать и также неопубликованные записки офицеров штабов оккупировавших Крым войск, например, 1-го офицера Генштаба 217-й дивизии Х. Мартенса [ВА-МА. N 400/8.].

Судя по объему сохранившихся в разных странах (в том числе и на Украине) и до сих пор не используемых ни в германской, ни в какой-либо другой историографии источников, исследование Первой германской оккупации Крыма еще только начинается (по меньшей

мере с точки зрения оккупантов). Масштабы подлежащих вводу в оборот источников и работа по корреляции их анализа с данными ранее известных русскоязычных материалов требует целенаправленного и коллективного труда коллег-историков, как крымских, так и из других регионов РФ и зарубежных стран.

Библиография:

Die Besatzung der Ukraine. Historischer Kontext — Forschungsstand — wirtschaftliche und soziale Folgen / hrsg. von W. Dornik, S. Karner. Graz, 2008.

МОНР Е. Heeres- und Truppengeschichte des Deutschen Reiches und seiner Länder, 1806-1918. Osnabrück, 1989.

ЛАННИК Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. М., Евразия, 2020.

БУТОВСКИЙ А., БОБКОВ А. О вторжении германских украинских войск УНР в Крым в апреле 1918 г. // Посев. 2018. № 8. С. 25-28, № 9. С. 25-29.

MEÐRZECKI W. Bayerische Truppenteile in der Ukraine im Jahr 1918 // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Rußland, der Ukraine und Weißrußland / hrsg. von H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000. S. 441-460.

WERTHEIMER W. Durch Ukraine und Krim. Stuttgart, 1918.

Украина — 1918. Взгляд из Германии / Пер. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2018.

Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.

BAUMGART W. Ludendorff und das Auswärtige Amt zur Besetzung der Krim 1918 // JfGO. Bd. 14. Hf. 4. S. 529-538.

BAUMGART W. Neue Quellen zur Beurteilung Ludendorffs: der Konflikt mit dem Admiralstabschef über die deutsche Schwarzmeerpolitik im Sommer 1918 // MGM. Bd. 6. Hf. 2. S. 161-177.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. S. 453-654.

ПУЧЕНКОВ А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб., 2013.

НОРМАН А. Das ereignisreiche Leben eines 'Wilhelminers'. Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen / hrsg. von M. Epkenhans. München, 2004.

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918 / eingl. und hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

РОЗЕНОЕР Е. Германская оккупация Крыма. Что она дала краю и что взяла. Феодосия, 1919; Крым в 1918-1919 гг. / Подг. к печати А. Гуковский // Красный архив. 1928. № 3 (28). С. 142-181, № 4 (29). С. 55-85.

ВИНАВЕР М. Наше правительство (Крымские воспоминания 1918-1919 гг.). Париж, 1928.

Архивные фонды:

Bundesarchiv-Militärarchiv:

ВА-МА. N 326.

ВА-МА. RM 5.

ВА-МА. N 754/9-12.

Лебединский В.В., Татарков Д.Б.,
Пронина Ю.А., Двухшерстнов В.И.

МЕЖДУНАРОНЫЕ ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АКВАТОРИИ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Lebedinsky V., Tatarkov D., Pronina J., Dvuhshorstnov V.

International Underwater-Archaeological Research
in the Area of the Syrian Arab Republic:
Results and Prospects

Побережье Сирийской Арабской Республики – исторически важный район международной морской торговли. Здесь проходили морские пути древности, античности и средневековья. Византия, крестоносцы, а следом за ними арабские мореплаватели вели здесь активную морскую торговлю, используя удобную цепочку островов протянувшихся вдоль побережья как естественные укрытия от штормов.

В октябре 2019 году было заключено соглашение о создании российской археологической миссии и проведении совместных сирийско-российских подводно-археологических исследований в территориальных водах Сирийской Арабской Республики. В декабре 2019 г. был проведен первый сезон подводно-археологических исследований. Обследования проводились в акватории, примыкающей к побережью провинции Тартус.

Согласно утвержденному плану работ первого сезона международной экспедиции Севастопольского государственного университета и Департамента древностей и музеев министерства культуры Сирийской Арабской Республики под руководством к.и.н. Лебединского были проведены подводно-археологические исследования в акватории провинции Тартус

у г. Тартус и о. Арвад (исследования выполнялись при финансовой поддержке внутреннего гранта ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в рамках научного проекта 46/06-31). Целью работ был поиск и обследование подводно-археологических объектов. Задачей проводимых исследований было обследование района с применением мобильного гидролокационного комплекса, в случае обнаружения объектов – их фиксация и идентификация, а также камеральная обработка полученных материалов.

Гидрологический режим в акватории побережья провинции Тартус характеризуется сравнительно устойчивым поверхностным течением в направлении на север и скоростью 0,5 узлов; преобладанием высоты волн 1-2 м; высокой температурой, большой соленостью и плотностью воды. Сильное волнение наблюдается в период с декабря по февраль. Наиболее благоприятные в метеорологическом отношении период с марта по сентябрь. Грунт вблизи берега состоит из ила желто-коричневого цвета, песка, выходов скальных пород.

Район портового города Тартус. Берег ровный с песчаными и галечными пляжами, за которыми располагаются узкие равнины, ограниченные с востока высокими горами. К югу от Тартуса по долине протекают пять извилистых рек, наиболее крупная из которых называется Эль-Кебир. Порт Тартус защищен двумя молами, которые образуют следующие бассейны: Северный, Средний, Южный, Эль-Мина. В 1,5 км к северу от оконечности южного мола порта Тартус лежит скалистая банка с глубиной до 5,4 м. В 0,5 км к югу от южного мола со дна моря поднимается поток пресной воды из подводного источника.

Остров Арвад. Находится в 2,5 милях к западу от входа в порт Тартус. Остров возвышается над уровнем моря на 24 метра. Его поверхность покрыта сплошной жилой застройкой, в центральной части которой расположена средневековая крепость. На южном берегу острова находится верфь для постройки деревянных рыболовецких и пассажирских судов. На восточном берегу имеется гавань, которую образуют три мола. Центральный мол делит гавань на южный и северный бассейны. Причальная стенка находится в южном бассейне. Гавань доступна для небольших

катеров и судов. По северо-западной и юго-западной кромке острова тянутся фрагменты крепостной стены финикийского периода, сложенной из прямоугольных каменных блоков бурого плотного ракушечника.

К северу от Арвада, на расстоянии 2400 м от северо-восточной части острова – мыса Мегарт, находятся скалистые банки с глубинами в диапазоне от 4,5 до 8,4 м. Крайняя к югу в этой гряде банка Шарнер с глубиной 6 м находится в 220 м от мыса Мегарт. Между Арвадом и банкой Шарнер имеется узкий проход с глубиной 9 м. В северной части прохода находятся фрагменты затонувшего судна.

К югу от острова Арвад расположена цепь подводных и надводных скал, скалистых банок и небольших островков общей протяженностью 33 км, находящихся на удалении 4,5-5 км от материковой береговой линии. Северная банка этой цепи – банка Тортю с глубиной 4,5 м начинается в 1500 м от южной оконечности острова Арвад. На расстоянии 1000 м от банки Тортю лежит банка Эль-Аббас с глубиной 7,7 м. В северной части этой банки, на расстоянии 3700 м от острова Арвад, находится остров Эль-Аббас, который возвышается над поверхностью моря на 4,3 м. В 7030 м к югу от острова Арвад расположен небольшой остров Эль-Фарис высотой 2,1 м. В 970 м от Эль-Фариса лежат два небольших островка Эль-Фана и Макруд, высота обоих составляет 2,1 м. К югу от острова Макруд гряда банок и подводных скал тянется на протяжении 25 км. Расстояние между грядой и материковым берегом в этом районе составляет 2,7-4,6 км. Между грядой и материком находятся банки с глубинами менее 5 м. Глубины вдоль мористой кромки описываемой гряды быстро нарастают, 100 метровая изобата начинается на удалении 2200 м от островков Эль-Аббас и Эль-Фариса.

Для проведения обследований было выбрано три района (Рис. 1): акватория, прилегающая к древнему портовому городу Амрит; акватория (морские подходы) острова Арвад; глубоководный морской район западнее банки Тартю, островов Эль-Аббас, Эль-Фарис, Эль-Фана и Макруд. Работы проводились на глубинах от 2 до 120 метров, гидроакустическую съемку проводили В.И. Двухшерстнов и С.А. Желтяник с использованием современного гидроакустического оборудования российского

производства, а именно: гидролокатор бокового обзора «Гидра» Н5s7Е (рабочая частота 700 кГц), гидролокатор бокового обзора «Гидра» Н5se3 (рабочая частота 300 кГц) со встроенным промерным эхолотом, донный профилограф Н5р (частота 400\20). Исследования проводились с экспедиционного судна «Морской дельфин» (размеры судна: длина 15,5 м., ширина 4,5 м., осадка 1,65 м., скорость максимальная 14 уз., мощность двигателя 350 л.с.).

За семь дней исследовательских работ в море, были получены следующие результаты.

В районе вероятного местонахождения древнего порта Амрит (район Т19/1), работы проводились 17-18 декабря 2019 г. обследованная площадь 1,75 кв. км, общая длина пройденных гласов – 28,8 км, количество профильных разрезов – 10, количество выявленных целей – 16.

В район акватории острова Арвад (район Т19/2), работы проводились 15-16, 18, 20 декабря 2019 г, обследованная площадь 2,9 кв. км, общая длина пройденных гласов – 45,93 км, количество профильных разрезов – 7, количество выявленных целей – 76.

Глубоководный район юго-западнее острова Арвад (район Т19/3), работы проводились 16-17, 19, 20 декабря 2019 г, обследованная площадь 16 кв. км, общая длина пройденных гласов – 106,4 км, количество выявленных целей – 24.

Районы проведенных исследований хорошо видны на составленных планшетах.

В результате проведенных исследований в сезон 2019 г. все запланированные работы были выполнены, более того, благодаря благоприятным погодным условиям, удалось увеличить объем обследованных площадей в три раза. О некоторых обнаруженных на дне образованиях уже сейчас можно говорить, что они являются археологическими объектами. Например, образования правильной формы, – как видно на сонаграмме (Рис. 2 а), это каменные блоки, – части оборонительных сооружений острова Арвад. Некоторые из этих обработанных блоков можно увидеть на берегу в сохранившихся фрагментах кладки (Рис. 2 б). Три обнаруженных объекта, как например, объекты на Рис. 3 а, б – это, вероятнее всего, остовы

судов. Одно из обнаруженных судов, скорее всего, современное, так как упоминается в лоциях конца XIX – нач. XX вв.

Всего было обнаружено более 100 перспективных подводных целей, общая обследованная площадь морского дна составила 20,65 кв. км. Были проведены наблюдения за режимом навигации в данном районе, гидрологическом режиме, особенностях береговой линии, ее изменениях. Так, например, по предварительным данным можно говорить, что портовые сооружения средневекового Тартуса в настоящий момент находятся под портовыми сооружениями современного торгового порта. Были сделаны выводы о наиболее вероятных местах древних якорных стоянок, которые располагались между островками Арвад, Эль-Аббас, Эль-Фарис, Эль-Фана и Макруд и непосредственно материковым берегом. Эти островки и банки являются естественным укрытиями от ветров западного направления дующих из открытого моря.

Обследование обнаруженных в акватории города Тартус и острова Арвад целей с помощью телеуправляемого необитаемого подводного аппарата и водолазной группы запланировано на сентябрь 2020 года. Количество дней полевых работ решено увеличить до 30. Также на 2020 год запланировано обследование прибрежного района древнего города Амрит с применением георадара для поиска строительных фрагментов в слое песка и донных отложений.

Работы, начатые в 2019 году, планируется проводить на долгосрочной основе, уже составлены планы на 2020-2021 гг, планируется расширение подводно-археологических исследований на акваторию к северу от г. Тартус.

Данные исследования являются частью большого проекта по сотрудничеству Севастопольского государственного университета с учреждениями Сирийской Арабской Республики. На ближайшие годы планируется проведения не только подводно-археологических исследований, но и научных конференций, семинаров, выставок по результатам исследований.

Манаев А. Ю.

**СИСТЕМА
ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
СЕВАСТОПОЛЯ
НА МЫСЕ ХРУСТАЛЬНОМ
(XVIII-XIX ВВ.)***

Manaev A.

System of Defense Facilities of Sevastopol
at the Crystal Cape
(XVIII-XIX Centuries)

В 2018-2019 годах в связи с реализацией проекта «Музейный и театрально-образовательный комплексы» Таврическое археологическое общество проводило исследования на Артиллерийском холме в районе мыса Хрустальный в центральной части Севастополя. В результате полевых работ были выявлены участки сохранившихся оборонительных сооружений Севастопольской крепости XVIII-XIX вв. Предварительные итоги разведок и раскопок, а также история исследования этой территории приведены в ряде наших публикаций [МАНАЕВ, МОИСЕЕВ 2019а; 2019б], поэтому в настоящей работе основное внимание уделяется именно анализу формирования фортификационного ансамбля.

Первые сооружения появляются здесь в середине 70-х годов XVIII в. и связаны с деятельностью А.В. Суворова. В «Атласе планов и профилей полевых укреплений в Крыму и их окрестностей» (1778 г.) приведены их чертежи и описания. В частности, указывается о строительстве шанцев

* Автор выражает искреннюю благодарность Н.П. Туровой (ФГБУН «Институт археологии Крыма» РАН, Симферополь) и Д.А. Моисееву (ГБУРК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник») за возможность публикации материалов исследований.

«в устье Ахтиарской гавани» и «для прикрытия Херсонской гавани». Эти укрепления должны были обеспечить оборону с южной стороны Ахтиарской бухты. Оба шанца представляли собой систему рвов и земляных валов, усиленных артиллерийскими амбраурами. В плане один из них представлял тень, другой был прямоугольной формы и напоминал контуром редут. Оборонительных казематированных построек не выявлено, ширина рвов составляла 9 футов, высота эскарпа – около 4 футов, контрэскарпа – 7 футов [СМЕКАЛОВА, БЕЛИК 2013: 21, 31-32, 94, рис. 35, с. 140, рис. 80]. Эти сооружения являлись одними из первых фортификаций будущего Севастополя.

В 1810 г. восточнее и западнее Александровской батареи были возведены батареи № 10 и № 8, последняя непосредственно на Артиллерийском холме, в районе современного мыса Хрустальный. В плане она представляла собой неправильной формы десятиугольник, три фаса батареи держали под прицелом вход в бухту, два – пространство перед Николаевским фортом, остальные обеспечивали сухопутную оборону. Вооружение батареи составляли 50 разнокалиберных орудий. Позднее, после почти десятилетнего перерыва, в 1821 г. было решено усилить оборону города. «План состояния Севастопольских укреплений с 1805 по 1821 г.» фиксирует на Артиллерийском холме замкнутый контур батареи № 8 и линейное начертание батареи № 9 (между Александровским фортом и батареей № 8). В свою очередь Э.И. Тотлебен указывает, что между батареями № 8 и № 10 были возведены две мортирные позиции [СКОРИКОВ 1997: 48-50, 57-59; ТОТЛЕБЕН 1863: 85].

В 30-е годы XIX в. начались масштабные изменения в планировке и организации Севастопольской крепости. Весомый вклад в разработку проекта обороны города внес М.П. Лазарев, по плану которого инженером-подполковником К.И. Бюрно были разработаны новые чертежи укреплений. По проекту 1834 г. сухопутная линия обороны начиналась от 8-й батареи и состояла из семи земляных бастионов, замкнутых с горжи оборонительными казармами. Между собой бастионы соединялись каменными оборонительными стенами с устройством рва и гласиса по всему периметру [СКОРИКОВ 1997, с. 67, 70; ТОТЛЕБЕН 1863, с. 87].

В 1838 г. активизируется строительство фортификационных сооружений и на Артиллерийском холме. Здесь планировалось построить новый бастион (седьмой по порядковому номеру планируемых к постройке бастионов) и связать его с существующей батареей № 8. В научный оборот введен план модернизированной батареи № 8 в комплексе с 7-м бастионом, составленный в 1839 г. В дальнейшем документы фиксируют и конкретные меры по реализации плана. Отмечено, что в 1842 г. при батарее № 8 построен бастион, возведена оборонительная стена с воротами. Общие изменения в фортификационном ансамбле Севастополя показывает чертеж о преобразованиях городских укреплений с 1833 по 1844 гг.: на схеме фиксируются измененный контур батареи № 8, выступ 7-го бастиона, соединенный с батареей № 8 в один конструктивный элемент, а также оборонительная стена, соединяющая 6-й и 7-й бастионы. Отметим также появление на плане ряда построек в тыльной части батареи № 8, на восточном склоне Артиллерийского холма, обращенного к Артиллерийской бухте [ТОТЛЕБЕН 1863: 89, 91, 96, 101]. Отметим, что на плане не отмечена сохранившаяся до нашего времени «Оборонительная стена 7-го бастиона», которая была построена перпендикулярно оборонительной стене, соединявшей 6-й и 7-й бастионы. В то же время позади 7-го бастиона и 8-й батареи была устроена тыльная оборонительная стенка, примыкавшая одной стороной к 8-й батарее, а другой – к оборонительной стене между 6-м и 7-м бастионами. Это сооружение обеспечило защиту с горжи укреплениям на Артиллерийском холме [ТОТЛЕБЕН 1863: 88]. Таким образом, время возведения сохранившейся оборонительной стены 7-го бастиона можно отнести к периоду между 1844 и 1852 гг.

К 1852 г. основные работы по созданию береговой обороны были завершены. Со стороны моря город защищали восемь мощных батарей, в том числе на Артиллерийском холме комплекс 7-го бастиона и 8-й батареи. Это укрепление имело вид бастионного фронта и было дополнительно усилено рвом и гласисом. Береговой фронт этого оборонительного комплекса контролировал вход на рейд Севастопольской гавани, левый фас 7-го бастиона обеспечивал фланговую защиту с тыльной стороны Александровской и 10-й батареям, расположенных западнее. На воору-

жении укрепления на Артиллерийском холме находилось 62 орудия: 39 пушек, 15 единорогов и 10 мортир, из которых 44 предназначались для контроля за прибрежной зоной и входом на рейд. Для стрельбы каменными ядрами на комплексе 7-го бастиона и 8-й батареи было устроено 4 ядрокалительных печи. Боеготовность укрепления обеспечивал гарнизон из 282 человек [ТОТЛЕБЕН 1863: 86, 92, 99, 101, 105-106].

Общий вид укрепления на Артиллерийском холме фиксирует план 1853 г. из «Атласа крепостей Российской империи» (Рис. 1), а также чертеж укреплений в районе м. Хрустальный, который приводит Э.И. Тотлебен в «Атласе планов и чертежей к описанию обороны Севастополя» (1863 г.) (Рис. 2-Б). В дальнейшем ансамбль 7-го бастиона и 8-й батареи продолжает фиксироваться на планах Севастополя конца XIX – нач. XX вв., участки оборонительных сооружений форта идентифицируются на немецкой аэрофотосъемке 1942 г. Однако, во второй половине XX века, вследствие строительства заводов №№ 24 и 54, а также сооружения Обелиска городу-герою Севастополю и монумента «Солдат и матрос», практически все детали оборонительных сооружений 7-го бастиона и 8-й батареи были уничтожены.

В ходе археологических исследований на территории 7-го бастиона были открыты новые оборонительные сооружения, которые зафиксированы на планах XIX в., однако, до настоящего времени были перекрыты позднейшими напластованиями. В частности, под полотном асфальтированной дороги на территории бывшего военного завода № 54 была открыта оборонительная стена, которая изучена на протяжении 80 м (Рис. 2-А). Она сложена из известняковых хорошо обработанных блоков (в том числе и вторичного использования) на прочном известковом растворе с примесью цемьянки. Толщина стены составляла 1,1-1,2 м, сохранившаяся высота – 1.20-1.30 (в среднем 6-7 рядов кладки). Важным элементом конструкции являются контрфорсы размерами 1,40 x 1,15 м, которые были расположены на расстоянии около 6 м друг от друга. Нижние блоки стены установлены в строительную траншею, вырубленную в материковой скале. Кроме описанной оборонительной стены в ходе исследований также было локализовано размещение батареи № 56, а также выявлены «палат-

ки» русского лагеря (вырубленные в материковой скале) на восточном склоне Артиллерийского холма. Дальнейшие археологические исследования позволят выявить новые элементы оборонительного комплекса 7-го Бастиона – 8-й батареи.

В целом можно реконструировать хронологию строительства ансамбля крепостных сооружений на Артиллерийском холме. В последней четверти XVIII в. в районе мыса Хрустальный по распоряжению А.В. Суворова возводятся первые земляные укрепления русской армии. В первой четверти XIX в. здесь строятся новые оборонительные сооружения, в частности батарея № 8. В 1830-е годы начинает реализовываться план масштабного строительства Севастопольской крепости, возводится замкнутая система бастионов и батарей, соединенных между собой оборонительными стенами. К началу 1850-х годов на Артиллерийском холме формируется единый комплекс 7-го бастиона и 8-й батареи. Помимо фортификационных сооружений внутри форта возникают различные хозяйственные и жилые сооружения. В дальнейшем эти укрепления были скрыты, территория активно использовалась под строительные цели, кроме того, здесь в 70-х – 80-х годах XX века было начато строительство двух грандиозных монументов – «Солдат и матрос» и Обелиск городу-герою Севастополю. Это привело к практически полному уничтожению остатков оборонительных сооружений 7-го бастиона и 8-й батареи.

Библиография:

МАНАЕВ А.Ю., МОИСЕЕВ Д.А. Исследования оборонительного комплекса периода Крымской войны на Артиллерийском холме в Севастополе // Историческое наследие Крыма. 2018. — Симферополь, 2019а. С. 17-26.

МАНАЕВ А.Ю., МОИСЕЕВ Д.А. Археологические исследования на территории 7-го Бастиона в районе Артиллерийской бухты в Севастополе // История и археология Крыма. — Симферополь, 2019б. Вып. XI. С. 185-194.

СКОРИКОВ Ю.А. Севастопольская крепость. — СПб, 1997.

СМЕКАЛОВА Т.Н., БЕЛИК Ю.Л. Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху. — Симферополь, 2013. (Серия: «Материалы к археологической карте Крыма», Вып. IX).

ТОТЛЕБЕН Э.И. Описание обороны г. Севастополя. — СПб, 1863. Ч. I.

Могаричев К. Ю.

«КРЫМСКИЙ ПРОЕКТ» ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМИИ В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: 1920-е гг.

Mogarichev K.

The Crimean Project of Jewish Autonomy in the Discourse of Soviet National Politics: 1920s

На XII-ом съезде ВКП(б) (апрель 1923 г.) в СССР была провозглашена новая национальная политика, суть которой состояла в компромиссе советской власти с национальными движениями нерусских народов, проживающих в стране. Согласно Сталинской концепции, каждая нация имела 4 основных признака: язык, территория, культура и элита [Сталин 1937: 8, 27]. Вместе, они должны были образовать «семью пролетарских народов». Этнолог Ю. Слёзкин сравнивает это явление с национальной «коммунальной квартирой» [Слёзкин 2001: 330].

Однако, евреи, будучи дисперсно расселёнными и не имевшие на территории СССР собственной этнической территории были фактически вынесены за рамки национальной политики. Кроме того, согласно идеям В. Ленина и И. Сталина, евреи не являлись нацией и должны были в скором времени быть ассимилированы [Ленин 1924: 40].

Однако, ассимиляция противоречила идеям советской национальной политики 1920-х гг. Поэтому, выдвигались различные концепции, как включить евреев в «семью народов». В начале 1920-х выдвигается проект создания Белорусской еврейской советской республики, который остался только на бумаге [РГАСПИ ф. 445, о. 1, д. 19, л. 13].

Следующим в 1923-1924 гг. выставляется проект А. Брагина, который получил в историографии название «Крымский проект». С одной стороны,

он предполагал социальную реконструкцию еврейского населения, с другой стороны- создание еврейской автономной области на территории Северного Причерноморья со «столицей» в Одессе. Считалось, что таковая будет провозглашена к 1927 г. Этот документ был опубликован Еврейским Телеграфным агентством и стал предметом обсуждения за рубежом и в СССР. Если еврейская сельскохозяйственная колонизация вызвала скорее позитивную реакцию, то вопрос об автономии в той постановке вызвал множество негативных откликов [РГАСПИ ф. 445, о. 1, д. 19, л. 11-15]. Однако, вместе с тем в СССР начинается перевод евреев на «сельскохозяйственные рельсы», которые проводили такие советские организации как КомЗЕТ и ОЗЕТ при активной помощи стороны зарубежных организаций: Агро-Джойнт, ЕКО, ОРТ и др.

В обсуждении вопроса о еврейской автономии в 1925 г. рождается консенсус, который состоял в том, что таковая административная единица является возможной в рамках советской национальной политики, при условии успешного расселения евреев на компактных участках и появлении там еврейского большинства. В то же время, «подходящая территория» не была конкретно обозначена, а сам лозунг «автономии» или «республики» не должен был использоваться. [ГАРФ р. 7541, о. 2, д. 11, л. 54-55].

Одновременно с этим шел поиск подходящей территории. В 1925 г. руководством ОЗЕТ и Еврейской Секции выдвигается проект создания Приазовской еврейской автономной республики на территории Кубани [ГАРФ р. 7541 о. 2. д. 11. л.1-2], а в феврале 1926 г. закончила свою работу так называемая «комиссия Ларина» при ЦК ВКП(б), которой руководил М.И. Калинин. По результатам ее работы было принято решение с осторожной формулировкой: «держаться курс на возможность создания еврейской автономной единицы при благоприятных результатах расселения» [ГАРФ, р. 7541 о. 2. д. 11. л.1-2]. Кроме того, тогда же идею о еврейской национальной автономии, фундаментом которой должны были стать еврейские переселенцы, поддержал и Иосиф Сталин [ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 461]. Территорией будущей автономии предполагалось сделать Северный Крым (бывшие Евпаторийский и Джанкойский уезды), к которым в последствии должны были

присоединиться уже упоминаемые приазовские плавни на восточном берегу Керченского пролива [РГАСПИ, ф. 78, о. 7, д. 58, л. 4]. Юрий Ларин считал, что там, в итоге, возникнет «Северокрымская еврейская автономная область или республика» [Ларин 1929: 308].

Первый съезд ОЗЕТа, состоявшийся 15-20 ноября 1926 г., стал важной вехой в решении вопроса о создании еврейской автономии. Знаковым стало выступление «Всесоюзного старосты» М.И. Калинина 17 ноября 1926 г., которое было опубликовано во многих советских и зарубежных изданиях. М. Калинин заверил собравшихся в поддержке еврейского землеустройства на территории СССР, а с другой стороны, отметил стремление к национальному сохранению еврейского этноса. Он впервые на официальном уровне озвучил идею создания «еврейского отечества» внутри СССР, как итог сельскохозяйственной колонизации. Именно это привело бы к уравниваю евреев с остальными национальностями в СССР [Калинин 1926]. В заключительном слове съезда, Ю. Ларин подчеркнул, что правительство дает указание на «создание национальной территории на земледельческой базе» [ГАРФ, р. 9498 о. 1. д. 17. л. 130].

Речь «Всесоюзного старосты» спровоцировала на съезде масштабную дискуссию, между, как их называет Ц. Гительман, «националистами» или «национал-коммунистами» (последовательными сторонниками еврейской республики), «нейтралистами» (сторонниками уже упомянутого консенсуса) и «еврейскими коммунистами» (противниками еврейской автономии в СССР) по вопросам еврейской территориальной автономии [GITELMAN 1973: 411]. Именно он предложил выставить лозунг «Еврейской Республики» в качестве конечной цели работы ОЗЕТ [ГАРФ, р. 9498 о. 1. д. 16. л. 139-144]. Его осторожно поддержала секретарь Евсекции ВКП(б) Э. Фрумкина и один из членов президиума ОЗЕТа С. Вейцман. Кроме того, это, естественно, поддержал и Ю. Ларин. Со стороны «нейтралистов» им оппонировал член центрального бюро Евсекции ВКП(б) А. Вайнштейн, который считал, что такой лозунг выпячивать не нужно, а еврейская республика будет организована как только появятся соответствующие условия [ГАРФ, р. 9498 о. 1. д. 14. л. 50] и будет создана для неё «реальная почва» [ГАРФ, р. 9498 о. 1. д. 16. л. 116]. В качестве примера позиции «еврейских

коммунистов» можно привести мнение будущего ректора МГУ Ц. Фридлянда. Он считал, что аграризация и индустриализация еврейского населения никакого национального компонента не несёт и является чисто социальной инициативой [ГАРФ, р. 9498 о. 1. д. 16. л. 147].

Среди обращений к съезду также затрагивался вопрос об автономии. Делегация от горских евреев Кавказа в приветственном письме делегатам писала, что евреи, как и любая национальность СССР, имеют право на свою автономию. [ГАРФ, р. 9498 о. 1, д. 20, л. 10]

С другой стороны, среди представителей политической элиты Советского Союза было не мало противников указанного решения «еврейского вопроса». Например, Нарком земледелия РСФСР Александр Смирнов называл подобные проекты совершенно искусственными и такими, которые расходятся с привычным порядком образования автономных областей [ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 377]. Негативно относилось к этому и руководство Крымской АССР и УССР [РГАСПИ, ф. 445, о. 1, д. 82, л. 81].

Таким образом, в середине 20-х гг. XX в. в среде евреев-большевиков сложился определенный консенсус по вопросам о необходимости создания еврейской автономной республики или области. Предполагалось, что она должна была возникнуть в результате сельскохозяйственной колонизации, при наличии компактного еврейского большинства на некой общей территории. Возникшая автономия являлась бы выражением национальной политики Советского Союза, которая бы позволила получить евреям «своё отечество» в рамках Советского Государства. Это сделало бы евреев равноправной нацией среди других.

Среди высшего советского руководства главным «адвокатом» такого проекта был формальный глава СССР М. Калинин.

При этом, имели место опасения, что что официальное провозглашение лозунга создания еврейской автономной республики являлось нежелательным, так как это может привести к росту и так высокого уровня антисемитизма в стране. Негативной была реакция реакции со стороны руководства Крымской АССР и УССР.

Библиография:

Государственный архив Российской Федерации

КАЛИНИН М.И. Евреи-земледельцы в союзе народов СССР // Известия. — 1926. — 19 ноября.

ЛАРИН Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. 313 с.

ЛЕНИН В. О еврейском вопросе в России / Пред. П. Лепещинского, введение С. Диманштейна. — Запорожье: Кооперативное издательство Пролетарий, 1924. — С. 40.

Российский государственный архив социально-политической истории

СЛЁЗКИН Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Советский период: сборн.. Самара, 2001. С. 329-374.

СТАЛИН И. Марксизм и национальный вопрос // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 3-45.

ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос: сборник документов. Кн. 1. 1918-1933 гг. / Под ред: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Рогоой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 784 с.

GITELMAN, Z. Jewish nationality and Soviet politics: The Jewish sections of the CPSU, 1917-1930. Princeton (N.J.): Princeton university press, 1972. 590 p.

Моисеева Е. Н.

ТРАВЕЛОГИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ И ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ КНЯГИНИ ЛИДИИ ПАШКОВОЙ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНОВ

Moiseeva E. N.

Travelogues of the Russian-French Writer and Traveler
Princess Lydia Pashkova as a Source for Studying
the Mediterranean and Black Sea Regions

Травелогии Лидии Александровны Пашковой (1845-?) привлекли мое внимание несколько лет назад [Моисеева 2015, Моисеева 2019]. Они незаслуженно выпали из поля зрения французских и отечественных историков, хотя княгиня Пашкова одинаково хорошо писала, как на русском, так и на французском языках. К сожалению, биографические сведения о княгине не позволяют проследить жизненный путь этой отважной путешественницы от рождения до смерти. Известно, что княгиня состояла во втором браке с И. А. Пашковым, который служил в Азиатском департаменте, благодаря чему, Лидия Александровна, вероятно, имела многочисленные знакомства среди дипломатов восточных стран.

Время путешествий Лидии Пашковой – 70-80-е гг. XIX в. Известно, что в начале 90-х гг. XIX в. она проживала в Париже. Удалось выяснить, что в Брюсселе в 1896 г. она попыталась покончить собой, выстрелив из револьвера в сердце после посещения русского консула, но ее удалось спасти [Suicide de Lydie Paschoff 1896].

Среди произведений Пашковой есть как художественная литература [Paschkoff 1876, Paschkoff 1880], так и записки о путешествиях [Paschkoff

1877, Paschkoff 1888-1889, Пашкова 1886]. На французском языке в популярном издании «Le Toure du Monde» были опубликованы «Путешествие в Пальмиру» [Paschkoff 1877] и «Синоп (Малая Азия). Шесть месяцев пребывания в столице Митридата на родине Диогена» [Paschkoff 1888-1889]. На русском языке в Одессе в 1886 г. вышла отдельным изданием работа «Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы)» [Пашкова 1886]. Есть и ряд других травелогов, опубликованных как во Франции, так и в России. Они позволяют изучать путешествие по Востоку (княгиня побывала в Египте, Палестине, Сирии, Османской Турции, на Дальнем Востоке) как социокультурный и географический феномен.

Ее записки о путешествиях – это прекрасный источник для изучения образа Востока, образа «другого», представлений о местных жителях, как о мужчинах, так и о женщинах. Пашкова не довольствовалась положением «скромного наблюдателя», воспроизводящего стереотипизированное видение Востока. Восток в ее произведениях предстает вполне самостоятельной цивилизацией. Образ Востока в работах Пашковой сложен, его невозможно втиснуть в рамки ориенталистского дискурса, но, будучи представительницей европейской цивилизации, Пашкова не избежала европоцентристского восприятия Востока.

Лидия Пашкова описывала не только мир Восток. На страницах ее травелогов чередой проходят европейцы (условно «свои» по сравнению с «чужими» турками, арабами): французы, русские, англичане, голландцы, немцы. Таким образом, наряду с образом «чужого» записки о путешествиях Лидии Пашковой позволяют изучать и образ европейцев, образ колонизирующих наций, оказавшихся на Востоке в последней трети XIX в.

Путешествие на Восток в XIX в. было непростым, а иногда и опасным. Благодаря сведениям, почерпнутым из записок о путешествии княгини Пашковой можно изучать путевую повседневность европейской путешественницы на Востоке в последней трети XIX в.

Травелогги Пашковой открывают также перед исследователями возможность изучения восприятия путешественником пространства Востока, в том числе Черноморского и Средиземноморского регионов.

Пространственный поворот в истории исходит из того, что пространство не может рассматриваться просто сценой, где происходят те или иные события, описываемые путешественником. По мнению С.И. Маловичко, «пространство и пейзаж не существуют помимо человеческой культуры, они изобретены человеком, который строил пространственную идентичность для определенного локуса, места проживания, отдыха и иных своих действий» [Маловичко, 2007: с. 26]. Как Лидия Пашкова воспринимала Черноморское и Средиземноморское пространство? Было ли оно для нее враждебным или гостеприимным? Вот лишь некоторые примеры. Черное море Пашкова воспринимало как небезопасное пространство. Из-за «густых туманов» в апреле, покрывавших поверхность моря «словно ска-терть» не редки были столкновения между судами [Paschkoff 1889-1889: 402]. Из-за туманов Пашковой пришлось задержаться на пути в Синоп. Синоп, переживший бомбардировку в ходе Крымской войны, для Пашковой не «одиноким порт» [Paschkoff 1889-1889: 401], куда редко заходят корабли [Paschkoff 1889-1889: 401]), а город с «целительным воздухом», где, по словам княгини, в отличие от русского побережья Кавказа, Абхазии и даже Крыма нет лихорадки [Paschkoff 1889-1889: 402]. Капитан корабля, на котором путешествовала Пашкова был удивлен, узнав, что княгиня собирается высадиться в Синопе – месте ссылки в Османской империи, ведь она «не ссыльная» [Paschkoff 1889-1889: 402]. Но для Пашковой Синоп не каторга, а прекрасное место для морских купаний [Paschkoff 1889-1889: 402]. Княгиня с удовольствием вспоминает свои купания в бухте во время пребывания в Синопе [Paschkoff 1889-1889: 410]. Бухта предстает ей «магической», «спокойной» под светом луны [Paschkoff 1889-1889: 412]. Таким образом, описывая Синоп, княгиня словно пытается реабилитировать его в глазах читателей, превратить из «чужого», враждебного пространства в привычное, благоприятное.

Следует отметить, что травелоги Пашковой – это еще и описание своего уникального опыта. Путешественница выстраивает несколько идентичностей: идентичность свободной женщины, самостоятельно путешествующей по Востоку и претендующей на традиционные мужские роли, идентичность представительницы западной империалистической

культуры, а, с другой стороны, защитницы местных культур. Б. Мелман считает, что гендерное функционирование проявляется не только в «разнице» между тем, как женщины и мужчины представляли страны Востока. Гендер конструирует путешествие, способствует восприятию культурных различий и реагирует на колонизацию [Melman 2008]. Изабель Эрно в статье «Западные путешественницы и империализм: представления о Востоке в XIX в.» рассуждает о связи феминистского дискурса с дискурсом империализма в травелогах путешественниц по Востоку, подмечая противоречивое соединение между феминистским проектом, эмансипатором по своей природе, и империалистическим, в основном властным проектом [Ernot 2011].

Мы только начинаем признавать роль женщин-путешественниц как посредниц между материальной культурой Запада и Востока. Связь между путешествием, властью и гендером была и все еще остается одной из самых сложных. Вот почему дальнейшее изучение травелогов Лидии Пашковой необходимо, в том числе, и для выявления этой связи.

Библиография:

- МАЛОВИЧКО С.И. Историография после «культурного поворота»: пространственный подход и новая локальная история // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007-2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 21-31.
- МОИСЕЕВА Е.Н. Образ Востока во французских травелогах русской княгини Лидии Пашковой // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 124-131.
- МОИСЕЕВА Е.Н. Восток в произведениях русско-французской путешественницы, княгини Лидии Пашковой: раздвигая границы ориенталистского дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2019. № 1. С. 136-142.
- МОИСЕЕВА Е.Н. Повседневная жизнь русско-французской писательницы и путешественницы княгини Лидии Пашковой на Ближнем Востоке в 70-80-е гг. XIX в. // История повседневности. 2019. № 1. С. 131-141;
- МОИСЕЕВА Е.Н. Русские на Дальнем Востоке: образ соотечественников в травелогах Лидии Пашковой // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. — Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2019. — Вып. 19. С. 88-99.
- ПАШКОВА Л.А. Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы). Одесса, Тип. Новорос. телеграфа, 1886. 91 с.

ERNOT I. Voyageuses occidentales et impérialisme: l'Orient à la croisée des représentations (XIXe siècle) // Genre & Histoire [En ligne], 8 | Printemps 2011, mis en ligne le 28 octobre 2011, consulté le 08 avril 2015. URL: <http://genrehistoire.revues.org/1272> (дата обращения 2.02.2020)

MELMAN B. Orientations historiographiques // Clio. Histoire, femmes et sociétés 2008. № 28 <https://journals.openedition.org/clio/8512> (дата обращения 2.02.2020)

PASCHKOFF L. La Princesse Vera Glinsky: la niania Marpha: un divorce en Russe. Calmann Levy, Editeur: Ancienne maison Michel Levy Freres, 1876. 254 с.

PASCHKOFF L. En Orient. Drames et paysages. Paris, 1880. 267 p.

PASCHKOFF L. Voyage à Palmyre // Le tour du monde. 1877/01 (33)–1877/06. P. 161-176.

PASCHKOFF L. Sinope (Asie mineure). Six mois de séjour dans l'antique capitale de Mithridate et la patrie de Diogène» // Le tour du monde. 1888-1889. T. 57. P. 401-416.

Suicide de Lydie Paschoff // Le journal. 1896. 21 juin [Электронный ресурс] <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7620453x/f3.item.r=Le%20Figaro%20Pashcoff%20Lydie.zoom> (дата обращения 1.03.2020)

Мыц В.Л., Соловьев С.Л.

АРХЕОЛОГИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ

Myts V., Solovyev S.,

Archeology of the Crimean War.
New Pages in the History of Sevastopol

В отличие от событий древнейших эпох эпизоды истории Нового времени засвидетельствованы многочисленными и разнообразными письменными источниками, что, как может показаться, снижает ценность их материального подтверждения. К числу таких явлений недавнего прошлого относится Крымская компания, ставшая частью так называемой Нулевой мировой войны 1853-1856 гг., сыгравшей важную роль в новой истории Европы и России. Связанные с ней события широко освещены в многочисленных официальных документах: государственных отчетах, военных донесениях, инженерных чертежах, а также в частных мемуарах и литературных произведениях участников этой войны, в последующих исторических исследованиях, что, казалось бы, лишает необходимости их подкрепления изысканиями материальных свидетельств, все еще сохранившихся до настоящего времени.

На фоне огромной историографии [Тарле 1941-1944], посвящённой всестороннему изучению Восточной войны (последний обзор историографии см.: [Ченнык 2016]), археология Крымской кампании 1853-1856 гг. как система предметных знаний о событиях той поры до настоящего времени отсутствует. Кроме небольших по площади археологических раскопок на Малаховом кургане, организованных в 1974-1976 и 1983 гг. Музеем героической обороны Севастополя под руководством В.В. Крестьянникова и В.Г. Шавшина, следует также отметить археологические исследования на месте Альминского сражения, которые были проведены

в 1983 и 1990 гг. Бахчисарайским музеем, а затем возобновлены П. М. Ляшукон в составе экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины в 2008-2013 гг. под руководством А. Е. Пуздровского. Полученная в ходе раскопок археологическая коллекция, состоящая из 3000 артефактов, хранится в Бахчисарайском музее. О ней имеются сведения в нескольких лаконичных публикациях. В 2019 г. в Бахчисарайский музей также поступила коллекция находок времен Крымской войны из археологических раскопок на трассе «Таврида», проводимых экспедицией Института археологии РАН под руководством А. Н. Хохлова.

Отдельная тема – подводная археология Крымской компании, которая также имеет свою богатую историографию (чего, например, стоит одна только история с поисками «Чёрного принца»). В последнее время ею активно занимается отдел подводной археологии Музея-заповедника Херсонес Таврический (А. А. Букатов). В целом же современные сведения о разрозненных находках предметов вооружения и снаряжения русской армии и вооружённых сил союзников разбросаны на страницах многочисленных сайтов коллекционеров.

В 2016 г. с целью археологического изучения мест сражений времени Крымской кампании 1854-1855 гг. ИИМК РАН и Государственным Эрмитажем была создана совместная комплексная Севастопольская экспедиция. Тогда же впервые на широкой площади проведены раскопки на Малаховом кургане, в ходе которых получены новые и важные данные о топографии фортификационных объектов середины XIX в.

Малахов курган расположен на северо-восточной окраине Корабельной стороны г. Севастополя и занимает над ней господствующее положение. Возвышенность сформирована коренными среднесарматскими отложениями нижнего неогена, ее высота достигает 97 м над уровнем моря, а площадь – 14 га. Она имеет относительно ровную поверхность с уклоном в 3-5° с юго-востока на северо-запад. Впервые топоним «Малахов курган» появляется в картографии г. Севастополя в 1851 г. Выгодное стратегическое месторасположение возвышенности способствовало тому, что Малахов курган во время Крымской и Великой Отечественной войн являлся одним из ключевых пунктов обороны Севастополя. Во время

Крымской войны Малахов курган был превращён в мощный укреплённый бастион (его защищал 36 флотский экипаж), включавший в себя 9 батарей с 76 орудиями.

В связи с работами по реконструкции комплекса памятников Малахова кургана на его территории экспедицией ИИМК РАН проводились полевые исследования в форме археологического наблюдения, раскопок и разведок, которые осуществлялись на всей площади памятника (14 га), для чего были заложены 39 шурфов и шесть раскопов общей площадью около 1300 кв. м. В ходе полевых работ получена археологическая коллекция из 655 предметов.

Перед экспедицией стояли несколько практических задач: 1) определить точное местоположение батареи № 17 (Сенявина) и позиции расположенных на ней пяти орудий, а также противотурмовой батареи № 18 (Панфилова), сравнив полученные данные с информацией, содержащейся в известном издании Э.И. Тотлебена [1863]; 2) установить местоположение подземной галереи (потайного хода), уходящей под Корниловскую башню; 3) осуществлять археологическое наблюдение за ходом земляных работ на территории памятника; 4) путём закладки шурфов определить глубину залегания фундаментов расположенных на Малаховом кургане одновременных строений, распространение и характер культурного слоя.

В ходе исследования участка батареи № 17 на площади 866 кв. м удалось проследить важные детали военно-инженерных фортификационных работ связанных с возведением земляных оборонительных сооружений. Для размещения пяти орудий на специально подготовленной площадке было оборудовано четыре орудийных дворика, расстояние между орудиями составляло примерно 8,0 м. Батареею защищал бруствер шириной до 3,0 м, который первоначально состоял из бутового камня, а впоследствии (в ноябре 1854 г.) его заменили на туры и фашины, заполненные землёй. Ров (шириной 8 м, глубиной 2,7 м) и гласис перед батареей появились к лету 1855 г.

Перед Корниловской башней был открыт ступенчатый спуск в подземелье, вырубленный в рыхлом известняке. Он был раскопан на глубину 2,10-2,70 м, на длину 7,30 м. В заполнении потайного хода обнаружено бо-

лее 270 предметов (картечь, пули, осколки бомб, ядра, капсулы и проч.), связанных исключительно с событиями 1854-1855 гг., а также цапфа от 24-х фунтовой карронады, изготовленной на Ижевском заводе. Целое орудие – ствол 68-фунтовой корабельной бомбической пушки 1848 г. весом более 3 т с четырьмя цельнометаллическими ядрами – найдено на глубине 0,40 м рядом с батареей № 17 (Сенявина) (рис. 1). Учитывая послужной список командира батареи № 17 капитан-лейтенанта С.С. Сенявина, найденная пушка, как и остальные орудия батареи, с большой долей вероятности могла происходить с линкора «Великий князь Константин».

В 2018-2019 гг. основным объектом исследований Севастопольской экспедиции ИИМК РАН стали оборонительные сооружения, расположенные на Историческом бульваре г. Севастополя. Археологические исследования осуществлялись по трём направлениям: 1) изучение территории смотровой площадки «Грибок»; 2) проведение наблюдения за строительными работами по благоустройству территории «Бульварной высоты»; 3) раскопки правого фланга и рва 4-го бастиона (рис. 2).

Мемориальный комплекс обороны г. Севастополя в 1854-1855 гг. занимает так называемую Бульварную высоту, расположенную в 200 м от Южной бухты. Общая площадь около 21 га. Центральную ось комплекса составляет Исторический бульвар, поднимающийся от площади адмирала Ф.Ф. Ушакова на севере к музеефицированным остаткам левого фланга 4-го бастиона на юге.

С началом Крымской войны в сентябре 1854 г. в этом месте в экстренном порядке были возведены земляные фортификационные сооружения, получившие название 4-й бастион – ключевой позиции обороны Севастополя. Сражения здесь продолжались без перерывов 349 дней осады Севастополя войсками коалиции, что стало одной из самых ярких страниц в истории города, российской армии и флота, и в целом в истории России.

В ходе наблюдений установлено, что практически вся территория Исторического бульвара представляет собой многослойный памятник, в культурных слоях которого отложились не только артефакты, но также выразительные следы разновременных и разнохарактерных строений. В связи с обнаружением на большей части памятника древнего культурного слоя

экспедицией был подготовлен необходимый комплект документов для постановки на учёт вновь выявленного объекта культурного (археологического) наследия. На сегодняшний день археологическими исследованиями установлено, что заселение данной территории города Севастополя началось еще в VIII в. до н.э., когда здесь появились тавры (автохтонное население Крыма, носители кизил-кобинской культуры). Раннее поселение тавров возникло ещё до начала греческой колонизации Гераклейского полуострова, связанной с выведением сюда ионийской колонии на месте будущего греческого полиса Херсонеса. Отдельные находки (монеты, керамика, наконечники стрел и проч.) указывают на кратковременное пребывание здесь людей в римский, византийский, золотоордынский и османский периоды истории Крыма.

В 1840 г. по инициативе адмирала М.П. Лазарева (1788-1851) на Бульварной высоте разбили городской парк, а на северо-восточном скальном выступе устроили смотровую площадку с беседкой, обращённой в сторону Южной бухты. У жителей Севастополя это место приобрело особую популярность и получило название «Мыса Доброй Надежды», а беседку стали именовать «Грибок». Во время Крымской войны здесь располагалась батарея № 2, которую также называли «Грибок». В 1905 г. на месте батареи возвели мемориальную площадку. В её центре располагалась каменная беседка в виде гриба. В ходе Великой Отечественной войны данный комплекс оказался полностью разрушен. Нашими раскопками 2018 г. открыты фундаменты сооружений как 1840 г. (датируется по закладной монете), так и 1905 г.

Археологические раскопки 4-го бастиона, никогда ранее не изучавшегося археологами, велись на площади более 7000 кв. м, они позволили проследить историю его строительства в динамике. Впервые были получены достоверные данные о местоположении, характере и конструкции основных элементов фортификации правого фланга 4-го бастиона: валганга, горжи, эскарпа и контрэскарпа. Здесь открыты орудийные дворики, части бруствера с орудийными амбразурами, вспомогательные площадки для размещения боеприпасов, погреба для хранения пороха и бомб, блиндажи для личного состава. Во рву обнаружены вырубленные в скале

навесы-убежища и 14 входов в контрминные галереи, потайной ход для скрытного перемещения войск.

В ходе раскопок собрана представительная (порядка 10000) археологическая коллекция предметов войны и быта защитников бастиона и их противников, достойная пополнить экспозиции музеев Севастополя, посвященных его обороне в годы Крымской войны.

Концепция музеефикации и приспособления для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854-1855 гг. «Историческом бульваре» уже разработана специалистами ИИМК РАН и Эрмитажа и представлена на рассмотрение в Министерство культуры в 2019 г. [Покровская и др. 2019].

Библиография:

ПОКРОВСКАЯ А. Ф., СОЛОВЬЕВ С. Л., КАСИМОВ А. Ю., ЛАЗАРЕВ А. А., ПОЛИГАЕВ В. Л., ЮНКИН Д. А. Концепция комплексных мероприятий по сохранению, музеефикации и приспособлению для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на Мемориальном комплексе памятников обороны города в 1854-1855 гг. «Исторический бульвар» в г. Севастополь // Бюллетень ИИМК РАН. — СПб., 2019. № 9. С. 217-231.

ТАРЛЕ Е. В. Крымская война: в 2-х т. — М.-Л., 1941-1944.

ТОТЛЕБЕН Э. И. Описание обороны Севастополя: в 4-х т. — СПб., 1863.

ЧЕННЫК С. В. Крымская война. — Севастополь, 2016.

Непомнящий А. А.

ВЫДЕЛЕНИЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ КАК ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX СТОЛЕТИЯ

Непомнящий А.

Selection of the Black Sea as an Object of the Research
in Russian Historiography of XIX-th Century

В XIX веке в Российской империи оформилось несколько научных центров, объектом изучения которых стало историческое крымоведение и регионоведение Причерноморья вообще. Наравне с Санкт-Петербургом наибольшее развитие исследование различных аспектов прошлого Причерноморья получило в столице Новороссийского края – Одессе, где ещё в первые десятилетия XIX века оформился кружок ученых деятелей, увлеченных изучением региона. Наличие многочисленных представителей просвещенной интеллигенции, значительное влияние на которую оказывали французы-эмигранты, устройство и активное издание здесь сначала на французском, а вскоре и на русском языке, газет и журналов, ежегодника «Новороссийский календарь», открытие Ришельевского лицея, сравненного впоследствии в правах с университетом, деятельность первых на Юге России научных обществ – способствовало развитию интереса не только к Крыму, но и к Причерноморью в целом, что делало его отдельным объектом для исторических исследований [Непомнящий 2016; Непомнящий 2014: 163-165].

Введение термина «Черноморье» в российскую историографию непосредственно связано с именем профессора Новороссийского университета в Одессе Ф.К. Бруна (1804-1880). Исследователь родился 18 августа 1804 года в финском городке Фридрихсгаме в семье богатого купца.

В возрасте девяти лет Филипп остался сиротой, хотя и не был лишен материальных средств. Старшие братья поместили его в известный петербургский пансион, организованный реформаторским пастором, педагогом школы Песталоццы Муральтом, который Ф.К. Брун окончил с отличием. В 1821 году юноша стал студентом философского факультета Дерптского университета [Успенский: 7-9]. Получив кандидатскую степень, будущий ученый поступил на службу в канцелярию Министерства финансов. Чиновничья работа не приносила Ф.К. Бруну удовлетворения, что заставило молодого специалиста переключиться исключительно на научные штудии и преподавательскую деятельность. В декабре 1825 года он совершил поездку за границу, где провел два с половиной года. В Берлине, Бонне, Лейпциге, Париже и Швейцарии Ф.К. Брун, как и в Дерпте, изучал преимущественно политическую экономию и статистику. В Иенском университете он защитил докторскую диссертацию [Михневич: 78-79].

В 1829 году Ф.К. Брун возвратился на родину и некоторое время работал в Департаменте мануфактур и внутренней торговли, а затем окончательно ушел на преподавательскую работу. Сначала он учил немецкому языку в Витебской гимназии, а в 1832 году переехал в Одессу, где его брат Генрих занимал должность профессора физики и математики в Ришельевском лицее. Филипп Карлович вступил в профессорскую корпорацию лицея с 1 апреля 1832 года (утвержден профессором истории и статистики 29 июня 1836 года). С 23 июня 1832 года по 24 октября 1835 года он также заведовал библиотекой лицея. В 1864 году Ришельевский лицей был переименован в Новороссийский университет. Ф.К. Брун работал профессором этого высшего учебного заведения до последних дней жизни.

Молодой ученый сразу углубился в изучение экономики, статистики, истории Северного Причерноморья. Разнообразные научные разработки по истории, археологии, этнографии, древней и средневековой географии региона доставили Ф.К. Бруну лестное имя в Европе, почетную известность в Российской академии наук [Boutkowski; Desimoni; Remy].

Ф.К. Брун принимал активное участие в работе Одесского статистического комитета, где ему было поручено вести отчетность о торговле Новороссийского края и Бессарабии, которые ежегодно печатались в историко-

статистическом сборнике «Новороссийский календарь» и еженедельно в газете «Одесский вестник». В этих публикациях, основанных на официальных данных, полученных от правительственных учреждений, освещалось состояние экономики края в 40-50-х гг. XIX века. Заметим, что Ф.К. Брун достаточно критично относился к данным статистики, считал, что она не отражает реального положения дел. В 1857-1858 гг. в «Новороссийском календаре» появляются публикации краеведа по древней топографии Северного Причерноморья и Крыма [Брун 1856, 1857]. Особенный интерес данной публикации в том, что ученый привел названия всех крымских городов в разные эпохи. Источником стали карты и атласы, сохранившиеся в Европе и России.

Среди многочисленных ученых штудий Ф.К. Бруна явственно вырисовывается интерес к Крыму, его истории, географии, этнографии. Краевед занимался переводами записок путешественников, посетивших Крым. В «Новороссийском календаре на 1868 (високосный) год» была опубликована статья Ф.К. Бруна «Крымский полуостров около половины XVIII столетия», которая вышла затем отдельной книгой. Основу очерка составляет перевод Ф.К. Бруном с немецкого языка впечатлений побывавшего в Крыму турецкого чиновника о природе края и этнографии крымских татар. Совместно с известным краеведом Крыма Григорием Эммануиловичем Карауловым (1824-1883) Ф.К. Брун работал над переводом сочинения П.С. Палласа о поездке в Крым, сделанный Марией Александровной Сосногоровой-Славич (1820-1891), который затем появился на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей» с комментариями Ф.К. Бруна [Непомнящий, 2019: 65-68].

Специальные научные исследования историк посвятил крымским городам. В «Материалах для истории Сугдеи» [Брун 1871], мастер исторического описания, Ф.К. Брун придал специальному на первый взгляд вопросу широкое историческое значение. С Сурожем у него связываются полузабытые предания о крещении здесь «князя руссов», в котором одесский историк усматривал Владимира, рассматривается и подтверждается так любимая им тема о сношениях Руси с Черным морем и Крымом. История господства в Крыму греков, татар, итальянцев освещена любо-

пытными фактами, заимствованными у средневековых писателей и путешественников. Открытые в Судакe надписи позволили автору нарисовать живыми красками внутренний строй генуэзских колоний. Истории древней Керчи Ф.К. Брун посвятил статью «О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и в средних веках» [Брун 1877].

В последние годы своей жизни ученый задался целью собрать в одном сборнике свои многочисленные публикации по исторической географии Причерноморья, которые были написаны им в разные годы и были разбросаны в различных малотиражных и неизвестных широкой научной общественности изданиях. Увидевшая свет в 1879 году первая часть собрания сочинений Ф.К. Бруна «Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России (1852-1877 годы)» получила престижную в России Уваровскую премию. Книга редактировалась профессором Николаем Алексеевичем Головкинским (1834-1897). Вторая часть этого сборника увидела свет в 1880 году уже после смерти Ф.К. Бруна в «Записках императорского Новороссийского университета». Ученый скончался 3 июня 1880 года в местечке Славуте Волынской губернии. На смерть Ф.К. Бруна откликнулись почти все одесские газеты, периодические научные издания Европы.

Благодаря научным историко-статистическим и историко-топографическим штудиям Ф.К. Бруна термин «Черноморье», трансформировавшийся впоследствии в «Причерноморье» вошел в российскую историографию для определения региона.

Библиография:

БРУН Ф.К. Заметки, относящиеся к древней топографии Новороссийского края и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1857 год. — Одесса, 1856. — С. 414-438.

БРУН Ф.К. Древняя топография некоторых мест Новороссийского края и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1858 год. — Одесса, 1857. — С. 111-114.

БРУН Ф.К. Материалы для истории Сугдеи // Новороссийский календарь на 1872 високосный год. — Одесса, 1871. — С. 3-38.

БРУН Ф. К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и в средних веках // Записки имп. Новороссийского ун-та. — 1877. — Т. 23, отд. 2. — С. 227-258.

МИХНЕВИЧ И. Исторический очерк сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год. — Одесса, 1857. — 200 с.

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. «Полная энциклопедия нужных и полезных сведений о крае»: Новороссийский календарь // Пространство и время. — 2014. — № 4. — С. 160-167.

НЕПОМНЯЩИЙ А.А. Крымоведение в Одессе (середина XIX — начало XX вв.): биоисториографические этюды [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2016. — Т. 12. — Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-aŝt12-1.2016.51.

НЕПОМНЯЩИЙ А.А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение. — 2019. — № 4. — С. 64-71.

УСПЕНСКИЙ Ф.И. Филипп Карлович Брун (1804-1880 гг). — Одесса, 1881. — 50 с.

BOUTKOWSKI A. M. F.K. Bruun // Polybiblion: revue bibliographique universell. — Paris, 1881. — Janvier. — Part. Litteraire. — P. 82-83.

DESIMONI C. [F.K. Bruun] // Giornale Ligustico. — Genova, 1881. — Fasc. 2.

REMY F. Vhilipp Karlowitsch Brunn: nekrolog // Odessar Zeitung. — 1880. — 27 juli.

Осиповский С. Н.

РЕСКРИПТЫ ЕКАТЕРИНЫ II КНЯЗЮ В.М. ДОЛГОРУКОВУ И ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Е.А ЩЕРБИНИНУ ЗА 1774 ГОД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Osipovskiy S.

Rescripts of Catherine II to Prince V.M. Dolgorukov
and Lieutenant General E.A. Sherbinin in 1774
as a Historical Source

Борьба Российской империи с Османской в ходе войны 1768-1774 годов имела большое значение для государства, поскольку объективно способствовала будущему в 1783 году присоединению Крыма и Тамани. Изучение особенностей этой войны началось практически одновременно с происшедшими событиями. Однако следует признать, что основное внимание историков и публикаторов документов было сосредоточено на действиях Первой армии и событиям на Дунае. Пожалуй, единственной научной монографией, посвященной событиям в Крыму, является работа А.В. Мальгина «Покоренье Крыма» 1768-1774 гг. [Мальгин 2016]. Основное внимание в ней уделено военным аспектам этого конфликта. Масштабное четырехтомное исследование Н.Ф. Дубровина о присоединении Крыма к России начинается лишь с 1775 года. Современная исследовательница М.Е. Лупанова в своем диссертационном исследовании «Екатерина и крымская проблема в 1762-1787 гг.» констатирует «отсутствие научных работ, исследующих дипломатию Екатерины II в Крыму» [Лупанова 2003: 5]. Таким образом, относительно малоисследованными являются организационно-управленческие механизмы событий на завершающем этапе войны. Важным источником в освещении этого вопроса являются рескрипты Екатерины II.

Рескрипты Екатерины II разным лицам неоднократно издавались. В качестве примера можно привести значительное количество их, опубликованных за 1774 год в Сборнике русского исторического общества (Т. 27). Однако здесь нет ни одного, отправленного князю Долгорукову. Пожалуй, единственной научной работой, содержащей опубликованную переписку Екатерины II и В.М. Долгорукова за 1774 год, является монография А.Р. Андреева «Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский. Документальное жизнеописание» [Андреев 1997]. Всего за этот год было опубликовано 6 рескриптов, отправленных Екатериной II В.М. Долгорукову – от 27 января, 26 февраля, 15 сентября, 19 и 22 августа и 15 сентября.

В Государственном архиве республики Крым (далее – ГАРК) содержится дело, озаглавленное «Указы Екатерины Долгорукову» за 1774 год. Помимо уже известных, отмеченных выше, здесь содержатся рескрипты В.М. Долгорукову от 17 января и 19 марта 1774 года, а также рескрипт генерал-поручику Е.А. Щербинину от 19 августа 1774 года. Документы представляют собой писарские копии рескриптов, подписанных Екатериной II.

Представляется возможным, опираясь на не введенные в научный оборот рескрипты Екатерины II, дополнить анализ корреспонденции, отправляемой в завершающий год войны в Крым. Первым вопросом, требующим уточнения, является вопрос авторства рескриптов. В работе А.Р. Андреева нигде не поднимается вопрос о создателях рескриптов, направляемых В.М. Долгорукову. Исходя из приведенных текстов, подписанных Екатериной, может создаться впечатление о ее единоличном авторстве. Тем не менее, очевиден коллективный характер рескриптов в Крым. Об этом прямо говорится в решениях Государственного совета. В Протоколе решения Госсовета от 17 марта 1774 года сделана такая запись: «Читан был и апробован рескрипт к генералу князю Долгорукову о поступлении с Едичкульцами...» [Архив Государственного совета 1869: 275]. Термин «апробован» прямо связан с коллективным обсуждением и одобрением посылаемого рескрипта. Сама Екатерина II подписывает этот рескрипт позже, 19 марта. Текст рескрипта до этого нигде не публиковался, а его копия хранится в ГАРК [Государственный ар-

хив Республики Крым: Лл. 4-6]. В тексте императрица также указывает на проведенное коллективное обсуждение: «...апробуя представленное вами ...благоизобретение...» [ГАРК: 4]. Все остальные рескрипты также предварительно обсуждались на заседаниях Госсювета. Иногда решение сопровождалось формулировкой «заготовить рескрипты» или «Ея Величество изволила объявить Совету желание Свое, чтобы поскорее заготовлен был план взаимным на Крым действиям его, вице-адмирала (Сенявина – С.О.) с генералом князем Долгоруковым» [Архив Государственного совета 1869: 74-76].

Анализ текста рескрипта от 19 марта позволяет получить новую информацию об их общем количестве. В начале документа, перед титулом Императрицы, указан его порядковый номер 5. В работе А.Р. Андреева приведены тексты двух рескриптов за начало 1774 года – за 27 января и 26 февраля (без порядковых номеров), в архиве ГАРК хранятся рескрипты от 17 января и описываемый от 19 марта. К сожалению, из-за плохой сохранности некоторых листов (пострадал верх страниц) нельзя определить порядковый номер рескрипта от 17 января. Тем не менее, очевидно, что рескрипты нумеровались с начала года. Рескрипт от 15 сентября из архива ГАРК имеет порядковый номер 10, что позволяет говорить о трех не найденных рескриптах за период до начала осени 1774 года. Впрочем, краткое содержание их можно усмотреть из Протоколов Госсювета.

Содержание всех трех не публиковавшихся рескриптов также весьма информативно, поскольку содержит детальную информацию о развитии ситуации. В рескрипте от 17 января содержится план военных действий на кампанию 1774 года. По нему Вторая армия должна была перенести «наступательные свои действия на супротивный берег реки Дуная... и поставить твердую ногу в Булгарию». Охрана Крыма возлагалась преимущественно на корабли Азовской флотилии.

Тем не менее, мятеж на Кубани внес свои коррективы, и рескрипт от 19 марта предписывал В.М. Долгорукову действовать «для наказания вероломных ...и для предупреждения соблазна в протчих...по всей строгости военного права огнем и мечем или же пленом и неволею» [ГАРК: 4-5]. По отношению к тем, кто не поддержал мятеж, рескрипт строго

предписывал, чтобы «видели к себе со стороны Нашей же и все пристойные приласкании, уважении и угодности, а особливо их начальники» [ГАРК: 5об].

В рескрипте, отправленном на имя генерал-поручику Е.А. Щербинину от 19 августа 1774 года, вызывает интерес порядковый номер 5. Содержание рескрипта (рассматривался на Госсовете 11 августа) связано с просьбой вручить калге султану Шагин Гирею грамоту. Последний, «во все продолжение войны пребывавши нам преданным и усердным», в грамоте получал «полное засвидетельствование и признание трудов своих». Помимо этого, Щербинин получил указание убедить Шагин Гирея переехать в Крым для помощи своему брату Сахибу II Гераю в «настоящих делах, всей осторожности требующих» [ГАРК: 11).

Подводя итоги, следует констатировать, что рескрипты императрицы Екатерины II за 1774 год представляют весьма важный исторический источник для понимания особенностей политики российского государства в отношении Крыма. Перспективным направлением дальнейшей работы является поиск и полная публикация всего комплекса этих текстов.

Библиография:

АНДРЕЕВ А.Р. «Князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский. Документальное жизнеописание» М.: Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. 355 с.

АРХИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА. 1768-1796 гг. СПб, 1869. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1074 с.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ (ГАРК). Ф. 535, Оп.1, Д. 839.

ЛУПАНОВА М.Е. Екатерина II и крымская проблема в 1762-1787. Дис. канд. ист. наук. Рязань, 2002. 201 с.

МАЛЬГИН А.В. «Покоренье Крыма» 1768-1774 гг. — Симферополь: СОНАТ, 2016-176 с.

Павлун А.А.

**РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
ЗАПАДНЫХ ХРИСТИАН КРЫМА
В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КРЫМСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Pavlun A.

Religion as a Factor in Preserving the Ethnic Identity
of Western Christians of Crimea in the 19th – early
20th Centuries (Based on the Materials of the Crimean
Ethnographic Museum)

Присоединение Крыма к составу Российской империи кардинальным образом изменило этнический и конфессиональный состав населения полуострова. В результате переселенческой политики, проводимой российскими властями, с начала XIX в. на полуостров начинают прибывать семьи немцев, поляков, французов, итальянцев, чехов, эстонцев и других народов, которые основывают национальные колонии и заселяют территории крупных городов полуострова. В результате данного процесса в Крыму формируются религиозные общины последователей римско-католической церкви и различных течений протестантизма (лютеранства, меннонитства, баптизма, адвентизма и др.). К концу XIX в. по данным переписи 1897 г. в Таврической губернии насчитывалось 15288 последователей римско-католической церкви и 28991 приверженцев протестантской религии, из которых 186 общин составляли лютеране (20913 чел.), 29 – меннониты (3260 чел.), 10 – сепаратисты (1575 чел.) [Лаптев 2000: 37; Лиценбергер 2005: 69].

В условиях проживания в многонациональном регионе религия в общинах западных христиан Крыма стала выполнять функцию хранителя традиционных верований, обычаев и языка, консолидируя общество способствуя сохранению национального сознания в иноэтническом регионе. Ее влияние проникало в различные аспекты повседневной жизни: образование и воспитание, бытовой уклад, проведение праздников и семейных обрядов, сопровождая людей от самого рождения до смерти [Семенов 2007: 77].

В собрании Крымского этнографического музея с 1993 г. сформировался комплекс предметов в количестве 129 единиц хранения, которые характеризуют особенности религиозной жизни римско-католических и евангелическо-лютеранских общин немецкого, чешского, польского и эстонского населения Крыма в XIX – начале XXI вв. Основная часть предметного комплекса содержит предметы середины XIX – начала XX вв. Это снимки и изображения конфирмантов, учащихся церковно-приходских школ, католических костелов и лютеранских кирх, конфирмационные свидетельства, обширный комплекс литературы на национальных языках, предметы культа (Святые Образа, кресты, шпрухи) и различные открытки.

В период с начала XIX в. по 20-30-х гг. XX вв. церковь являлась основным местом сосредоточения религиозной жизни римско-католических и евангелическо-лютеранских общин Крыма. В местах компактного проживания католиков и лютеран Крыма обязательным образом обустривались отдельные здания или помещения для проведения богослужения и организации обучения подрастающего поколения. С усилением экономического положения и благополучия общин европейских колонистов собирались финансовые средства для постройки каменных молитвенных домов, кирх, костелов и школьных учреждений при них [Задерейчук 2016: 3-5]. Первые лютеранские кирхи были построены в немецких колониях Нейзац (1825 г.) и Цюрихталь (1820-1821 гг.). Крупнейшие католические костелы Крыма были возведены в 1831-1840 гг. в Керчи, в 1863 г. в немецкой колонии Кроненталь, в 1906 г. в Ялте, в 1911 г. в чешско-немецком поселении Александровка, в 1911-1912 гг. в чешской колонии Богемка [Лаптев 2000: 40].

На снимках из собрания Крымского этнографического музея представлены культовые сооружения западных христиан Крыма и некоторые лютеранские образовательные учреждения конца XIX – начала XXI вв., построенные в XIX – начале XX вв. в местах компактного проживания крымских немцев и чехов. Среди них присутствуют изображения зданий католических костелов в с. Александровка Красногвардейского района (КП-3382; Ф-805), с. Ароматное Белогорского района (КП-3411, Ф-818), с. Кольчугино Симферопольского района (НВ-1516), Керчи (НВ-4426/13), Ялте (НВ-4426/47), лютеранских кирх Симферополя (НВ-2153), Судака (НВ-1476), с. Красногорка Белогорского района (КП-3412, Ф-819), с. Золотое поле Кировского района (НВ-4426/14) и др.

На базе данных построек проходила организация богослужения, проведения церковных обрядов и праздников, образовательного процесса. Католические обряды и таинства в коллекциях музея отображают только современный бланк о крещении (НВ-3326) и два молитвенника на польском (НВ-683) и чешском (НВ-5509) языках, подаренные их владельцам после прохождения обряда первого причастия. При этом в немецкой и эстонской коллекциях музея собрана обширная группа предметов по проведению обряда конфирмации (сознательного приобщения к церкви) в общинах крымских лютеран, датирующихся в пределах конца XIX – начала XX вв. Конфирмация проходила в торжественной обстановке в специальных залах для конфирмантов, входящих в комплекс лютеранских кирх, после завершения курса обучения и подготовки девушек и юношей в возрасте 14-17 лет. По завершению обряда конфирмантам выдавались специальные свидетельства на печатных бланках, зарегистрированные в местных приходах, группа которых представлена и в собрании музея [Народы Крыма 2016: 205]. Дополнением к конфирмационным свидетельствам являются групповые и индивидуальные портреты конфирмантов и молитвенники на эстонском языке, подаренные им после прохождения обряда. Крещение, первое причастие и конфирмация являлись одними из важнейших событий в жизни западных христиан. Они инициировали детей и взрослых, делая их полноправными членами духовной общины.

Религиозное образование и воспитание также являлось важной составляющей жизни в общинах западных христиан церкви. Традиционно изучение текстов Священного Писания, катехизисов, молитв и песнопений происходило на национальных языках, что способствовало сохранению родного языка колонистов в русскоязычной среде. Религиозную литературу европейцы часто привозили с собой при переселении. Различные издания Библий, Псалтырей, молитвенников обязательно присутствовали в домах у католиков и лютеран, в особенности у последних. Обширный блок католической и лютеранской религиозной литературы представлен в собрании Крымского этнографического музея. Среди него можно выделить издание Библии на немецком языке в редакции Мартина Лютера второй половины XIX в. (КП-9248, Д-203). Это фамильная Библия семьи Шефер, привезенная в Крым при переселении семьи, которая в дальнейшем сохранялась у ее потомков и при депортации немцев в 1941 г., и при переезде семьи на территорию Германии. В дар музею ее передал в 2018 г. Андреас Мауэр, глава фракции Левой партии в парламенте г. Квакенбрюк (Германия).

Религиозному воспитанию в семье способствовало создание сакральной атмосферы в доме, что достигалось при использовании в убранстве жилых помещений картин на религиозную тематику, скульптурных изображений и распятий. Достаточно полно в коллекциях музея представлены предметы личного благочестия католиков и лютеран Крыма, раскрывающие религиозный быт «домашней церкви» в семьях колонистов в XIX – начале XX вв. Это печатные иконы и фотографии из семей поляков, чехов и эстонцев с изображения Троицы Новозаветной (КП-739, ИИ-36), сцен из жизни Иисуса Христа (НВ-2976, НВ-2988), Девы Марии (КП-740, ИИ-37, КП-673, Ф-96) и Святого Иосифа (КП-1214, ИИ-48), Святого Казимира (КП-7648, ИБ-3619), картины с религиозными изречениями на немецком (КП-1075, ДП-358, НВ-4811) и чешском (КП-1201, ИИ-47) языках (шпрухи), католические кресты двух типов – настольное (КП-241, ИБ-91) и настенное (КП-9250, ИБ-4910) распятия и четки-розарий (КП-8812, ИБ-4499). Данные предметы сопровождали чтение молитв всеми членами семьи, выражали отношение человека к Богу и служили ежедневным напоминанием о вере и религиозных обязанностях.

Таким образом, предметы по религиозной культуре немцев, чехов, поляков и эстонцев Крыма из собрания Крымского этнографического музея отображают место и фундаментальную роль церкви в общинах западных христиан полуострова в XIX – начале XX вв. Религия являлась фактором сохранения национального самосознания лютеранских и католических общин в иноэтнической, иноконфессиональной и иноязыковой среде, способствовала сохранению традиционной культуры и языка, преемственности поколений. На современном этапе религия западных христиан Крыма также продолжает выполнять роль хранителя национальных традиций и обычаев, способствуя возрождению и консолидации католических и протестантских общин на территории полуострова.

Библиография:

ЗАДЕРЕЙЧУК И. П. Религиозная жизнь немцев Крыма в XIX — начале XX в. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2016. № 3. С. 25-29.

ЛАПТЕВ Ю. Н. Немецкие религиозные общины немцев (XIX — нач. XX в.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. — Симферополь, 2000. С. 37-49.

ЛИЦЕНБЕРГЕР О. А. Римско-католическая церковь в Крыму и чехи-католики // Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры. — Симферополь, 2005. С. 53-71.

Народы Крыма. Фотоальбом. — Симферополь, 2016.

СЕМЕНОВ Ю. В. Самосознание народов и его этноконфессиональные аспекты // Вестник УдГУ. — 2007. № 3. С. 75-86.

Пак Б. Б.

**К 142-й ГОДОВЩИНЕ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
1877-1878 гг.
РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Пак В.

To the 142-nd Anniversary
of the Russo-Turkish Liberation War of 1877-1878.
Russian-Bulgarian Relations: History and Current Status

В настоящем докладе дана оценка роли России в болгарском вопросе в ходе русско-турецкой войны и мирных переговоров. Показано главное историческое значение этой войны, заключавшейся в освобождения Болгарии от многовекового турецкого ига и и обретения государственной независимости. Отмечена исключительная роль России в строительстве восстановленного болгарского государства, прежде всего в подготовке кадров, в т. ч. военных, из этнических болгар, сыгравших важную роль в судьбах болгарского народа и получении международного признания государства, защита Болгарии Россией в ходе Парижской мирной конференции 1946 г.

В докладе освещены динамика межгосударственных, в т. ч. дипломатических и экономических отношений между Россией и Болгарией за последние два десятилетия, изменение традиционно дружественных отношений между ними в связи с избранием Болгарией прозападного курса после изменения геополитического ландшафта в Европе в связи с крушением СССР и распадом всей системы социалистического содружества.

В докладе отмечены смещение политического вектора в сторону более конструктивного диалога Софии с Москвой: активизация политического диалога на высшем уровне после президентских выборов 2016 г. и последовавших за ними парламентских выборов 2017 г., складывание в итоге условий для возобновления российско-болгарского сотрудничества по некоторым из закрытых ранее энергетическим проектам. Подчеркнуты готовность российского руководства плотно взаимодействовать с болгарскими партнерами по вопросам транспорта, культуры, окружающей среды и осознание им необходимости сохранения позиций России в Болгарии в качестве одного из приоритетов российской внешней политики.

Прохоров Д. А.

**О ПРЕБЫВАНИИ ШАХИНШАХА ПЕРСИИ
МОХАММАД АЛИ-ШАХА
В ОДЕССЕ В 1911 г.
(ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)**

Prokhorov D.

About the Stay of the Shahinshah of Persia
Mohammad Ali Shah in Odessa in 1911
(According to Archival Documents)

Истории Конституционного движения в Иране (1905-1911), роли русской дипломатической миссии в Иране посвящено значительное число трудов как отечественных, так и зарубежных специалистов. Тем не менее, отдельные аспекты этой темы требуют более детального рассмотрения. В частности, это касается взаимоотношений шахиншаха Персии из династии Каджаров Мохаммед Али-шаха и российского дипломата, востоковеда и религиозного деятеля, караима Серая Марковича Шапшала.

В 1901 г. выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета С.М. Шапшал по распоряжению МИД России был отправлен в командировку в Иран для изучения арабского и персидского языков (по мнению профессора Йельского университета Ф. Казем-Заде, С.М. Шапшал изначально готовился для вступления на консульскую службу) [Kazemzadeh 1968: 522; Browne 1910: 418-420]. Там он, согласно предложению правительства Ирана, занялся преподавательской деятельностью в училище «Лукмание» в г. Тебризе (преподавал русский язык и общеобразовательные предметы). В то же самое время С.М. Шапшал стал давать уроки валиахду (наследному принцу) Ирана Мохаммеду Али. После вступления последнего на иранский трон С.М. Шапшал фактически становится политическим советником шаха –

по словам русского дипломата К. Н. Смирнова, «он верно служил Мохаммад Али-шаху, был смелым и грамотным человеком» [Тер-Оганов 2020; Тер-Оганов 2004: 129, 130]. (Хотя в черновом варианте рукописи российский дипломат заметил, что «издавать эти записки нельзя [так как они] неприятны Саблину, Шапшалу, Барановскому, Геохар-ханум, Зибеханум и друг.[им]. Поэтому при моей жизни едва ли могут быть изданы эти записки» [Смирнов 2002: 256]). А исследователи О. А. Красняк и С. М. Алиев утверждают, что наследник находился под сильным влиянием контрреволюционеров и представителей царской России, и «во время пребывания валиахда в Тебризе, [С.М.] Шапшал, приобретший огромное влияние на наследника, руководил всеми его действиями и фактически правил Азербайджаном» [Красняк 2003: 36; Алиев 2004, 60].

В 1908 г. в Тебризе началось восстание против власти шаха. В январе 1909 г. сторонники конституции захватили власть в Исфахане. Чрезвычайный национальный совет в составе руководителей федайских и бахтиярских отрядов объявил о низложении Мохаммеда Али и о передаче власти его 11-летнему сыну Ахмаду. Мохаммед Али был вынужден сначала скрыться в российской миссии, а затем уехать в изгнание в Россию.

После того, как он был отозван из Ирана, С. М. Шапшал (покинувший Тегеран 20 июля 1908 г.) остался работать в должности драгомана (дипломата-переводчика) и преподавателя азербайджанского языка в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИД. В октябре 1909 г. С. М. Шапшала назначают лектором турецкого языка на ФВЯ Санкт-Петербургского университета [Биобиблиографический 1989: 252]. В феврале 1909 г. он неофициально был принят на работу в МИД, а его официальное назначение по данному ведомству состоялось летом того же года [Петров-Дубинский 2007, 20]. В сентябре 1909 г. С. М. Шапшал, возвращаясь из отпуска, который проводил в Крыму, отправляется в Одессу (очевидно, по прямому указанию руководства МИД России), где встречается с находившемся там низложенным Мохаммед-Али шахом – последний 27 августа 1909 г. отбыл под охраной русского конвоя из Персии в Российскую Империю. 22 сентября 1909 г. в Одессе опальному правителю был оказан торжественный приём с оркестром

и ротой почётного караула, которым руководил лично командующий войсками Одесского военного округа. Разместился шах со своей многочисленной свитой в просторном доме с видом на море и садом для прогулок гарема – польщённый оказанным ему приёмом, он просил отправить телеграмму на имя императора Николая II с выражением благодарности за столь щедрое гостеприимство [Петров-Дубинский 2007: 20]. Итогом встречи бывшего наставника валиахда с экс-персидским шахом стала «Докладная записка С.М. Шапшала в поездке его в Одессу к Махмед Али Шаху», которую дипломат подал в МИД 30 сентября 1909 г. Копия этого документа (предоставленная самим С.М. Шапшалом для хранения в ТОКДП) хранится в деле № 1135 фонда 241 Государственного архива Республики Крым (ГАРК) [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1135. Л. 1-2].

В докладной записке С.М. Шапшал, в частности, сообщал, что «в означенный день в 8 часов вечера я отправился к Его Величеству и был немедленно принят. Шах сильно изменился. Он заметно осунулся, стал нервным и имел жалкий и угнетённый вид. Непосредственно после обмена приветствиями он стал меня забрасывать всевозможными вопросами, быстро меняя темы разговора и, сам себя перебивая, ежеминутно жаловался на постигшую его горькую судьбу. Из всего сказанного в тот вечер и на другой день я вывел весьма определённое заключение, что Мохаммед Али Шах считает свою роль далеко не законченной, а лишь временно прерванной и мечтает вновь выступить на политическую арену с новыми силами и несомненной надеждой на полный успех при неперемennom содействии России. Себя он не считает отказавшимся от престола, а лишь вынужденным силою обстоятельств временно искать убежища под русским флагом <...> Россия, где шах продолжает пребывать в бесте, должна довести дело до конца и этим самым поддержать высокое достоинство принципа беста. Таковы взгляды Мохаммеда Али» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1135. Л. 1]. Свою докладную записку о персидском шаху С.М. Шапшал резюмировал словами: «Если с точки зрения русской политики желательно <...> не предоставлять ему свободу действий, то для этого надо изолировать Мохаммеда Али от какого-бы то ни было влияния персов, переменяя прежде всего его резиденцию и по возможности сократив число лиц

его свиты, которая, кстати сказать, ложится тяжёлым бременем на и без того небогатый бюджет его, при сравнительной дороговизне жизни в России» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1135. Л. 2]. Следует также сказать, что впоследствии С.М. Шапшал ещё несколько раз встречался с Мохаммед-Али шахом; часть их личной переписки также хранится в делах фонда 241 Государственного архива Республики Крым [Петров-Дубинский 2007: 21, 22; ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1230. Л. 67, 76, 78-81, 103].

Роль самого С.М. Шапшала в иранских событиях оценивалась далеко неоднозначно многими его современниками, в том числе, и представителями караимской общественности. Именно за подавление революции в Иране российская караимская пресса начала XX в. называла его «кровавый Шапшал», а сами персы – Шапшал и-хун («кровавый Шапшал») [Прохоров и др. 2007: 396-400; Прохоров 2014: 358-386].

Библиография:

АЛИЕВ С.М. История Ирана. XX век; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. — М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004.

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / Подг. А.Н. Кононов. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1135.

ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1230.

КРАСНЯК О.А. Роль персидской казачьей бригады в определении политики Ирана (1905-1925 гг.) // Цивилизация и государство на Востоке: Материалы конференции аспирантов кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. Вып. 2. — М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 31-38.

ПЕТРОВ-ДУБИНСКИЙ О.В. С.М. Шапшал (Эдиб-Ус-Султан) — учитель валиахда Мохаммеда-Али, генерал-адъютант Мохаммеда-Али-шаха // *Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites*. — Слипери Рок, США — Симферополь, Украина, 2007. Вып. 4. С. 8-23.

ПРОХОРОВ Д.А. Документы к биографии С.М. Шапшала в Государственном архиве Республики Крым // Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике; Под ред. В.В. Мочаловой. — М., 2014. С. 358-386. (Академическая серия: Вып. 50).

ПРОХОРОВ Д.А., КИЗИЛОВ М.Б. Серая Маркович Шапшал (1873-1961) // Крым в лицах и биографиях. — Симферополь: Атлас-Компакт, 2008. С. 396-400.

СМИРНОВ К. Н. Записки воспитателя персидского шаха, 1907-1914 годы: (с приложениями); [подгот., снабдил вступ. словом, коммент., примеч. и указ. Нугзар Константинович Тер-Оганов]. — Тель-Авив: Иврус, 2002.

ТЕР-ОГАНОВ Н. Неизвестный архивный материал о Сергее Марковиче Шапшале (Адиб-Солтан). [Электронный ресурс]. URL: http://shorashim.narod.ru/case_ter_oganov.htm#_ednref7 (дата обращения: 14.03.2020).

ТЕР-ОГАНОВ Н. Новые сведения об отечественных деятелях иранской истории начала XX века // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — М., 2004. № 3. С. 128-133.

BROWNE Ed. The Persian Revolution of 1905-1909. — Cambridge: at the university press, 1910.

KAZEMZADEH F. Russia and Britain in Persia, 1864-1914: a study in imperialism. 1864-1914. — Yale: University Press, 1968.

Прудников В. В.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ СВЯТЫХ ВСАДНИКОВ НА МОНЕТАХ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ ХРИСТИАНСКИХ ГОСУДАРСТВ XIII–XV ВВ.

Prudnikov V.

On the Question of the Reasons for the Appearance
of Images of Holy Horsemen on the Coins
of the Black Sea Christian States of the XIII-XV Centuries.

Идея данного доклада появилась после знакомства автора с работой М. М. Чорефа «К вопросу о причинах появления изображений святых всадников на монетах причерноморских христианских государств XIII-XV вв.». М. М. Чореф установил, что идея размещать изображения конных правителей была реализована в Римской империи и ранней Византии. Но в VIII в. от неё отказались, т. к. она не соответствовала новым представлениям о сущности императорской власти. И только в XIII в. данная традиция возрождается в христианских государствах Причерноморья. Идея размещать изображения всадников была позаимствована у тюрков-сельджуков. Различие состояло только в том, что оружие в руках всадника было заменено на диканикий [Чореф 2013; с. 53].

На основании вышеизложенного М. М. Чореф выдвинул предположение о том, «что изображения конных правителей XIII-XIV вв. следует трактовать как триумфальные, возвеличивающие императоров. Изображения же святых, по-видимому, способствовали распространению представлений о сопричастности Церкви и собственно святого к управлению государством, где чеканились монеты. Таким образом, конным святым, изображенным на монетах, приписывались функции защитников жителей Причерноморья от внешней опасности» [Там же].

Проделанная работа заслуживает пристального внимания. Особенно в части о влиянии сельджуков на христианские государства Причерноморья. За пределами работы остался вопрос о том, откуда на монетах сельджуков, а в последующем и монетах Киликийского царства появились изображения конного всадника и как это связано с существовавшей традицией в Риме и Византии.

Необходимо заметить, что изображение конного всадника встречалось на медных монетах Великого графа Сицилии с 1072 по 1101 гг. Рожера I [zeno #227582; #117979; #197825], а также на печати правителя Эдессы в 1104-1108 гг. Ричарда Принчипата [zeno #31363]. Очень часто конный всадник выбит на фоллисах правителя Антиохии с 1112 по 1119 гг. Рожера Салернского [zeno #43540; #43539; #43538; #17441; #19138; #19146; #128913; #141911; # 157048].

В первых двух случаях представлены всадники с копьем, щитом и шлеме, в чертах которых легко угадываются норманнские рыцари-завоеватели. Данный сюжет согласуется с римской традицией изображения триумфа и легитимации новых правителей Южной Италии и Сицилии.

Вполне естественно, что всадники на монетах Рожера и Ричарда Салернского имеют щит миндалевидной формы, который принято относить к щитам норманнского типа. А.В. Банк считает, что эти заимствования из западной культуры вылились в «аристократические» устремления византийского искусства», которые в свою очередь стали следствием некой «официальной реформы середины XII в.»: во время правления Мануила Комнина, когда на смену лукам, стрелам и круглым щитам пришли продолговатые и тяжелые копья [Банк 1978; с. 95 и сл.]. Более подробно вопрос о норманнском влиянии на византийскую аристократию в XI-XII в. рассматривался в специальной работе [Прудников 2019; с. 100-127].

На монетах антиохийского княжества мы уже видим всадника в образе святого Георгия, поражающего копьем змея. С.П. Брюн считает, что данный образ возник под влиянием византийской иконографии и был навеян победой Рожера Салернского над сельджуками у Тель-Данита в 1115 г. [Брюн 2013; с. 38]. Очевидно, что Рожер провел некую переоценку

ценностей и отказался от традиции нанесения своего изображения на монеты в пользу поиска покровительства и защиты у святого воинства.

С другой стороны, нельзя безоговорочно говорить об одностороннем византийском влиянии. В норманнских хрониках конца XI в. при описании решающих сражений между мусульманами и христианами в наиболее отчаянные моменты появляются вооруженные святые, которые непосредственно оказывают помощь христианам. Малатерра сообщает, что в битве норманнов с арабами при Серами в 1063 г.: «... появился некий всадник в сверкающих доспехах, восседающий на белом коне, держащий белое знамя (закреплённое на копье с навершием в форме сверкающего креста)» [Malaterra 1928; II, 33, p. 44]. Это был святой Георгий, который увлек норманнов в бой и принес им победу. Тут же Малатерра говорит, что подобное навершие в виде креста было на копье самого Рожера. Анонимный норманнский рыцарь сообщает о появлении под Антиохией целого войска на белых лошадях и с белыми знаменами во главе с святым Георгием, Меркурием и Димитрием, которые спасли измождённое войско крестоносцев от полного разгрома превосходящими силами тюрков-сельджуков [Geſta Francorum 1924; IV, 29, p. 67]. Характерно, что все перечисленные святые были покровителями византийской армии. Перечисленные примеры говорят о существовании в XI-XII в. норманно-византийской общности, ставшей результатом продолжительного взаимодействия культур. Косвенным подтверждением данного тезиса может служить довольно редкое явление в византийской иконографии: появление трёх стеатитовых икон конных святых, датированное М.В. Алпатовым одиннадцатым столетием [Банк 1978; с. 97 и сл.]

По мнению Чорефа, размещение изображения святого Георгия на монетах генуэзской Каффы во второй половине XV в. было продиктовано «... пиететом по отношению к нему горожан разных вероисповеданий» [Чореф 2013; с. 68]. По всей видимости норманны Антиохии и жители Каффы оказались в сходных обстоятельствах: перед угрозой вторжения тюркских завоевателей и необходимостью противостоять им, имея в своем распоряжении крайне ограниченные ресурсы.

Контакты норманнов и сельджуков в Малой Азии начались задолго до Первого крестового похода. Вполне естественно предположить, что

сельджуки могли позаимствовать у норманнов образ конного воина, в руках которого преимущественно находилось копьё. Сельджуки модифицировали данный образ, добавив в руки всадника булаву.

Таким образом, причины появления изображений святых всадников на монетах причерноморских христианских государств XIII-XV вв., как и в ряде других случаев, следует искать во влиянии античной традиции, процветавшей в регионах Запада и Востока на протяжении не одной сотни лет.

Библиография:

БАНК А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. Очерки. — М.: Наука, 1978.г. — 312 с.

БРЮН С.П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской историографии на заре крестовых походов // Культура и цивилизация. — Вып. 2013. — Вып. 1-2. — С. 33-48.

ПРУДНИКОВ В.В. Deus adiuvā! Норманнские рыцари в Анатолии, XI-XII вв. — Москва: ИВ РАН, 2019. — 309 с.

СТЕПАНЕНКО В.П. Печати латинского Востока в собраниях Санкт-Петербурга: печати Балдуина II (1240-1261) // Византийский временник. — Т. 58. — 1999. — С. 212-219.

СТЕПАНЕНКО В.П. Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие: [Сб. ст.]. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 106-117.

СТЕПАНЕНКО В.П. К иконографии св. воина-всадника в византийской сфрагистике XII-XIII веков. Св. Димитрий Солунский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24, № 6. — С. 111-120.

ШАНДРОВСКАЯ В.С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. Сб. науч. тр. памяти А.В. Банк. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1994. С. 70-89.

ЧОРЕФ М. М. К вопросу о причинах появления изображений святых всадников на монетах причерноморских христианских государств XIII-XV вв. // Научный диалог. — 2013. — № 11 (23): История. Социология. Философия. — С. 53-70.

ANONYMI *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / ed. B. A. Lees. — Oxford: Clarendon Press, 1924. — xxx, 156 p.

GAUFREDUS MALATERRA *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius* // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani.* — Bologna: N. Zanichelli, 1928. — Т. 5. — 172 p.

ZENO <https://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=1245>

Роменский А. А.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ РИТУАЛ СЕЛЬДЖУКОВ И РУСОВ ПО СВЕДЕНИЯМ ИБН АЛ-БИБИ

Romensky A.

Diplomatic Ritual of Seljuks and Rus
According to Ibn Bibi

История Таврики в XIII в. крайне скудно отражена в источниках. Ясно лишь то, что Юго-Западный и Южный Крым сохранил тесные связи с осколками Византии – Трапезундской, Никейской Латинской, Фессалоникской империями – и после 1204 г.¹ Есть основания считать, что Херсон и его «климата» были подвластны трапезундским Великим Комнинам, по крайней мере, в фискальном аспекте [Степаненко 2019: 465]. Об этом свидетельствуют и неоднократно комментировавшиеся сведения Иоанна Лазаропула [Пападопуло-Керамевс 1897: 117], и находки моливдовулов трапезундских василевсов, и их титулатура [Соколова 1991: 204-205; Соколова 1992: 196; Алексеенко 1999: 156-157; Карпов 2007: 413]. Но степень контроля Трапезундского государства над «Ператией», как и подробности международной политики в Причерноморье, остаются дискуссионными.

В этой связи хотелось бы еще раз обратить внимание на информацию сельджукского историка Ибн ал-Биби [Duda 1959: 130-139]. Сохранившееся в его придворной персоязычной хронике известие о походе эмира Хусам ад-Дина Чупана на Сугдею привело к оживленной полемике. Исследователи сконцентрировали внимание, в первую очередь, на хронологии событий и связи крымской кампании сельджуков с их походами

¹ Эти связи документируются, в первую очередь, по нумизматическим находкам. См.: [Гурулева 2018: 66–67].

против Киликийской Армении и Трапезунда [Мыц 1999; Реасокк 2006; Джанов 2008]. В меньшей степени исследовалась внутренняя структура самого текста, который сохраняет еще немало загадок. Представляется целесообразным рассмотреть сообщение Ибн ал-Биби в контексте дипломатической практики, ритуалов и церемоний Иконийского султаната.

Вкратце напомним изложение событий в «Сельджукнамэ». Во время нахождения султана Ала ад-Дина Кайкубада I в Кесарии к нему обратился с жалобой один из пострадавших мусульманских купцов, который утратил свои товары на «Хазарской переправе». Поход на Сугдак (ромейскую Сугдею) султан поручил эмиру Хусам ад-Дину Чупану. Местные жители, увидев приближение войска, вступили в переговоры с сельджуками и выразили готовность «исправить недосмотры» в уплате пошлин или оказать поддержку, в случае, если эмир направляется воевать с Русью. Посол Сугдеи посулил войску эмира 50 000 динаров, что было сочтено недостойным предложением. Одновременно жители города направили гонца к кипчакам, а кипчакский хан уведомил русского князя. Совместное десяти тысячное кипчакско-русское войско ожидало ответа эмира Чупана. После прибытия к берегу сельджукский полководец устроил пир, а утром следующего дня приказал вступить в бой, который не дал перевеса ни одной из сторон. На другой день, однако, сельджукам удалось разбить кипчаков. Русский посол сообщил о покорности князя султану и преподнес подарки: лен, лошадей и 20 000 динаров. Эмир в ответ подарил халат и расшитую золотом шапку. Оставленные союзниками, сугдейцы оказывают вооруженное сопротивление еще некоторое время, но потом они вынуждены принять условия победителей [Якубовский 1927: 54-58; Duda 1959: 130-139].

Ритуал обмена дарами в дипломатической практике прослеживается с глубокой древности. Дары нередко имели символический подтекст, указывая на подчинение одного из субъектов переговоров или напротив, отвергая претензии на главенство. Язык ритуала, выраженный в жестах, церемониальных процедурах и дарах, дополнял условия, зафиксированные на письме или выраженные в прямой речи дипломатов. Рассмотрим подробнее дары князя русов. А.Ю. Якубовский считал, что «едва ли лен...

подвозился из киево-черниговского региона [Якубовский 1927: 62], считая более вероятным его рязанское происхождение. Однако в восточных источниках приобрели репутацию льняные ткани из Среднего Поднепровья. Так, в иранской космографии «Диковинки творений», составленной Наджибом Хамадани, сообщается, что из страны русов вывозят лен. Среди городов, указанных в тексте, уверенно опознаются Киев и Чернигов (Киава и Черинк). Сходную информацию передал и Амин Рази: «Лен этих поселений и местности знаменит, в особенности лен резиденции их царя, которая называется Киава. Компильяции Наджиба Хамадани и Амина Рази в целом основываются на тексте «Рисале» Ахмеда Ибн-Фадлана, однако иногда содержат отсутствующие у него сведения [Ковалевский 1956: 154-155]. О льняных одеждах славян и русов сообщают и анонимный трактат о пределах мира («Худуд-ал-'алам»), а также Гардизи [Новосельцев 2000: 295, 305]. Производство льняных тканей на Руси прослеживается по различным источникам [Рыбаков, 1948, с. 404]; таким образом, нет оснований для сомнений в достоверности этого сообщения Ибн Биби.

Лошади, безусловно, являлись ценным подарком в культуре кочевников. Их наличие среди даров неслучайно, если принять во внимание, что на южных рубежах Киевского княжества располагались земли торков, берендеев и «черных клобуков» – дружественных Руси кочевников, нередко называемых «своими погаными». Центром их владений являлся Торческ [Чхаидзе 2019], князем которого в первой трети XIII в. был Мстислав Мстиславич Удатный. Не исключено, что именно его следует отождествить с персонажем сельджукской хроники [Мартынюк 2019: 127-128]. Эта гипотеза подкрепляется находкой в Торческе монет Иконийского султаната, доказывающей связи местной элиты с сельджуками [Хромов 2013: 33-34]. Скорее всего, именно на торков и других представителей зависимых кочевников мог опираться русский князь в своем крымском походе.

Суммы, предлагаемые эмиру сельджуков сугдейцами и русами (50 и 20 000 динаров соответственно), можно охарактеризовать как довольно существенные. Известно, что Тогрул-бек подарил аббасидскому халифу аль-Каиму во время своей коронации 50 000 динаров [Reasock 2015: 165]. Драгоценная шаль из гарема султана Ала-ад-Дина стоила 12 000 ди-

наров, а головная повязка в гареме Муизз ад-Дин Кайсаршаха оценивалась в 50 000 [Shukurov 2013: 120]. Правитель бейлика Навакийя в Сирии Азиз ибн Авак выплачивал дань Мелик-шаху в размере 30 000 динаров ежегодно [Реасок 2015: 64]. Василевс Трапезунда платил ежегодно в казну султана Рума после захвата Синопа в 1214 г. 12 000 золотых [Якубовский 1927: 61].

Хусам ад-Дин Чупан расценил дипломатические дары русов как признание ими политической зависимости, готовность к выплате баджа (торгово-ремесленный налог) и хараджа (поземельная подать, взимаемая с иноверцев). Его ответными подношениями были почетные одежды (khil'a), играющие важную роль в символике власти Иконийского султаната. Раздача церемониальных халатов зависимым от султана правителям означала их включение в политическую систему сельджуков [Реасок 2015: 162-163]. Такие одежды различались по цвету и качеству ткани. В качестве головных уборов тюркскими султанами использовались конические шапки (hogasani) [Эртюрк 2005: 9]. Даже если такой ритуал имел место, трудно оценить его со стороны русов иначе, как проявление вежливости и номинальное признание сюзеренитета. В реальности Иконийский султанат не имел возможностей и ресурсов для подчинения княжеств Руси. Однако торки Поднепровья, составлявшие, как представляется (наряду с половцами) большинство в войске союзников сугдейцев, могли принять церемониальные дары своих малоазийских соплеменников.

Библиография:

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 1997-1998. — Харьков, 1999. С. 145-160.

ГУРУЛЕВА В.В. Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // ТГЭ. — СПб., 2018. Т. 94. С. 61-82.

ДЖАНОВ А.В. Походы сельджукских войск на Сугдак и в Киликию в правление Алад-Дина Кайкубада I // Сугдейский сборник. — Киев-Судак, 2008. Вып. 3. С. 46-78.

КАРПОВ С.П. История Трапезундской империи. — СПб., 2007.

КОВАЛЕВСКИЙ А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. — Харьков, 1956.

МАРТЫНЮК А. В. «Русский князь» в сочинении Ибн Биби: неизвестная страница биографии Мстислава Мстиславича Удатного? // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. материалов X Международной научной конференции. — М., 2019. С. 126-128.

МЫЦ В. Л. К датировке похода эмира Хусам-ад-Дина Чобана на Судак // АДСВ. — Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 176-186.

НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.- корр. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. — М., 2000. С. 264-323.

ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС А. Сборник источников по истории Трапезундской империи. — СПб., 1897.

РЫБАКОВ Б.А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948.

СОКОЛОВА И.В. Византийские печати VI — первой половины IX в. из Херсона // ВВ. — М., 1991. Т. 52. С. 201-213.

СОКОЛОВА И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. — Барнаул, 1992. Вып. 26. С. 191-203.

СТЕПАНЕНКО В.П. Поствизантийский Крым в XIII в. // МАИЭТ. — Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 454-463.

ХРОМОВ К.К. Медные восточные монеты второй половины XI — первой трети XIII вв. на территории Киевского княжества в контексте проблемы «безмонетного периода» на Руси // Наукові записки з української історії. — Переяслав-Хмельницький, 2013. Вип. 33. С. 32-38.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Торческ — городской центр древнерусского Поросья // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации. XXXI Чтения памяти чл.- корр. АН СССР В.Т. Пашуто. — М., 2019. С. 269-274.

ЭРТЮРК Н. Искусство костюма эпохи Османской империи XVI-XVIII вв.: автореф. дисс. канд. искусствоведения: 17. 00. 04. — М., 2005.

ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. 1927. — Л., 1928. Т. 25. С. 53-76.

DUDA H. W. Die Seltstchukengeschichte des Ibn Bībī. Kopenhagen, 1959.

PEACOCK A. C.S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of ‘Alā’ al-Dīn Kayqubād // Journal of the Royal Asiatic Society. — Cambridge, 2006. Vol. 16 (2). P. 133-149.

PEACOCK A. C.S. The Great Seljuk Empire. — Edinburgh, 2015.

SHUKUROV R. Harem Christianity: the Byzantine Identity of Seljuk Princes // Peacock A. C. S., Nur Yildiz S. (Eds.). The Seljuks of Anatolia. Court and Society in the Medieval Middle East. — London, New York, 2013. P. 115-150.

Рубцова С. И., Наумов Е. А.

«СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА ШЕЛКОВОГО ПУТИ ИННОВАЦИЙ XXI ВЕК» – КАК ФАКТОР ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Rubtsova S., Naumov E.

«Sevastopol Pearl of the Silk Road of Innovation,
XXI Century» – As a Factor of Eurasian
Economic Integration and Sustainable Development

В истории развития человеческой цивилизации существуют примеры длительного взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества между странами и народами с различными политическими взглядами, религиозными и этническими традициями. Одним из самых значительных и широко известных можно назвать Великий шёлковый путь, который протянулся от берегов Атлантического океана до берегов Тихого, пересекая весь Евразийский континент и соединяя страны Средиземноморья с Дальним Востоком в древности и раннем средневековье. Это была не просто дорога или система дорог от океана до океана, это был культурно-экономический мост между Востоком и Западом, соединявший народы в их стремлении к миру и сотрудничеству.

Многочисленные исторические источники свидетельствуют о том, что купеческие караваны с самыми разнообразными товарами с проторенных путей направлялись в средние века на берега Черного моря, останавливаясь в караван-сараях Солхата (Старый Крым), Кафы (Феодосия) и Сугдеи (Судака). Здесь шла бойкая торговля. Сюда съезжались купцы из нынешних Италии, Турции, балканских стран.

В силу геополитических особенностей территории Крыма и значения его субъектов Федерации для России концепция развития территории должна строиться на основе политической доктрины территории и субъектов Федерации. В этом плане возникает необходимость разработки теоретической проблемы – «Политическая доктрина: институциональная структура инновационной социально-экономической системы территории Крыма». Такая политическая доктрина основывается на социальном идеале желаемого и возможного будущего территории. Успех её развития зависит от уровня управления, а оно в данном случае должно быть стратегическим. Политическая доктрина, по сути, диктует необходимость выхода на высокий уровень стратегического управления, поскольку строится на конкретных постулатах стратегии развития. В частности, стратегия развития региона может основываться на идее превращения административной территории в подобие европейской территории по некоторым, привлекательным для собственного населения, критериям. В таком случае Регион будет становиться центром образования, науки, производства, бизнеса, финансов, туризма, оздоровления, отдыха и развлечений.

В Крыму город Севастополь занимает особое геополитическое значение и прежде всего как порт и военно-морская база Черноморского флота. В этой связи разработка проблем развития Севастополя приобретает важное стратегическое значение. Речь идет, прежде всего, о производствах двойного назначения, развития инновационных технологий шестого технологического уклада с применением нано-био, IT технологий. В этой связи возрастает роль учебных заведений, в том числе Севастопольского государственного университета в подготовке кадров специалистов для Севастополя. Этой задаче несомненно отвечает предложение о создании в Севастополе Научно-образовательного центра евразийской интеграции и развития «Шелковый путь инноваций 21 век», предусматривающий полный цикл инновационной деятельности: от проведения совместных исследований и разработок в области высоких технологий – до их внедрения в сфере конкурентоспособного производства, обеспечивающего высокую добавленную стоимость. Евразийские Центры науки и высоких технологий, создаваемые на основе национальных научных центров,

университетов, индустриальных, инновационных парков и других элементов инновационной инфраструктуры, являются базовыми структурными элементами Евразийской инновационной системы, ориентированные на продвижение инноваций в ЕАЭС.

Одной из основных задач создания Севастопольского центра «Шелковый путь инноваций 21 век» является обеспечение территориального развития региона. На территории Севастополя существуют научно-производственный, образовательный комплекс, имеющий потенциальные возможности для разработки и реализации современных наукоемких технологий; промышленные предприятия, способные воспринимать наукоемкие технологии и выпускать конкурентоспособную высокотехнологическую продукцию; развитое сельское хозяйство и курортно-рекреационная сфера, т.е. потенциальные потребители наукоемких технологий. Территориальная экономика Севастополя ориентирована на оказание услуг различного вида, в том числе на обеспечение культурных потребностей (курортно-туристическая сфера). Однако на данный момент территория является депрессивной и для ее развития требуется принятие специальных мер. В процессе разработки программы деятельности Центра будет определен потенциал и перспективы развития на его базе научной, образовательной и инновационной деятельности.

Для этого в регионе необходимо активизировать такие виды деятельности, как подготовка и переподготовка инженерных кадров для технологических отраслей промышленности; профессиональная ориентация молодежи; создание системы трансфера технологий; создание структур поддержки инновационной деятельности и инновационного предпринимательства; создание научно-производственных кластеров для развития промышленности: приборостроение, судостроение, машиностроение, переработка сырья растительного и животного происхождения и др.

Решение этих задач возможно в условиях создания системы четкого взаимодействия государства, бизнеса, науки и образования на основе использования эффективных инструментов, содействующих увязке и ускорению прохождения всех этапов инновационного цикла. В этой связи важное значение приобретает институт – «технологическая платформа»

призванный преодолеть сложившийся разрыв между наукой, образовательной и предпринимательской деятельностью путем более четкой ориентации научных разработок, образовательной деятельности на нужды промышленности. По сути дела технологические платформы – это один из инструментов, который позволяет науке получить сформулированный заказ для разработок и ускорить их коммерциализацию на основе механизма государственно-частного партнерства. Деятельность научно-образовательного центра будет ориентирована на создание и развитие технологических платформ, которые позволят объединить усилия государства, науки, образования, бизнеса вокруг прорывного инновационного проекта, который на выходе даст передовые, а главное – коммерчески привлекательные технологии, товары и услуги. В качестве целевой ориентации технологических платформ, разрабатываемых с участием Центра могут быть использованы проекты в области разработки технологий: повышения энергетической эффективности производства и ЖКХ, использование возобновляемых источников энергии; совершенствование технологий в строительном комплексе, производство и внедрение ресурсо- и энергоэффективных строительных материалов; новые технологии и оборудование в сфере здравоохранения, курортов и туризма; морские биотехнологии; агропродовольственные технологии, включая производство и переработку сельскохозяйственной продукции, производство продуктов питания; разработку технологий утилизации отходов и реализацию мер по охране окружающей среды, восстановлению экосистемы и биоресурсов; повышение инновационной культуры общества, привлечение молодежи к участию в изобретательской деятельности и инновационному предпринимательству и др.

Одним из важнейших условий перехода экономики на инновационный путь развития является наличие в научно-технической сфере достаточного количества квалифицированных специалистов, способных обеспечить продвижение результатов научных исследований и разработок на рынок наукоемкой продукции.

Важно отметить, что создание международных научно-образовательных центров на базе ведущих исследовательских университетов

является важной стратегической задачей, определенной Майским указом президента Российской Федерации В.В. Путина, в котором отмечена необходимость создания сети первичных пунктов трансфера в вузах и научных организациях и объединяющая структура в виде специализированного центра. Поэтому создание региональных Научно-образовательных центров, в том числе на базе Севастопольского государственного университета имеет важное государственное значение. Сосредоточения усилий российского правительства и наднационального органа управления евразийской экономической интеграции на приоритетных направлениях сотрудничества и взаимодействия требует серьезной научной проработки и анализа. Обоснование подходов России к выстраиванию прагматичных и обоюдовыгодных отношений с контрагентами в Евразии требует проведения междисциплинарных фундаментальных и прикладных исследований в области экономических, технических, политических наук с использованием современных цифровых технологий, методов математического и компьютерного моделирования.

Савкович Д. В.

**ЕВРЕИ КРЫМА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ ЕВРЕЕВ КРЫМА
ИЗ СОБРАНИЯ КРЫМСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Savkovich D.

Jews of Crimea in the Late XIX – Early XX Centuries.
Overview of the Monuments of the Material Culture
of the Jews of Crimea from the Collection
of the Crimean Ethnographic Museum

После присоединения Крыма к России в 1783 г. в жизни еврейского народа происходят значительные изменения. Еврейские поселенцы обосновываются в Симферополе, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии [Евреи в Крыму 1999: 24]. Такое расселение по территории полуострова было обусловлено Указом Екатерины II 1791 г., согласно которому евреи Таврической области наделялись гражданскими правами [Кизилов 2011: 246]. Новые еврейские общины формировались за счет выходцев из Польши, Австро-Венгрии, западных районов Российской империи [Лейбин 1997: 97].

В конце XIX в. развернулось строительство синагог и еврейских школ в городах Крыма. Начальные школы (хедеры) открывались при синагогах, или в частных домах. Количество подобных школ в Таврической губернии к концу столетия достигло 120 [Громова 2018: 111]. Школы основывались не только в крупных городах, но и в селах. В фондах ГБУРК «Крымский этнографический музей» хранится подлинная фотография (3127 НВ) первой трети XX в., на которой запечатлены ученики еврейской школы с. Азовское Джанкойского района.

В Симферополе, центре культурной жизни еврейского народа в Крыму, действовало несколько хедеров, на средства евреев в городе были построены сиротский дом, богодельня для престарелых. Еврейское литературное общество содержало в городе библиотеку, в которой хранились книги на древнееврейском языке и идише [Евреи в Крыму 1999: 26].

В коллекции Крымского этнографического музея насчитывается 10 книг на иврите, а также в переводе на немецкий и русский языки. Все книги религиозного содержания: «Талмуд» (КП-902, Д-35) – свод этических и религиозных уложений иудеев, издан в Вене в 1868 г., «Талмуд библейский» (КП-901, Д-34), издан в Берлине, в 1842 г., молитвенник Сиддур (КП-308, Д-15) вторая половина XIX в., Варшава, четыре части Пятикнижия: «Бытие» (КП-295, Д-9), «Исход» (КП-296, Д-10), «Левит» (КП-297, Д-11), «Числа» (КП-298, Д-12), изданные в период с 1888 по 1907 гг., два сборника праздничных молитв Махзор (КП-305, Д-14; 5254 НВ), 1897 и 1910 гг., изданные в г. Вильно, и Махзор (5255 НВ), изданный в г. Житомир в 1868 г. Книги в твердом картонном переплете с добавлением кожи, некоторые части Торы украшены аппликацией в виде сердца из красной и белой бумаги. Поскольку Тора является наиболее важной святыней в иудаизме, обычай украшать этот предмет культа появился еще в средневековье, когда различные символические изображения помещали на навершия (короны) для свитка Торы [Котляр 2015: 73]. Таким образом, оформление культовых книг является частью декоративно-прикладного искусства евреев, в которое также входят такие направления как вышивка, вязание крючком, рейзеле (вырезка из бумаги).

В собрании музея еврейское прикладное творчество представлено набором инструментов для изготовления искусственных цветов, в который входят трафарет для изготовления цветов из бумаги (1003 НВ), специальная металлическая нить (1001 НВ) и подушка с опилками (1000 НВ). На примере изделий из текстиля можно выделить наиболее распространенные декоративные техники и виды орнамента. Так, при изготовлении вышитого полотенца (КП-3328, ИБ-1403) применялись такие техники как мережка, вышивка крестом, вязание крючком для отделки концов изделия. Вышивка представлена сюжетной композицией: девушка, одетая

в корсетку и пышную юбку, поливает куст цветов из кувшина. Подобные сюжеты были также характерны для вышивки украинцев и русских в означенный период, что свидетельствует о культурном взаимодействии евреев с другими народами Крыма. Интерес представляет также гобеленовое покрывало (КП-8, ИБ-13) начала XX в., декорированное вышитым растительным орнаментом желтого, красного и черного цветов, и надписями на идише, нанесенными по четырем краям изделия.

Коллекция предметов материальной культуры евреев Крымского этнографического музея содержит предметы, отражающие занятия крымских евреев. В XIX – начале XX вв. евреи в Крыму занимались земледелием, скотоводством, садоводством, различными ремеслами, были купцами и торговцами [Шполянский 1997: 40].

О развитии торговли свидетельствуют металлические весы (КП-499, ИБ-202) фабричного производства, относящиеся к началу XX столетия. Интересным декоративным элементом предмета является ступенчатая платформа на четырех ножках в виде звериных лап. Весы использовались в еврейской семье, проживавшей в с. Лесновка Сакского района, для взвешивания груза до 10 кг.

Среди еврейских ремесленников были сапожники, портные, столяры, ювелиры, токари. Продуктом столярного ремесла является подставка под цветы (КП-33, ДП-11) второй половины XIX в. Предмет имеет форму небольшого столика коричневого цвета с полочками, изделие покрыто лаком. Подставка использовалась в быту в семье раввина Симферопольской синагоги. Посредством кустарного производства была изготовлена кофемолка (КП-3418, ИБ-1447) начала XX в. из металла в виде полый квадратной коробки с воронкообразным углублением в верхней части, служившим для засыпания зерен кофе, декорированная рельефной рамкой в технике штамповки.

Следующая категория материальной культуры евреев включает элементы традиционного костюма. Музейная коллекция ГБУРК «Крымский этнографический музей» насчитывает несколько предметов гардероба еврейской женщины, наиболее интересный из которых – сорочка (КП-26, ИБ-8) начала XX в. из белого полотна, декорированная по подолу вязаными

кружевом, с нагрудным вырезом, оформленным в виде цветка. К данной группе предметов относится также шелковая шаль (КП-457, ИБ-177) конца XIX в. с изображением павлиньего пера, которая использовалась женщиной в качестве головного убора при посещении синагоги. Заслуживает внимания накидка на дамское платье (КП-31, ИБ-6) первой трети XX в., кремового цвета, с круглым воротником, концы которого переходят в два галстучка, украшенных вышитым растительным орнаментом с добавлением блесков. Коллекцию дополняют ряд аксессуаров: карманные часы (КП-25, ИБ-9) и вышитый бисером футляр для очков (КП-6, ИБ-15). Все предметы английского производства, датированы концом XIX в.

В качестве дополнительного источника для иллюстрации еврейской моды конца XIX – начала XX вв. могут быть использованы фотоматериалы, хранящиеся в фондах Крымского этнографического музея. На большинстве фотографий представители еврейского народа одеты в типичный городской костюм того времени: мужчины – в темные костюмы с белой рубашкой и галстуком, женщины – в длинные темные платья. На ряде снимков (78-80 НВ) начала XX в., переданных музеем жителями г. Саки, изображены мужчины и мальчики в косоворотках.

К предметам домашней утвари, характеризующей городской быт евреев Крыма, относятся настольная лампа (КП-22, ИБ-11) в виде гриба, производства российского завода «Металлопосуда», металлические настольные часы (КП-24, ИБ-10), тарелка фаянсовая (КП-2, ДП-12) японского производства конца XIX в.

Этнографические коллекции по истории и культуре евреев Крыма представляют огромный интерес для исследователей. Различные факторы, такие как дореволюционные еврейские погромы и частые миграции населения, обусловили унификацию бытовой культуры еврейских общин Крыма. Как видно на примере собрания Крымского этнографического музея, еврейское население подверглось некоторой ассимиляции со стороны других народов полуострова и впитало множество элементов их культуры. Большая часть предметов материальной культуры евреев из фондов музея представляет собой вещи общего бытования, за исключением небольшого количества предметов культа. Отличие бытового уклада евреев

от других крымских народов заключается в особом использовании данных вещей. Так, портмоне дамское (КП-5, ИБ-14), украшенное вышивкой бисером и золотыми нитями, использовалось для ношения Торы, а блюдо столовое (КП-1192, ДП-409) конца XIX в. производства завода М.С. Кузнецова, использовалось для обедов во время религиозных праздников.

Библиография:

ГРОМОВА Н. Ф. Национальные школы Таврической губернии в XIX веке и проблема внедрения в них русского языка // Гуманитарная парадигма. — 2018. № 4. С. 108-119.

Евреи в Крыму: Краткий очерк истории иудейских общин Крыма. — Симферополь, 1999.

КИЗИЛОВ М. Б. Крымская иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. — Симферополь, 2011.

КОТЛЯР Е. Р. Ремесло и Тора: источники, виды и репертуар еврейского традиционного искусства // Вестник КемГУКИ. — 2015. № 31. С. 68-76.

ЛЕЙБИН С. А. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму // Евреи Крыма: Очерки истории. — Симферополь, Иерусалим, 1997. С. 90-99.

ШПОЛЯНСКИЙ В. В. Правовое положение евреев в Таврической губернии в XIX в. // Евреи Крыма: Очерки истории. — Симферополь, Иерусалим, 1997. — С. 38-43.

Савчинский В.Э.

КАЗАЦКИЙ СУБЭТНОС В ОСВОЕНИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ В XVII–XVIII вв.

Savchinskiy V.

The Cossack Subethnos in the Development
of the Northern Black Sea Region
and the Northern Azov Region
in the XVII-XVIII Centuries.

Южно-русские степи не полностью обезлюдели в результате монгольского нашествия, тем более что географические и климатические условия Дикого поля, простиравшегося от Днестра до Дона, создавали исключительные возможности для формирования новых межэтнических и социальных групп. В этом плане данные компоненты имплицитно способствовали формированию новых внутриобщинных связей, в основе которых лежали интересы не столько развития, сколько выживания. Другой особенностью нового субэтноса стало столкновение, затем симбиоз «вечевого» и «княжеского» начал.

Особенность колонизации южно-русских степей состояла в том, что в формировании казацкого менталитета в наибольшей степени преобладали черты военной культуры. К тому же, история межэтнических отношений чаще всего отличается конфликтностью, мотивы и глубину, которых иногда трудно понять и оценить. Весьма продуктивны в этом отношении могут быть сравнения и параллели жизнедеятельности казачества, с новгородскими ушкуйниками. Постоянный риск потери жизни для казака становится неотъемлемой частью бытия. Свобода для казака

являлась «неосознанной необходимостью». Свобода воспринималась казачеством как пространство жизни, и всякое покушение на нее воспринималось как попытка уничтожения жизни. Такое всеобъемлющее «переживание» чувства свободы порождало искаженные для цивилизованного человека гипертрофированные чувства и осознания свободы как цели жизни и ее мерила. Становление психологического типа, присущего казачеству проходило в условиях своеобразной социально-экономической и этнополитической ситуации, которая складывалась в Северном Причерноморье. Этнический состав днепровского казачества, даже исходя из скудости источников, представляется довольно пестрым, с преобладанием выходцев из украинских земель, принадлежащих Литве и Польше [Стороженко 1904: 18-21].

Географическая составляющая также является некой доминантой в деятельности казачества. При этом имело место сходство процессов формирования малорусского и великорусского, Днепровского и Донского казачества [Любавский 1895: 238].

Колонизация Дикого поля (Северного Причерноморья и Приазовья) казацкими субэтносами (донцами и запорожцами) проходила в особых условиях. Первое, что отличало данный регион от более привычных условий колонизации, это фактическое отсутствие государственного начала. Даже деятельность новгородских ушкуйников в разной степени контролировалась новгородской метрополией. Не говоря о той поддержке, которая оказывалась экспедиции Ермака. Даже организованная попытка донских казаков закрепиться на Азовском побережье («азовское сидение»), в конечном счете не нашла понимания в Москве. Несколько иначе развивалась ситуация в Северном Причерноморье, которое с конца XVI века стало местом приложения сил запорожцев и казаков, находящихся на службе Речи Посполитой. В этом отношении показателен казацкий поход на Крым в 1628 году под предводительством гетмана Михаила Дорошенко.

Это была совместная акция запорожцев и азовцев, предпринятая в ситуации внутривосточной борьбы в Крымском ханстве с одновременным обострением польско-турецких отношений [Жукович 1910: 161-172, Сведения 1896: 151].

Таким образом, масштабной колонизации Крыма и Северного Причерноморья XVIII века предшествовали точечные, часто спонтанные военные акции днепровского и донского казачества в XVII веке.

Библиография:

ЖУКОВИЧ П.Н. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.) Пятый выпуск. 1625-1629 гг. СПб. Тип.Меркушева 1910 г. 199 с.

ЛЮБАВСКИЙ М.К. Начальная история малорусского казачества // Журнал Министерства народного просвещения. — 1895. Часть ССС, июль. С. 217-244.

СВЕДЕНИЯ О ПОХОДЕ В КРЫМ МИХАИЛА ДОРОШЕНКА.1628 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып.2 (1-я пол. XVII ст.). — Киев: Типография Г.Т. Корчак — Новицкого, 1896. С. 148-167.

СТОРОЖЕНКО А.В. Стефан Баторий и днепровские козаки: исследования, памятники, документы и заметки. — К.: Типография товарищества Г.Л. Фронцкевича и Ко, 1904. 343 с.

Сафонова Н. В.

ИДЕИ И. ГАСПРИНСКОГО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА О ЛИБЕРАЛЬНОМ ИСЛАМЕ

Safonova N.

I. Gasprinskii's Ideas in the Context of Modern Islamic Discourse

Сегодня нет устоявшегося определения термину либеральный ислам, более того, некоторые авторы часто смешивают его с такими понятиями, как евроислам, просвещенный или прогрессивный ислам, исламская реформация. У этих понятий, действительно, есть общее: ислам рассматривается через призму либеральных идей, то есть в контексте его существования и адаптации к западным цивилизационным ценностям.

Либерализация¹ ислама началась в XIX веке: в Российской империи это явление получило название джадидизма и было заложено крымско-татарским ученым И. Гаспринским. Именно в Западной Европе мусульманские либералы видели модель для развития национальной политики Российской Империи с «равенством и уважением к правам наций» [Гаспринский 1881].

Идеи И. Гаспринского возникли в условиях этнического и религиозного противостояния (о чем свидетельствует, например, переписка с такими видными славянофилами как К.А. Победоносцев и Н.П. Остроумов). Гаспринский уделял большое внимание – и сегодня актуальному вопросу – вопросу идентичности мусульман в многоконфессиональной стране.

¹ Эпоха на рубеже XIX и XX веков в Западной Европе известна под названием «Либеральный век», и под влиянием западных либеральных идей были некоторые мусульманские интеллектуалы Российской Империи, о чем ярко свидетельствует утопические Французские письма И. Гаспринского.

Россия мыслилась общей родиной для русских и для мусульман. Однако, чтобы эта идея воплотилась в жизнь, необходимо, чтобы «российское правительство обеспечило полноправное участие мусульман в управлении России в ее государственной и общественной жизни» [Алов, Владимиров 1996: 54]. Это привело бы к тому, что русские мусульмане смогли бы интегрироваться в российское общество, понимая цели и задачи государства, способствуя его развитию и процветанию. Первым шагом к этому должна была стать реформа образования, где главным новшеством стало введение татарского языка как языка преподавания в начальных школах, а также включение светских дисциплин в программу. «Через какие-нибудь пятнадцать лет русское мусульманство, вместо нынешнего невежественного духовенства, имело бы развитое духовенство, образованных улемов; ... и тогда можно бы поднять курс начальных училищ – мектебов до уровня требования времени и ввести в них лучшие, усовершенствованные методы преподавания, вместо существующих ныне долбления и палки. Этим путем быстро проникли бы в массу русские, или лучше сказать, общечеловеческие, гуманные идеи и знания» – писал крымский просветитель [Гаспринский 1881]. При этом все нововведения подразумевали синтез российских и западных достижений, не отменяя мусульманский характер образовательных учреждений. Исмаил Гаспринский, как и другой реформатор Афгани, предлагал вернуться к истокам ислама, очистив его от наслоений, чему должно было помочь изучение Корана на родном языке, сделав текст понятным и доступным для всех умеющих читать. Сам термин «джадид» в арабских словарях означает возврат к первым векам ислама через устранение последовавших позже нововведений. Основной вопрос заключался в том (на что делают упор и современные татары): как поднять образование до европейского уровня, способствовать обновлению ислама, но при этом сохранить мусульманские культурные традиции и основы?

Для И. Гаспринского вопрос обновления ислама был тесно связан с вопросом нациостроительства. В его «модернизационную программу» входило: создание единого общетюркского литературного языка, распространение «джадидистских» школ, издание национальной газеты «Терджиман», развитие новых жанров романа и гражданской поэзии на татарском языке.

На страницах газеты Гаспринский – издатель «использовал традиционную для националистических дискурсов рассматриваемого периода риторику – *пробуждение нации, просвещение, модернизация* и т.д.» [Тихонова 2019: 45]. Один из идейный последователей Исмаила Г. Тукай, ставший классиком татарской литературы, стремился к формированию национального сознания татар, не совпадающего с исламской идентичностью. [Хахим 2010: 180]

Сегодня в кризисный период потери личностной идентичности многих людей, в особенности молодых мусульман, живущих в европейских странах, эти идеи очень актуальны. Из-за проблемы интеграции мусульман в западное общество возник, так называемый евроислам, который также называют просвещенным или либеральным исламом. Произошел отрыв религии от исламской культуры, то, что известный французский исламовед Оливье Руа назвал декультурацией ислама. О. Руа исследуя проблему исламских радикалов, выросших в Европе, писал о том, что исламский радикализм связан с фрустрацией, которую испытывает человек традиционной мусульманской культуры в результате своей «детрадиционализации». И в качестве альтернативы фундаментализму и джихадисткому исламу он привел неотрадиционализм. Сегодня, мы можем сказать, что именно татарские просветители сделали первые шаги в разработке собственной успешной модели неотрадиционализма. Джадидизм позволил соединить религиозный образ жизни со светским в такой формуле, где эти два явления смогли гармонично сосуществовать и развиваться².

Основополагающим аспектом джадидизма, сделавшим его важным этапом в развитии реформаторской мусульманской мысли, «было признание плюрализма в исламе»³. Для демонстрации позитивного результата

² Несмотря на сильное первоначальное противостояние представителей кадимистского направления, исторический опыт показывает, что джадидизм вышел из противостояния победителем и интеллектуальная среда современного татарского общества развивается в рамках этого направления.

³ К плюрализму мнений ведет многообразие толкований Корана, ставшее возможным, благодаря его переводу на местный язык, а также постоянный поиск истины среди умеренных богословов и татарских просветителей, пытавшихся ограничить влияние кадимистов - клерикалов, и поднять образование до европейского уровня.

этого этапа, некоторые авторы приводят в пример Турцию, для которой «перспективен путь «евроислама», но общество не прошло этап обновления, как татарский джадидизм, оно попыталось его перепрыгнуть и столкнулось с идеологическими трудностями, полагаясь в кризисные периоды на армию» [Хаким 2010: 183].

Джадидизм, таким образом, стал примером успешной модели обновления ислама и мусульманского общества в многоконфессиональном государстве, и может внести свой вклад в современную дискуссию о самоидентификации мусульман и проблеме «декультурации» ислама.

Библиография:

АЛОВ А.А., ВЛАДИМИРОВ Н.Г. Ислам в России. М., 1996.

ГОРОШКОВ Н. П. К вопросу становления элементов гражданского общества в творчестве Исмаила Гаспринского // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2012.

ГАСПРИНСКИЙ И. «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина». Симферополь., 1881. (<http://gasprinskylibrary.ru/ismail-gasprinskiy-russkoe-musulmanstvo-myisli-zametki-i-nablyudeniya-musulmanina/>)

ГАСПРИНСКИЙ И. Французские письма. М., 2003.

РУА О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. М., 2018.

САДЫХОВА А.А. Евроислам: две концепции и перспективы // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010

ТИХОНОВА Н.Е. Роль газеты «Герджиман» в процессе модернизации российский тюрок-мусульман на рубеже XIX-XX вв. // Научная мысль Кавказа. 2019.

ХАКИМ Р. Джадидизм (Реформированный ислам). Казань., 2010.

Сорокин А.А.

ДЕПУТАТЫ ОТ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906-1907 гг.)

Sorokin A.

Deputies from the Tauride Province in the State Duma
of the Russian Empire (1906-1907)

Изучение деятельности парламентариев от конкретного региона – актуальный в современной историографии сюжет. От Таврической губернии в 1906 и 1907 гг. в Думу было избрано по 6 депутатов: в 1906 г. – кадеты С.С. Крым, А.В. Новиков, князь В.А. Оболенский (председатель губернского комитета партии), А.Г. Сипягин и трудовики К.С. Нечипоренко (впрочем, В.А. Оболенский называл его «тайным членом кадетской партии» [Оболенский, с. 327]) и С.П. Притула; в 1907 г. – кадеты В.К. Корде и Р.М. Медиев, трудовики П.Н. Тютюнов и С.С. Щербаха, эсер Н.И. Емельянов и социал-демократ М.М. Фомичев [Боиович 1906: 332-337; Боиович 1907: 331-336].

Во II Думе губерния была представлена более левыми депутатами, чем в I (2 кадета, 2 трудовика, по 1 эсеру и социал-демократу против 4 кадетов и 2 трудовиков). По нашим подсчетам, образовательный ценз депутатов I Думы был выше: 4 имели высшее образование, 1 – среднее и 1 – начальное, в то время как во II Думе только 2 депутата от губернии были с высшим образованием, а все остальные – с начальным (преимущественно домашним).

По социальному положению более близкими к народу были депутаты от II Думы: четверо из них имели крестьянское происхождение, в то время

как в I – только двое. Средний возраст депутатов I Думы был больше – 40 лет и 8 месяцев против 34 лет и 8 месяцев. Депутаты I Думы обладали и большим опытом общественно-политической деятельности: землевладелец С.С. Крым был гласным городской думы, уездного и губернского земских собраний, К.С. Нечепоренко – гласным уездного земства, бывший городской голова Керчи А.В. Новиков – гласным уездного и губернского земских собраний, бывший служащий министерства земледелия В.А. Оболенский – гласным губернского земского собрания. Из депутатов II Думы подобный опыт имелся лишь у редактора татарской газеты Р.М. Медиева, который был членом городской управы.

В.А. Оболенский впоследствии в своих воспоминаниях отмечал, что на выборах в I Думу на съезде землевладельцев «списки так и пестрят “мертвыми душами”, и, если придерживаться закона, пришлось бы лишить права участия в выборах добрую половину пришедших татар, которые сами себя по праву считают законными избирателями. Объяснять им, что ошибка в каком-то списке лишает их этого права, – невозможно. И вот я зачеркиваю умершего Умерова и вписываю стоящего передо мною живого, улыбающегося Амета Гусара» [Оболенский: 321]. Перед выборами в губернское избирательное собрание, по его воспоминаниям, на подступах к Дворянскому собранию сторонники октябристов останавливали евреев и татар, которых пытались запугать или избить, а также отобрать у них бюллетени [Оболенский: 325].

В I Думе 5 таврических депутатов получили 7 мест в 5 комиссиях. Так, в комиссию по исполнению государственной росписи вошли К.С. Нечепоренко, С.П. Притула и А.Г. Сипягин [Государственная Дума, сессия I, т. II: 1468]. Последний был также избран секретарем библиотечной комиссии [Государственная Дума, сессия I, т. II: 1196]. В двух комиссиях оказался и В.А. Оболенский, избранный в аграрную и бюджетную комиссии [Государственная Дума, сессия I, т. II: 1075, 1440]. Кроме того, в комиссию по исследованию незаконных действий должностных лиц был избран А.В. Новиков [Государственная Дума, сессия I, т. I: 685].

Единственным депутатом от Таврической губернии, выступавшим в 1906 г., оказался кадет А.Г. Сипягин: 26 мая он принял участие в обсуж-

дении одного из наиболее острых законопроектов – об отмене смертной казни. Возмущенный ответом военного министра и министра юстиции, заявивших, что они не могут рассмотреть проект меньше чем в месячный срок, он предложил председателю Думы обратиться к императору с просьбой приостановить смертную казнь [Государственная Дума, сессия I, т. I: 643]. Несмотря на ожесточенные дебаты, эта поправка Сипягина к формуле перехода к очередным делам была отвергнута [Государственная Дума, сессия I, т. II: 662].

Также А.Г. Сипягин выступил при обсуждении доклада по выборам в Виленской губернии. От нее в числе прочих был избран барон Э. Ропп, который также являлся епископом Римско-католической церкви. Несмотря на то, что отдел по выборам избрание счел правильным, Сипягин взял слово и довольно эмоционально высказался в поддержку этого доклада (проблема заключалась в том, что с 1863 г. католические священники и епископы фактически находились на государственной службе, получая жалованье; а депутат не мог быть государственным служащим) [Государственная Дума, сессия I, т. II: 745]. Как писал впоследствии В.А. Оболенский, волнение Сипягина было связано с тем, что он еще в Севастополе тайно принял католическую веру и был страстным католиком [Оболенский: 330].

Во II Думе в комиссии оказались избраны также 5 таврических депутатов. Но в этот раз они получили уже 8 мест в 7 комиссиях. Р.М. Медиев был избран сразу в три комиссии: о неприкосновенности личности, об установлении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях, по народному образованию [Государственная Дума, сессия II, т. I: 1269; Государственная Дума, сессия II, т. II: 1019, 1144]. М.М. Фомичева избрали в аграрную комиссию и комиссию по церковным вопросам [Государственная Дума, сессия II, т. I: 1594; Государственная Дума, сессия II, т. II: 1019]. В продовольственную комиссию был избран Н.И. Емельянов, в финансовую – В.К. Корде, в комиссию об установлении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях – П.Н. Тютюнов [Государственная Дума, сессия II, т. I: 628, 443; Государственная Дума, сессия II, т. II: 1019].

Во II Думе волновали депутатов социальные проблемы и аграрный вопрос. Так, вступивший в мусульманскую группу кадет Р.М. Медиев выступил за разработку комплекса мер поддержки безработных рабочих, отмечая, что «крестьянин и рабочий – главные колоссы, поддерживающие Россию» [Государственная Дума, сессия II, т. I: 579-581]. Кроме того, комментируя речь Ф. Хан-Хойского о том, что переселенческая политика являлась одним из инструментов русификации кавказских, туркестанских и киргизских территорий, Р.М. Медиев заявил, что она вызывает открытый конфликт среди инородцев Сибири, поэтому если не остановить переселение, то могут начаться массовые бегства в Китай [Государственная Дума, сессия II, т. I: 2273]. Также он обозначил проблему гарантий неприкосновенности вакуфных земель в Крыму [Государственная Дума, сессия II, т. I: 1788-1795].

По земельному вопросу выступил социал-демократ М.М. Фомичев, который подверг резкой критике правительство за его аграрную политику: «На требование крестьян земли оно говорило: мы вам даем свободу передвижения, переезжайте из такой-то губернии в другую и, если хотите, то умирайте там с голоду. На требование же крестьян земли правительство издает закон о свободном выходе из общины. Следовательно, можем ли мы доверять этому правительству? Мне думается, ответ может быть только один: нет, не можем» [Государственная Дума, сессия II, т. I: 1112]. Его речь была поддержана аплодисментами левых, а позиция по самому аграрному вопросу сводилась к следующему: «... выкуп – это новая петля на шею крестьянина. До тех пор, пока крестьяне не получат землю без выкупа, до тех пор крестьянин будет голодать» [Государственная Дума, сессия II, т. I: 1113].

В отношении Фомичева, как и ряда других депутатов из числа социал-демократов, было возбуждено уголовное дело по обвинению в подготовке государственного переворота, однако в конце ноября 1907 г. он был оправдан. Несмотря на короткий срок деятельности I и II Дум, депутаты от Таврической губернии внесли свой вклад в обсуждение наиболее значимых и острых социально-экономических вопросов.

Библиография:

БОИОВИЧ М.М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). М., 1906. 512 с.

БОИОВИЧ М.М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). М., 1907. 520 с.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. Т. 1. СПб., 1906. 866 с.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия I. Т. 2. СПб., 1906. 1046 с.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия II. Т. 1. СПб., 1907. 2344 стб.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия II. Т. 2. СПб., 1907. 1610 стб.

ОБОЛЕНСКИЙ В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. 754 с.

Степаненко В. П.

КРЫМ И МАЛАЯ АЗИЯ (РУМ И ТРАПЕЗУНД) В XIII–XV ВВ.

Stepanenko V.

Crimea and Asia Minor (Rum and Trapezund)
in XIII-XV Centuries.

История Крыма в XIII–XV вв. вв. достаточно смутна и неопределенна [История Крыма 2018: 266-292 Степаненко 2019: 464-469]. Нарративные источники предельно фрагментарны, археологические интерпретируются крайне субъективно (как, например, дата гибели Херсонеса). После 1204 г. византийские владения в Крыму были предоставлены собственной участи. Подобно представителям иных провинциальных элит местные архонты и севасты фактически встали во главе Херсона, Климатов Готии и Сугдеи, приобретя определенную легитимность ценой признания сюзеренитета императора Трапезунда (два первых) и выплаты ежегодной дани. В 1223 г. имел место быть поход на Судак войск Румского султана, вероятно, связанный с установлением Сельджукидами контроля над конечными пунктами т. н. диагонального пути – Анталъей и Синопом [Джанов 2008: 46-78; Мыц 1999: 176-186]. И если датировка похода все еще остается предметом дискуссий, то его цели и последствия все еще смутны и неопределенны.

При характеристике ситуации в Крыму после 1204 г. исследователи обычно цитируют известный пассаж синопсиса «Жития Евгения Трапезундского» скевофилакса Иоанна Лазаропулоса (ок. 1364 г.) о том, что после заключения соглашения о мире между Великим Комнином Андроником Гидом и султаном Рума Ала ад-Дином Кей-Кубадом, в 1223 г. «соглашение было нарушено вследствие несправедного поступка реис Хетума, подчиненного султану наместника Синопа. Начало военных действий было вызвано следующим случаем. Нагруженное собранными с Херсона

и климатов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно, на котором находился как заведующий казенными сборами Алексей Пактиарий, так и некоторые херсонские архонты, шло на направлении в нашу сторону с целью уплаты василевсу Гиду годовичного взноса. Но по причине бурной погоды судно было прибито к Синопу. Названный губернатор разграбил это судно, завладел находящимися в нем денежными суммами и пленил всех вместе с корабельщиками. Кроме того, послал против Херсона вооруженные суда и опустошил его окрестности» [Rosenqvist 1996: 310.1161-312.1182].

Ситуация в Крыму второй половины XIII-XIV вв. также смутна [Байер Х.-Ф., 1995; С.65-76]. Сугдея попадает под предельно нестабильный контроль половцев, о чем также мало известно (приписки к Сугдейскому синаксарю). Неизвестно как долго продлилось бы подобное положение, если бы не начавшиеся монгольские набеги на Крым, в ходе которых были разрушены многие центры Готии и постепенно утратил свое экономическое значение Херсонес, по видимому, к концу данного периода переставший существовать. Сугдея после нескольких погромов в конечном счете оказалась в составе генуэзских владений в Крыму. Восточный Крым вошел в состав Золотой Орды, столицей которой некоторое время являлся Солхат.

Что касается Юго-западного Крыма, то после разгрома монголами местных городских центров на Эски Кермене, Мангупе [Байер Х.-Ф., 2001.], в 90 гг. XIV вв. здесь начинается этап формирования двух новых государственных образований – владений Гиреев, будущего Крымского ханства и «княжества» Феодоро, игравших определенную роль в последующей истории полуострова. И если первое ориентировалась на Орду и просуществовало как вассал Османской империи до конца XVIII в., то второе поддерживало отношения с Трапезундской империей до ее завоевания османами и было завоевано ими в 1475 г.

Библиография:

БАЙЕР Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 500 с.

БАЙЕР Х.-Ф. Метрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным Просопографического Лексикона времени Палеологов // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27. Византия и средневековый Крым. С. 65-76.

ДЖАНОВ А.В. Походы сельджукских войск на Сугдак и Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада I // Судакский сборник. Киев — Судак, 2008. Вып. III. С. 46-78.

ИСТОРИЯ КРЫМА: в 2-х т. / Ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. 1. 600 с.

СТЕПАНЕНКО В.П. Поствизантийский Крым в XIII в.//МАИЭТ. Т. XXIV, 2019. С. 464-469.

МЫЦ В.Л. К датировке похода эмира Хусам в дина Чобана на Судак // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 176-186.

Hagiographical dossier of st. Eugenius of Trebizond in Codex Athous Dionisiou C 154 / Critical edition with introduction, translation, commentary and indexes by I.O. Rosenqvist. Uppsala, 1996.

Таньшина Н.П.

ЖЕНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: КНЯГИНЯ Д.Х. ЛИВЕН И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Tan'shina N.

Female diplomacy: Princess D. Ch. Lieven
and the diplomatic background of the Crimean War

Имя героини моего выступления напрямую не связано с Крымом. Большую часть своей жизни она провела за границей Российской империи, в Лондоне и Париже. Но, накануне окончательного отъезда из России она думала обосноваться в Крыму, если император Николай I не позволил бы ей покинуть пределы России [Daudet 1904: 75]. Если географически с Крымом она не была связана, то с событиями Крымской войны – точно. Более того, от современников, да и историков ей достались упреки в том, что, сбежав, по сути, из России, она «отблагодарила» родину в ходе переговоров, предшествовавших Крымской войне.

Имя этой «беглянки», «шпионки» и «предательницы», а именно такими эпитетами ее зачастую награждали современники, княгиня Доротея, или Дарья Христофоровна Ливен (1785-1857)¹, родная сестра шефа жандармов и героя Отечественной войны 1812 г. Александра Бенкендорфа, супруга Христофора Андреевича Ливена, известного российского военного и дипломата, с 1812 по 1834 г. занимавшего пост посла России в Великобритании. Для меня же Дарья Христофоровна – нетитулованная королева

¹ О Д.Х. Ливен см.: *Таньшина Н.П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009; *Cromwell J.L.* Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785-1857. Jefferson, 2007; *Hyde H.M.* La princesse de Lieven. Grande dame et coeur de femme. Paris, 1940.

европейской дипломатии, на протяжении почти полувека, от эпохи Наполеоновских войн и до Крымской войны, принимавшая участие в важнейших внешнеполитических событиях. То есть Венская система международных отношений формировалась на ее глазах, и она была не просто внимательной наблюдательницей, но и активной участницей событий, составляя ближний круг общения сильных мира сего: королей Великобритании Георга IV и Вильгельма IV, британских политиков Дж. Каннинга, Чарльза Грея, лорда Дж.Г. Абердина, австрийского канцлера, «кучера Европы» Клеменса фон Меттерниха, известного французского политика и историка Франсуа Гизо и ряда других.

Конечно, политику в XIX столетии делали мужчины, но, наверное, за каждым влиятельным политиком и сильным мужчиной стояла не менее яркая и сильная женщина, и история знает целый ряд тому примеров (например, князь Ш.-М. Талейран и герцогиня Доротея Дино, граф К.В. Нессельроде и его супруга Мария Дмитриевна). Княгиня Ливен – одна из таких влиятельнейших женщин эпохи. Уже в Лондоне, с первых лет пребывания в британской столице, она вступила в переписку с графом Нессельроде, который шутил, что в Лондоне у нее было два посла, а современники откровенно полагали, что истинной посланницей в Лондоне была именно проницательная Доротея, а не ее супруг. Пространство «женской дипломатии», пространство салона, было в то время местом не менее важным, чем парламент. Ведь в первой половине столетия свет и политика были взаимосвязанными, и каждый политик, дабы преуспеть в карьере политической, должен был преуспеть в светской жизни. А прославленные хозяйки салонов: леди Джерси в Лондоне, мадам Адель де Буань, Доротея Дино в Париже, были не праздными светскими дамами, а очень умными, образованными, осведомленными политическими фигурами. Такой влиятельной хозяйкой салона была и княгиня Д.Х. Ливен, сначала в Лондоне, а потом в Париже, где «звездой» ее салона стал известный политик и историк Франсуа Гизо, в 1840 г. занявший пост министра иностранных дел, а по сути, возглавивший правительство. Салон княгини Ливен даже называли «обсерваторией для наблюдений за Европой», а злые языки утверждали, что во Франции было не министерство

Сульты-Гизо (маршал Николя Султ был номинальным главой кабинета), а министерство Ливен-Гизо.

Княгиня Ливен состояла в активной переписке не только с ведущими европейскими политиками, но и с российской царствующей семьей, а именно с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а потом с императрицей Александрой Федоровной, супругой Николая I. В 1835 г. переписка с Александрой Федоровной прервалась: Ливен покинула Россию и без разрешения Николая Павловича обосновалась в Париже. В результате разгневанный император откровенно заявил ее мужу, что, если она не вернется, он сотрет ее в порошок [Lettres 1963: 148]. Княгиня не вернулась, осталась в столице Франции на птичьих правах (разрешение ею было получено только в 1843 г.), но даже опальная продолжала информировать российские власти о ситуации в Европе. Она писала брату Александру Христофоровичу, в том числе симпатическими чернилами, и эти письма предназначались государю, о чем свидетельствуют пометы, оставленные им на полях этих писем.

О «зеленых письмах» княгини Ливен, адресованных императрице Александре Федоровне (а она их часто писала на зеленой бумаге из-за проблем со зрением) в Европе циркулировало много слухов: во всем, связанном с ее именем, видели интригу. А поверенный в делах Франции в России граф де Рейзе и вовсе сообщал, что император не принимал светские сплетни Ливен всерьез [ААЕ 1853: 231-232 verso]. Тогда почему же у современников и историков сформировалось мнение о том, что император Николай, прислушиваясь к якобы, не соответствовавшим действительности сообщениям княгини Ливен, в итоге, «проморгал» начало Крымской войны? Более того, французский политический и военный деятель тех лет маршал Кастеллан в своем «Дневнике» утверждал, что «война была создана женским посольством» [Castellane 1896: 113], имея в виду русских хозяек парижских салонов княгиню Ливен, Нарышкину и Марию Калерги (внучатую племянницу Нессельроде), которые, якобы, в ложном духе информировали императора.

Так почему же император вдруг поверил «интриганке» княгине Ливен? Действительно ли она ввела императора в заблуждение? В свете дис-

куссий, происходящих в современной исторической науке относительно комплекса вопросов, связанных с Крымской войной, ее причинами, ходом и результатами, эпистолярное наследие Д.Х. Ливен представляет несомненный научный интерес и позволяет скорректировать устоявшиеся в историографии мнения по этим вопросам. Из писем (а, по сути, из донесений) княгини Ливен императрице Александре Федоровне, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГА РФ)² и составивших основу для подготовки этого доклада, вовсе нельзя сделать вывод о том, что проницательность изменила на склоне лет Дарье Христофоровне. Ее письма отражают наличие разных вариантов развития событий. «Всегда Восток, то есть всегда неопределенность» [ГАРФ 1853: т. 11, 2 об.], «война кажется одновременно невозможной и невозможной» [ГАРФ 1853: т. 10, 223] – все это есть в письмах Ливен. А то, что император увидел в них то, что хотел увидеть, то это уже другая серьезная проблема, связанная с политическими взглядами и позицией Николая Павловича и его окружения. Все эти вопросы и рассматриваются в рамках моего выступления.

Библиография:

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Т. 11. Ч. 1. 1853 г. Письма княгини Д.Х. Ливен императрице Александре Федоровне.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Т. 10. Ч. 2. 1853 г. Письма княгини Д.Х. Ливен императрице Александре Федоровне.

Archives des Affaires Étrangères (AAE). Correspondance politique. Russie. Vol. 209.

CASTELLANE E.V.E.B. Journal du maréchal de Castellane (1804-1862). Paris, 1896. Т. 5.

DAUDET E. Une vie d'ambassadrice au siècle dernier. La princesse de Lieven. Paris, 1904.

Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Préface de J. SCHLUMBERGER. Paris, 1963. Т. 1.

² ГА РФ. Ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Ч. 1-17. Письма княгини Д.Х. Ливен императрице Александре Федоровне. 1832-1856.

Храпунов Н.И., Храпунова С.Н.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» КРЫМСКОГО ХАНСТВА: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПА*

Khrapunov N., Khrapunova S.

The «Golden Age» of the Crimean Khanate:
To the History of Stereotype Formation

В современной историографии распространена интерпретация эпохи Крымского ханства как «золотого века» в истории Крыма и крымских татар, который безвозвратно ушел в прошлое в результате российского завоевания полуострова. Эта концепция является одним из «краеугольных камней» национальной крымскотатарской историографии [Williams 2001: 67-69; Sasse 2007: 60, 75-78]. Одной из базовых тем национальной идеологии очень часто является величие нации в прошлом, которое впоследствии было уничтожено (или, по крайней мере, серьезно поколеблено и поставлено под угрозу) могущественными врагами, что должно было мотивировать национальное возрождение в будущем. В этой связи представление о «золотом веке» ханской эпохи идеально ложится в структуру национального нарратива крымских татар. Но аналогичные интерпретации существуют и в западной историографии [напр.: Fisher 1978: 47 ff.; Žídková, Melichar 2015: 89 ff.]. Конечно, дискурс борьбы малой нации за свободу против империи является определяющим для нынешнего западного сознания, но дело не только в этом. В докладе мы попытаемся продемонстрировать, что на формирование представлений о «золотом

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

веке» Крымского ханства повлияли суждения западных путешественников – авторов первых описаний полуострова в российскую эпоху, задавших своеобразный канон его восприятия.

Европейские интеллектуалы конца эпохи Просвещения и начала Романтизма не раз описывали страны Востока, а также пограничного региона – Восточной Европы, где сохранились впечатляющие остатки древних цивилизаций. Современных жителей этих мест они не считали равными себе, а потому нередко осмысливали увиденное в категориях утраченного величия, а также потомков, (якобы) недостойных деяний великих предков. Например, французы, завоевавшие Египет в конце XVIII в., были очарованы материальными памятниками его древней культуры, но воспринимали современных египтян как полудикарей, живших на руинах цивилизации «золотого века» [Прусская 2016: 108-113, 159-161]. Описывавшие Грецию западные интеллектуалы были шокированы несходством своих современников с идеализированными жителями древней Эллады [Eisner 1991: 100-102]. Характерны слова шотландского путешественника Джеймса Уэбстера (1827-1828), искренне удивлявшегося тому, что в борьбе между турками и греками европейские державы приняли сторону последних, то есть тех, «кто своими интригами и малодушием проложили путь для турецкого вторжения; кто склонил крест перед полумесяцем и пал в пыль к ногам османской власти; кто равен завоевателям в фанатизме и превосходит их порочностью, не обладая ни единым проблеском той чести и доблести, которые всегда отличали турецкий характер, – о них говорят как о наследниках того высокого духа и патриотизма, которые подарили древней Греции её бессмертную славу» [Webster 1830: vol. I, 24; ср.: 151-155; vol. II, 127]. В начале XIX в. русские путешественники по Греции испытывали схожие чувства, сожалея о том, что великая цивилизация уничтожена турецкими завоевателями, а современные греки оказались недостойными своих праотцов [Куприянов 2005: 28-29]. Конечно, не всех волновало воображаемое «античное наследие» Эллады. Например, Байрон не просто знал негативные отзывы о современных греках, но даже отказывал им в праве на полную политическую самостоятельность. Прошлое же он не считал фактором, сколько-нибудь важным в современной политической ситуации. «Что до вопроса об их происхождении,

разве имеет значение, являются ли майноты прямыми потомками лаконцев или нет? или современные афиняне – настолько же аборигенами, как гиметтские пчелы, или кузнечики, которым они некогда себя уподобили? Какого англичанина волнует, датской он, саксонской, норманнской, или троянской крови? и кто, кроме валлийца, переживает из-за желания быть потомком Каратака?» [The Works 1899: 193-194; ср.: 190-191].

В крымском контексте на рубеже XVIII-XIX вв. сложилось два противоположных мнения, применяющих представление о «золотом веке» к текущим реалиям. С одной стороны, в Тавриде повсеместно наблюдались следы разрухи – последствия глубокого кризиса Крымского ханства в последние годы его существования, смут и восстаний, вторжений русских войск, массовой эмиграции населения. Активные действия российского правительства, направленные на строительство городов, стимулирование традиционных и введение новых отраслей хозяйства, привлечение иностранных колонистов и переселение помещиков и крестьян из внутренних губерний пока еще не дали таких результатов, чтобы скрыть от внимания приезжающих явные следы кризиса [Проблемы интеграции 2017]. С другой стороны, многие путешественники читали мемуары Франсуа де Тотта (1733-1793) – последнего французского консула в Крымском ханстве, создавшего идеализированную картину его жизни, где образы ханов Максуд-Гирея и (особенно) Крым-Гирея как просвещенных и европеизированных монархов сочетались с ориентальными фантазиями, соответствующими представлениям Запада о романтическом и необычайно привлекательном Востоке [Mémoires 1785: 40-204].

Среди иностранных путешественников, создавших первые описания Крыма в российскую эпоху, были те, кто рассматривал историю полуострова как вечное противостояние двух начал – творческого, несущего цивилизацию Западного, и разрушительного, варварского Восточного. Воплощением первого были древние греки, римляне, средневековые генуэзцы, второго – скифы, турки и татары. Об этом писали, например, такие разные авторы, как обрусевший шотландец Маттью Гатри (1743-1807) и французский дипломат Жан Рако де Рёйи (1780-1810), конфиденциально собиравший сведения о Северном Причерноморье по заказу своего

правительства [Guthrie 1802: 136, 266-267; Reuilly 1806: 71-106]. Как сказал о «покоренье Крыма» британский авантюрист Уильям Итон (? – после 1806), «Ни один друг человечества не сможет испытать ничего, кроме радости от того, что эти властители (османы – Н. Х., С. Х.) были изгнаны путем войны из этой важнейшей страны, и что она перешла под контроль державы, чьи более свободные и просвещенные взгляды должны возродить пришедшую в упадок торговлю, облагородить свирепость варваров, и сделать эту часть земного шара, почти превратившуюся в пустыню, вновь плодородной и производительной» [Eton 1798: 306].

Авторы, критически относившиеся к России, например, французский секретный агент Шарль-Жильбер Ромм (1750-1795), австрийский император Иосиф II (1741-1790), британский исследователь Эдвард-Даньел Кларк (1769-1822) и будущий англиканский епископ Калькутты Реджинальд Хебер (1783-1826), склонны были искать «золотой век» в эпохе Крымского ханства, которой противопоставляли разрушительное российское завоевание. «Нет ничего печальнее этого путешествия по местности, опустошенной войной», – писал Ромм, назвавший Крым жертвой (российского) честолюбия [Romme 2016: 66]. По словам Кларка, «Если бы нам пришлось рассказать о половине тех жестокостей, вымогательств, грабежей и варварства, которые русские обрушили на обреченных жителей Крыма и их обманутого хана [Шагин-Гирея – Н. Х., С. Х.], то этому рассказу никто бы не поверил» [Clarke 1816: 173].

Подобные антироссийские инвективы становились актуальными и в дальнейшем, в моменты обострения отношений России и Запада. Например, в годы Крымской войны (1853-1856) британские авторы описаний полуострова, хотя и считали Крымское ханство государством специфическим, занимавшимся главным образом войной и грабежом соседей, с удовольствием описывали тяжелые последствия его присоединения к России и жестокость российских властей в отношении татар [Milner 1855: 145-283; Grant 1855: 87-111]. Сегодня подобные сюжеты становятся выразительными иллюстрациями для исследований, стремящихся подчеркнуть негативные последствия присоединения Крыма к России [напр.: Williams 2001: 108; Romme 2016: 11-19].

Как и на Западе, в русской общественной мысли возникли две интерпретации прошлого. Будущий император Николай I (1796-1855) писал: «нет беднее и ленивее сих южных татар (...) Если б Крым был не в татарских руках, то б был совсем другим; там, где помещики и переселенцы русские или малороссийские, то все иначе, и хлеб есть, и обширные сады...» [Корф 1896: 95]. Выразителем другой точки зрения был его многолетний конфидент Александр Христофорович фон Бенкендорф (1782-1844): «вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины будет то, что эта прекрасная область, когда-то житница Константинополя и всей малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питавшая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню (...) Находясь в Кафе, испытываешь стыд; татары здесь были искусны, русские все разрушили» [Бенкендорф 2012: 80-81]. Похожи слова Александра Сергеевича Грибоедова (1795-1829): «На этом пепелище господствовали некогда готические нравы генуэзцев; их сменили пастырские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия; за ними явились мы, всеобщие наследники, и с нами дух разрушения; ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного» [Грибоедов 2006: 101]. В дневнике, рассказывая о поездке по Южному берегу, он соединил сразу два стереотипа – представления о татарской лености и о русской тяге к разрушениям. «Лень и бедность татар. Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские» [Грибоедов 1999: 327].

Согласно убедительному предположению, первые российские десятилетия были определяющими для формирования образа Крыма в русском общественном сознании [Зорин 1998: 123, 138-139]. По нашему мнению, изучение образа «золотого века» Крымского ханства в очередной раз показывает, что влияние этого времени на западные представления о Крыме также не стоит недооценивать.

Библиография:

БЕНКЕНДОРФ А.Х. Воспоминания 1802-1837 / пер. с фр. О.В. Маринин. — М., 2012.

ГРИБОЕДОВ А.С. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 2. — СПб., 1999.

- ГРИБОЕДОВ А.С. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 3. — СПб., 2006.
- ЗОРИН А.Л. Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 3. — С. 123-143.
- КОРФ М. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796-1817 гг.) // Сборник Императорского русского исторического общества. — 1896. — Т. 98. — С. 1-100.
- КУПРИЯНОВ П. С. «Ожесточенные варвары» с благородным характером // Восточная коллекция. — 2005. — Вып. 2. — С. 26-42.
- ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ Крыма в состав России, 1783-1825. — Севастополь, 2017.
- ПРУССКАЯ Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. — М., 2016.
- CLARKE E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. — London, 1816
- ETON W. A Survey of the Turkish Empire. — London, 1798.
- EISNER R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of travel to Greece. — Ann Arbor, 1991.
- FISHER A. W. The Crimean Tatars. — Stanford (Calif.), 1978.
- GRANT A. An Historical Sketch of the Crimea. — London, 1855.
- GUTHRIE M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, or Crimea. — London, 1802.
- MÉMOIRES du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. T. 1. Pt. 2. — Maestricht, 1785.
- MILNER Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars. — London, 1855.
- REUILLY J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. — Paris, 1806.
- ROMME Ch.-G. Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. — Paris, 2016.
- SASSE G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. — Cambridge (Mass.), 2007.
- THE WORKS of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry / ed. E. H. Coleridge. — London; New York, 1899.
- WEBSTER J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt. Vol. I-II. — London, 1830.
- WILLIAMS B.G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. — Leiden; Boston; Köln, 2001.
- ŽÍDKOVÁ M., MELICHAR H. Crimean Tatars before and after the Annexation of Crimea: Identity, Societal Security, and the Prospects of Violence // Annual of Language & Politics and Politics of Identity. 2015. Vol. IX. P. 87-112.

Чхаидзе В. Н.

ХУНКАЛА – ОСМАНСКАЯ КРЕПОСТЬ XVI–XVIII ВВ. НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Chkhaidze V.

Hunkala –

Ottoman fortress of the 16th – 18th centuries
on the Taman Peninsula

31 мая 1475 г. османская эскадра, насчитывавшая от 300 до 500 больших и малых судов, под командой великого везира Гедюк-Ахмед-паши подошла к берегам Крыма. 7 июня после артиллерийского обстрела и непродолжительной осады капитулировала Каффа. Османы заставили жителей выплатить контрибуцию и отстроить разрушенные стены. Город был переименован на турецкий лад в Кефе. Затем, летом или осенью, одна за другой были захвачены остальные генуэзские колонии — Воспоро (Керш), Матрега (Таман), Копа, Мапа, Бата, Тана [Зевакин, Пенчко 1938: С. 128; Некрасов, 1990: С. 42; Приймак 1997: С. 15; Шаповалов 2016: С. 19-20]. Следующий военный поход состоялся в 1479 г.

На рубеже XV-XVI вв. Порта приступила к развертыванию в регионе системы крепостей и опорных пунктов, одним из которых в 1501 г. стала Таманская крепость (перестроенная генуэзская), получившая название Хункала. В 1515-1519 гг. были возведены крепости Темрюк-Керман, Кызыл-Таш, Атчу и Агджа. Под османским владычеством в Крыму и на Тамани был учрежден военно-административный округ — Кафинский санджак (вилайет), находившийся в ведомстве бейлербейлика. В него входили все укрепления прибрежных и горных районов Крыма, степные города Гезлев (Евпатория) и Ор (Перекоп), а также отдельная лива, включавшая акваторию Азовского моря с Азаком, Восточный Крым с Кершем

и Таманский полуостров [Курникова 2008: С. 131-132]. Одновременно была создана Кефинская таможенная зона, ведавшая налогом на импорт и экспорт в Керше, Тамане, Копе и Азаке — провинция вошла в систему османской торговли и уже к 80-м гг. XV в. торговые позиции региона восстановились после длившегося несколько лет упадка. Во всех основных укреплениях (включая построенные Гезлев, Еникале, Перекоп и Хункалу в Тамане) были размещены османские гарнизоны [Некрасов 1990: С. 73; Шаповалов 2016: С. 55-57].

В 1551 г. в Хункале был умерщвлен низвергнутый турками крымский хан Сахиб I Герай (1532-1551) [Смирнов 2005: С. 317]. В 1556 г. османские крепости Тамань и Темрюк были на короткое время захвачены в ходе восстания адыгского племени жане [Приймак 1997: С. 26]. Во время сражения казачьего флота из Азова с турками и татарами в 1638 г., казаками была предпринята неудачная попытка захвата крепости Тамань [Волков, 2000: С. 52, 56].

Описания крепости оставили многие путешественники: Мартин Броневский (70 гг. XVI в.), Эмиддио Дортелли д'Асколи (1624-1634 гг.), Ферран (1702 г.), Абри де ла Мотре (1711 г.), Шарль-Клод де Пейсонель (50 гг. XVIII в) [Адыги: С. 54, 110, 125-126, 190]. Крепость Тамань подробно описана Эвлией Челеби (1666 г.) [Эвлия Челеби: С. 43-45; Волков, 1999: С. 46-47, 50], упоминается в анонимных турецких трактатах: 20-х гг. XVIII в. [Весела 1969: С. 124] и 1740 г. [Губоглу 1964: С. 149].

В 1783 г. Таманский полуостров был присоединен к Российской империи — после сдачи Тамани русским пушки из крепости были перевезены и установлены в крепости Анапа [История: С. 22]. Концом XVIII в. датируются несколько планов крепости, созданных русскими инженерами. На одном из них: «Плане татарского города Тамани...» 1771 г. (хранится в ВУА, № 26.188 и РГВИА, ф. 349, оп. 40, № 4369), хорошо просматривается крепость Хункала (Рис. 1).

С начала XIX в. территория крепости пришла в запустение.

Спорадические археологические исследования в районе «турецкой крепости» в ст. Тамань производились в 1824, 1837, 1845 гг., в 1848 здесь работал А. Фиркович; в 1852 г. К.Р. Бегичев. В 1953 г. эта территория

была исследована Таманской экспедицией Б.А. Рыбакова. Открыт саманный карьер, связанный с оборонительной стеной крепости, выявлен культурный слой мощностью 3-4 м. На территории крепости был заложен раскоп XXIV, выявлен слой XIV-XVI вв., перекрытый кладбищем Нового времени из 14 мусульманских погребений [Чхаидзе 2014: С. 395-396].

Крепость Хункала долгое время оставалась неисследованным памятником, т.к. практически вся ее территория находится под современной застройкой. Крепость не определена в число охраняемых памятников, однако в паспорте на памятник федеральной категории охраны городище «Гермонасса–Тмутаракань» ее территория входит в границы средневекового города. С 2010 г. Таманской средневековой экспедицией ИА РАН, наряду с планомерным изучением Таманского городища, проводятся исследования крепости [Чхаидзе 2014: С. 396-397. Рис. 1, 1-2; Чхаидзе, Воробьев 2015: С. 440-441].

В ходе этих работ очерчена территория крепости, хотя и обезличенная современной застройкой, в целом соответствующая плану конца XVIII в. (Рис. 1). Хункала располагается на возвышающемся над берегом Таманского залива холме. С севера ограничена береговым обрывом длиной 320 м (вдоль ул. Набережная) высотой до 9-12 м. Южная часть крепости устанавливается приблизительно и вряд ли выходит за ул. Лебедева (протяженность здесь более 260 м). Юго-западная сторона обрывается 6-8-метровым уступом к низине, которая прорезана водосток с крутыми откосами — т.н. Сухой балке, во все времена, видимо, служившей стоком из Сухого озера в центре станицы в море. Восточная часть крепости ограничивается ул. Шмидта (протяженность более 340 м). В береговом обрыве и в различных частях ул. Оболенского выявлены остатки стен крепости в виде масс оплывшего сырца. Площадь крепости Хункала достигает 8 га.

В середине XX в. на углу пер. Приморский и ул. Оболенского (СЗ угол крепости) находились мощные сырцовые развалины, из которых местные жители на протяжении длительного времени добывали сырец и кирпичи. С этого места ул. Оболенского поднимается к северу, что делает логичным предположение о существовании ранее на данной территории ворот и привратной башни. В заложенных здесь шурфах выявлен мощный

фундамент крупного сооружения, толщиной более 3,5 м — вероятно, стены или арки Пристанных ворот, упоминаемых в сочинении Эвлии Челеби: «Крепость Тамань представляет собой красивое пятистенное старое кирпичное здание на земляном холме на берегу моря ... Что же касается Пристанных ворот, то это искусно сделанные железные — в один ряд — ворота, обращенные на север. Залив как раз перед воротами и к ним причаливают все суда» [Эвлия Челеби: С. 43].

Среди находок на территории крепости выделяется глазурованная керамика XVI-XVIII вв.: фрагменты различных кувшинов, чаш, мисок и блюд, с росписью кобальтом, псевдоселадон и полуфаянсы; выявлены фрагменты чашек производства Изника и Кютахьи, турецкие курительные трубки. Материал находит аналогии в слоях Таманского городища [Чхаидзе 2014: С. 397. Рис. 1, 3-6] и одновременных памятников Таманского полуострова [Волков, Петерс 2003: С. 251-252. Рис. 7-8; Горошников, Кладченко 2015: С. 20-25. Рис. 2-3].

В Таманском археологическом музее хранятся 11 османских мраморных эпиграфических надгробий и 4 навершия в виде тюрбанов конца XVII-XVIII вв. [Волков 2009. С. 51-52; Волков 2018. С. 104-108. Рис. 1, 1-7; Зайцев, Чхаидзе 2015. С. 161-162. Рис. 1; 2019. С. 41-46. Рис. 1-6; Горошников, Чхаидзе 2020]. Можно полагать, одно из кладбищ XVII-XVIII вв. находилось на территории турецкой крепости, второе кладбище — в восточной части ст. Тамань.

Из Тамани происходят два клада монет Гиреев: 40-х-50-х гг. XVII в. и 40-х-70-х гг. XVIII в. [Волков, Туманов 2003: С. 40-44. Рис. 1-2]. Находки гиреевских монет известны и на одновременных сельских поселениях полуострова [Зиливинская и др. 2018: С. 461].

Библиография:

АДЫГИ: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. — Нальчик, 1974.

ИСТОРИЯ: История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1. Составитель А.В. Кушхабиев. — Нальчик, 2009.

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ: Книга путешествия. (Извлечения из турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Составитель и ответственный редактор А.Д. Желтяков. — М., 1979.

ВЕСЕЛА З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. II. — М. 1969. С. 98-139.

ВОЛКОВ И.В. Таманские острова в “Книге путешествия” Эвлии Челеби // ДК. Вып. 15. — Краснодар, 1999. С. 40-61.

ВОЛКОВ И.В. Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1638 г. // ДК. Вып. 16. — Краснодар, 2000. С. 42-63.

ВОЛКОВ И.В. Турецкая эпиграфика из Таманского археологического музея // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. — Краснодар, 2009. С. 50-52.

ВОЛКОВ И.В. Надгробия османского времени из Таманского археологического музея // ЛЕПТОН. Сборник научных статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова. — Армавир; Краснодар, 2018а. С. 104-109.

ВОЛКОВ И.В., ПЕТЕРС Б.Г. Средневековый керамический комплекс поселения Гаркуша // МИАК. Вып. 3. — Краснодар, 2003. С. 244-261.

ВОЛКОВ И.В., ТУМАНОВ В.В. Два клада гиреевских монет из ст. Тамань // ДК. Вып. 21. — Краснодар, 2005. С. 40-44.

ГОРОШНИКОВ А.А., КЛАДЧЕНКО О.В. Керамика турецкого времени поселения «Волна-12» на Тамани // Крым в войнах России. Материалы Всероссийской научной конференции. — Ростов-на-Дону, 2015. С. 20-25.

ГОРОШНИКОВ А.А., ЧХАИДЗЕ В.Н. Новые фрагменты османских надгробий из Тамани // МИАСК. Вып. 8. — Армавир; Краснодар, 2020 (в печати).

ГУБОГЛУ М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М., 1964. С. 131-161.

ЗАЙЦЕВ И.В., ЧХАИДЗЕ В.Н. Эпитафия Батыр-Гирея-оглу из Таманского археологического музея // РА. № 1. — М., 2015. С. 160-163.

ЗАЙЦЕВ И.В., ЧХАИДЗЕ В.Н. Османская эпиграфика Тамани // Вопросы эпиграфики. Вып. X. — М., 2019. С. 40-56.

ЗЕВАКИН Е.С., ПЕНЧКО Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Том 3. — М., 1938. С. 72-129.

ЗИЛИВИНСКАЯ Э.Д., ПЕТРОВ П.А., СОКОЛОВ П.М. Поселение и могильник Солёный II на Тамани: предварительные итоги // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции. — Карачаевск, 2018. С. 459-461.

КУРНИКОВА О.М. Архивные материалы по истории османских владений на территории Крыма (XVI-XVIII вв.) // Восток (Oriens), № 3. — М., 2008. С. 130-139.

НЕКРАСОВ А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV — первая половина XVI в. — М. 1990.

ПРИЙМАК Ю.В. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV — первая треть XIX вв.). — Армавир, 1997.

СМИРНОВ В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. — М., 2005.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Османская крепость Хункала // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. — М., 2014. С. 395-398.

ЧХАИДЗЕ В.Н., ВОРОБЬЕВ И.И. Исследования турецкой крепости Хункала в ст. Тамань // АО 2010-2013 годов. — М., 2015. С. 440-441.

ШАПОВАЛОВ С.Н. Очерки истории османских крепостей на Тамани и Азовском побережье Кубани в XV-XVII вв. — Краснодар, 2016.

Список сокращений:

АО — Археологические открытия

ДК — Древности Кубани

МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани

МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

Шахин Ю.В.

КРЫМ В СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Shakhin Yu.

Crimea in the Soviet-Yugoslavian Relations

На протяжении веков Крым влиял на двусторонние связи многих государств и народов. Он сыграл известную роль и в развитии отношений советского государства и Югославии. С учетом имеющихся данных, можно выделить три узловые точки, когда Крым прямо или косвенно влиял на дипломатические контакты указанных государств.

Первый раз крымское влияние прослеживается в 1920 г. С момента образования Югославии в 1918 г. ее отношения с Советской Россией были откровенно конфронтационными. Однако к лету 1920 г. югославская дипломатия была готова перейти к установлению отношений с РСФСР. С советской стороны наблюдалось встречное движение. В августе 1920 г. югославское правительство направило своего специального представителя Д. Илича в Таллинн для неофициальных переговоров с советскими представителями о возможности установления дипломатических отношений. 13 октября нарком иностранных дел Г.В. Чичерин официально ответил на его предложение, заявив о готовности начать переговоры. Однако через несколько месяцев положение радикально изменилось. Красная армия разбила в Крыму войска Врангеля, и остатки белых эвакуировались на Балканы, в том числе и в Югославию. В декабре 1920 г. Чичерин отправил в Югославию телеграмму, призывая ее правительство отказаться от поддержки врангелевских банд и установить нормальные дипломатические отношения [Советско-югославские 1992: док № 76, 81]. Однако этот призыв ничего не мог изменить. С тех пор регент, а позднее король Югославии, Александр демонстративно признавал только белые организации.

Еще одним вопросом, осложнившим двусторонние отношения, стала судьба Петроградской ссудной казны, вывезенной Врангелем из Крыма. Это был государственный ломбард. В 1917 г. его эвакуировали в г. Ейск, где впоследствии он был захвачен деникинцами. Затем казна перешла по наследству к Врангелю, и он переправил ее в Югославию. Советская республика претендовала на нее как на государственную собственность и ссылалась на ущемление интересов советских граждан, которые имели право льготного выкупа заложенных туда вещей. В 1920-1930-е гг. СССР неоднократно направлял Югославии свои протесты. Особенно громкими они были в 1923 г., когда Врангель начал распродавать ценности, хранившиеся в казне. Закончилось все тем, что в 1925 г. правительство Югославии наложило арест на ссудную казну и, по сути, прибрало ее к своим рукам. Последующие попытки СССР договориться о ее возвращении на родину успехом не увенчались [Советско-югославские 1992: док № 104, 133, 191].

Второй раз влияние Крыма сказалось в 1945 г., когда в Ялте решался вопрос о будущем устройстве Югославии. В годы второй мировой войны движение сопротивления в Югославии, возглавляемое местной компартией, приняло такой размах, что сумело создать новые органы власти. В ноябре 1943 г. Антифашистское вече народного освобождения Югославии запретило королю возвращаться в страну, а взамен эмигрантского правительства образовало Национальный комитет освобождения Югославии. США и особенно Великобритания были недовольны, что прежнее правительство, с которым они находились в союзнических отношениях, фактически низложено, а власть в стране перешла к коммунистической партии. В то же время по военным соображениям они не могли игнорировать новую власть в Югославии, так как она вносила значительный вклад в борьбу против Германии. Поэтому в 1944 г. Черчилль настоял на объединении двух правительств и переносе вопроса о судьбе монархии на послевоенное время. До определения государственного устройства король отстранялся от власти и передавал ее регентству. Й. Броз-Тито от имени НКОЮ и И. Шубашич от имени эмигрантского правительства достигли соответствующей договоренности. Но на пути ее реализации встал король Петр II. Он сопротивлялся и в январе 1945 г. едва не сорвал соглашение.

Вопрос о безотлагательной реализации соглашения был поставлен на Крымской конференции руководителей СССР, США и Великобритании, прошедшей в Ливадийском дворце с 4 по 11 февраля 1945 г. Все лидеры оказались в этом солидарны. Однако по итогам предварительных переговоров с Шубашичем Черчилль выступил с поправками к соглашению, призванными усилить влияние эмигрантских политиков на послевоенные процессы в Югославии. Он предложил расширить состав АВНОЮ за счет депутатов довоенного парламента, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с оккупантами, а принятые ранее законодательные акты АВНОЮ переутвердить на учредительном собрании. Наконец, Черчилль подчеркивал временный характер создаваемого в данный момент правительства. Последний пункт Сталин отверг, а остальные два принял.

В итоге Крымская конференция рекомендовала немедленно ввести в действие соглашение о формировании объединенного югославского правительства, пополнить АВНОЮ депутатами довоенной скупщины и превратить вече во временный парламент, а законодательные акты АВНОЮ вынести на утверждение Учредительной скупщиной [Югославия 2011: 504-505]. Об этом Сталин и Молотов сообщили Тито отдельной телеграммой из Ялты.

7 марта новое правительство было сформировано. За представителями КПЮ, как и предполагалось, закрепились ведущая роль. Это правительство сразу же получило дипломатическое признание государств «большой тройки». Таким образом, Крымская конференция выработала порядок легитимизации новой югославской государственности и закрепила путь ее международно-правового признания. Именно на основе этих принципов и был оформлен переход к федеративной республике и правлению КПЮ в течение 1945 г.

В третий раз Крым сыграл свою роль в колебаниях советско-югославских отношений после их нормализации в 1955-1956 гг. Последствия советско-югославского конфликта еще долго сказывались в отношениях двух государств и они проходили через периодические похолодания, когда двусторонняя напряженность возрастала. Крым служил одним из факторов их смягчения. Советские руководители неоднократно

приглашали лидеров Югославии на отдых в Крым, чтобы в неформальной обстановке обсудить существующие разногласия. Особенно настойчиво они стремились привлечь Тито к неформальным совещаниям дружественных компартий. Попытки такого рода предпринимались в 1957, 1962 и 1973 г. [Встречи 2014: 719; Встречи 2017: 419, 869-870; Президиум 2004: 1007; Романенко 2011: 630], однако Тито все их проигнорировал под разными предлогами, но по одной общей причине. В Югославии считали, что в коммунистическом движении не должно быть единого руководящего центра, и пока этот принцип не был закреплён решением Берлинской конференции 1976 г., Тито от подобных мероприятий уклонялся независимо от степени официальности.

Лишь один раз высшие руководители Югославии побывали на отдыхе в Крыму. В мае 1957 г. для развития двусторонних связей Президиум ЦК КПСС постановил «пригласить югославских руководителей на отдых в Крым». В Югославии предложение поддержали, и в июле на отдых в СССР направились Э. Кардель и А. Ранкович — ближайшие сподвижники Тито. 18 июля их принял Хрущев. Поездка Карделя и Ранковича подготовила почву для последующей неформальной встречи лидеров двух государств в Румынии и снятия напряженности, возникшей в конце 1956 г. из-за венгерского кризиса [Встречи 2014: 717-718, 725-726, 851; Президиум 2004: 256, 1007].

Фактор Крыма в советско-югославских отношениях периода «холодной войны» проявлялся также через активность Черноморского флота. Его корабли неоднократно посещали порты Югославии с дружественными визитами, способствуя укреплению отношений СССР и Югославии, над которыми постоянно витала тень конфликта 1948 г. Корабли ЧФ в 1956 г. посетили Сплит, в октябре 1957 г. Сплит и Задар, в июне 1964 г. Дубровник и Сплит, в июне 1966 г. Сплит, в январе-феврале 1968 г. Котор, в марте 1973 г. Сплит и Риеку, в сентябре 1973 г. Сплит. Особое значение имел визит советских кораблей в октябре 1957 г. Тогда на борту крейсера «Куйбышев» с официальным визитом в Югославию прибыл министр обороны Г.К. Жуков [Широкоград 2013: 216-217]. Из ответных визитов ВМС Югославии заслуживает отдельного упоминания посещение Сева-

стополя в мае 1958 г. За месяц до этого советско-югославские отношения вступили в очередную фазу резкого похолодания, однако высшее партийное руководство посчитало невозможным отменить запланированное мероприятие в силу его значимости [Президиум 2004: 308, 1033].

Таким образом, можно констатировать, что Крым играл спорадическую роль в советско-югославских отношениях, главным образом выступал как фактор, влияющий на развитие двусторонних контактов, и только решения Крымской конференции оказали глобальное влияние на ход политических процессов в Югославии.

Библиография:

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946-1980 гг. — М., 2014. Т. 1.

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946-1980 гг. — М., 2017. Т. 2.

Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. — М., 2004. Т. 1.

РОМАНЕНКО С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века — 1991 год). — М., 2011.

Советско-югославские отношения: Сборник документов и материалов. — М., 1992.

ШИРОКОРАД А. Б. Россия на Средиземном море. — М., 2013.

Югославия в XX веке. Очерки политической истории. — М., 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Asbury Robin	PhD, Marmara University	rcasbury@yahoo.com
Choi Dokkyu	North East Asia History Foundation	tokitoki64@hotmail.com
Forrest Alan	D.Phil., Prof., GAUGN, Moscow; University of York.	alan.forrest@york.ac.uk
Аникеева Татьяна Александровна	К.филол.н., Институт востоковедения РАН	tatiana.anikeeva@gmail.com
Баранов Андрей Владимирович	Д.и.н., профессор Кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»	baranovandrew@mail.ru
Белоглазов Роман Николаевич	Севастопольский государственный университет	crimea_conference@mail.ru
Белоруссова Татьяна Евгеньевна	Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, департамент «Исторический факультет», Кафедра истории Древнего мира и Средних веков	belorussovaaa@gmail.com
Борисова Галина Александровна	Российский государственный гуманитарный университет	mutemuia@gmail.com
Вахонеев Виктор Васильевич	К.и.н., филиал ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований»	vvvkerch@mail.ru
Воронин Константин Владимирович	Институт археологии РАН	volter1707@gmail.com
Гаврила, Андреа		m.shpakovskaya@gmail.com
Гайворонская Ольга Борисовна	ГБУРК «Крымский этнографический музей», научно-исследовательский отдел этнографии народов Крыма	gayvor-85@mail.ru
Гинькут Наталья Витальевна	ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»	n-ginkut@yandex.ru
Двухшерстнов Виктор Игоревич	Научно-образовательный центр «Центр морских исследований и технологий» Севастопольского государственного университета	victor19741978@gmail.com
Динь Ле Хонг Занг	Кафедра «Политология и международные отношения» ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет	giangdinh@yandex.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Дробышев Юлий Иванович	К.и.н., Отдел истории востока Института востоковедения РАН	altanus@mail.ru
Дружинина Надежда Сергеевна	Кафедра истории России исторического факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского	nadya_1995@mail.ru
Дьячков Сергей Владимирович	К.и.н., Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина	dyachkovst@gmail.com
Жигалова Наталья Эдуардовна	К.и.н., ФГБУО ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»	nezhigalova@gmail.com
Золотарев Олег Александрович	ВОО «Русское географическое общество»	oazis66@list.ru
Иванов Алексей Валерьевич	К.и.н., Институт археологии Крыма РАН	ivav@yandex.ru
Ирхин Александр Анатольевич	Д.полит.н., ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,	alex.irhin@mail.ru
Катюшин Александр Евгеньевич	Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»	katiushinaleksander@ gmail.com
Кладченко Ольга Витальевна	Южный научный центр РАН	kladchenko.olga@mail.ru
Конкин Денис Валерьевич	К.и.н. Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского	denis_konkin@mail.ru
Кузьмин Александр Евгеньевич	ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований»	vvvkerch@mail.ru
Курникова Оксана Михайловна	К.и.н., Институт востоковедения РАН	lineroxana@inbox.ru; okurnikova@ivran.ru
Курылев Константин Петрович	Д.и.н., профессор, Кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов	crimea_conference@mail. ru
Куц Татьяна Викторовна	Д.и.н., ФГБУО ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»	tkushch@yandex.ru
Ланник Леонтий Владимирович	К.и.н., доцент, Европейский университет в Санкт-Петербурге	leo-lannik@yandex.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Лебединский Виктор Викторович	К.и.н., Институт востоковедения РАН	v_lebedinski@mail.ru
Майко Вадим Владиславович	Д.и.н, Институт археологии Крыма РАН	vadimmaiko1966@mail.ru
Манаев Александр Юрьевич	К.и.н., доцент Кафедры истории России ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»	manaev_1977@mail.ru
Могаричев Константин Юрьевич	Кафедра Новой и новейшей истории ТА КФУ, Симферополь	kostiamohar@outlook.com
Москаленко Ольга Александровна	К.филол.н., доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	kerulen@bk.ru
Мыц Виктор Леонидович	К.и.н., Государственный Эрмитаж,	vic.mytz@yandex.com
Наумов Евгений Артурович	К.э.н., Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию	crimea_conference@mail. ru
Непомнящий Андрей Анатольевич,	Д.и.н., проф. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»	dr.aan@mail.ru
Осиповский Семен Николаевич	К.полит.н., доцент кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений СевГУ	simosip@gmail.com
Павлун Алла Андреевна	ГБУРК «Крымский этнографический музей».	Alla080809@mail.ru
Пак Белла Борисовна	Д.и.н., профессор, Институт востоковедения РАН	pakbell7@gmail.com
Прохоров Дмитрий Анатольевич	К.и.н., Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского»	prohorov1da@yandex.ru
Прудников Виталий Владимирович	К.и.н., Институт востоковедения РАН	gviskar@mail.ru
Роменский Александр Александрович	К.и.н., ФГБУК «Государственный историко-археологический музей- заповедник «Херсонес Таврический»	pergamen-romen@mail.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Рубцова Светлана Ивановна	Институт общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь; Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию	sirubtsova@sevsu.ru
Савкович Дарья Васильевна	ГБУРК «Крымский этнографический музей»	prostodasha46@gmail.com
Савчинский Владимир Эдуардович	К.и.н., ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	savchinskiy61@mail.ru
Сафонова Наталья Валерьевна	Институт востоковедения РАН	safonovanat@gmail.com
Соловьев Сергей Львович	К.и.н., Институт истории материальной культуры РАН	ssl2610@yandex.ru
Сорокин Александр Анатольевич	К.и.н., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории	skaliger1989@yandex.ru
Степаненко Валерий Павлович	Д.и.н., профессор, ФГБУО ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»	v.stepanenko49@mail.ru
Таньшина Наталия Петровна	Д.и.н., профессор Кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Лаборатория западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор Кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета	horoshovo@mail.ru
Татарков Дмитрий Борисович	К.и.н., Институт общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	ditar25@mail.ru

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Храпунов Никита Игоревич	К.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма	khrapunovn@mail.ru
Храпунова Светлана Николаевна	Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма	khrapunovn@mail.ru
Цыганов Александр Сергеевич	Старший преподаватель кафедры Политология и международные отношения Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь	tsyhanov72@mail.ru
Чхаидзе Виктор Николаевич	К.и.н., Институт археологии РАН	chkhaidze.v@yandex.ru
Шахин Юрий Владимирович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Севастопольский государственный университет	y-v-shahin@yandex.ru
Шпаковская Марина Анатольевна	Д.и.н., профессор, Кафедра Теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов	m.shpakovskaya@gmail.com

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА.

Материалы IV международной научной конференции
(Севастополь, 6-10 октября 2020 г.).

Том 2

Ответственный редактор

А.Д. Васильев

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников

Отпечатано в

Подписано в печать 00.08.2020 г.

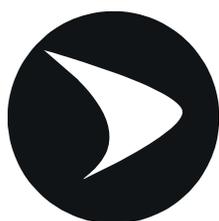
Формат 60×84 1/8, Условных печатных листов 31.62 Гарнитура Times

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»